

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

1`96

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

<i>Багдановіч А.Б.</i> Да пытання аб ужыванні назвы "Русь" на тэрыторыі Беларусі ў XIV–XVI ст.ст.	3
<i>Лазарева Д.И.</i> Ранніе этапы гісторыі Жировічскага манастыра па пісьменным істочнікам.	6
<i>Касмылёў В.С.</i> Падзеі і асобы беларускай гісторыі ў медальённым мастацтве.	9
<i>Сосна У.А.</i> Эвалюцыя дзяржаўных сцяган на Беларусі ў другой трэці XIX ст.	13
<i>Грыбко И.П.</i> Из истории городского общественного управления на территории Беларуси (конец XIX – начало XX в.)	17
<i>Абэцэдарская А.Л.</i> Дзейнасць таварыства аматараў прыгожых мастацтваў у Мінску (1898–1906 гг.)	21
<i>Щаплинский Н.Б.</i> Белорусские организации в 1917–1918 гг. в Одессе	24

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Харичкова Л.В.</i> Религиозный вопрос в Римской империи в период междоусобной борьбы за власть (306–324 гг.)	27
<i>Ленцевич О.М.</i> Общественный статус женщины в ранней христианской общине.	31
<i>Блашков Ю.А.</i> Финансовые мотивы в возникновении военных поселений в России.	34
<i>Каменская И.В.</i> Первые воскресные школы в России (начало 60-х годов XX в.)	37

ГІСТОРЫЯ МІЖНАРОДНЫХ АДНОСІН

<i>Беляев М.П., Сушкевич Л.П.</i> Из предыстории Вестфальского мирного конгресса (французская и имперская дипломатия в поисках мира).	41
<i>Жарко С.Б.</i> К истории установления дипломатических отношений между Россией и США. .	44
<i>Мязга М.М.</i> Савецка-польскія перамовы аб заключэнні дагавору аб ненападзе ў 1924–1926 гг.	47
<i>Бенчева К.</i> Балканский кризис 90-х годов и международное сообщество.	52

ФІЛАСОФІЯ

<i>Дорогенький А.В.</i> Цивилизационное развитие как объект философско-методологического анализа.	54
--	----

ПАЛІТАЛОГІЯ, САЦЫЯЛОГІЯ

<i>Белобродский Д.Г.</i> Основные особенности тоталитаризма.	58
---	----

ЭКАНОМІКА

<i>Шмыгова Л.И.</i> Роль рынка ценных бумаг в экономическом развитии: некоторые теоретические и практические аспекты проблемы.	62
---	----

ПРАВА

<i>Макарова Т.И.</i> Право на благоприятную окружающую среду в системе прав человека.	66
--	----

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ І СУЧАСНАСЦЬ (публікацыі і пераклады)

"Наша бяспілле становіцца відавочным." (па дакументах нямецкага камандавання)	69
--	----

НОВАЕ Ў ВУЧЭБНЫМ ПРАЦЭСЕ

<i>Алпееў А.М., Раманоўскі І.Ф.</i> Вывучаем гісторыю грамадскіх рухаў і палітычных партый.	74
--	----

РЭЦЭНЗІІ

<i>Коршук В.К., Казаков Ю.Л., Сорокин А.Н.</i> Эксперимент: Человек и Земля.	77
<i>Осіпаў А.І.</i> Філасофія: Вучэбны дапаможнік.	78
<i>Вабішчэвіч А.М.</i> Społeczność białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej (Białoruś Zachodnia i Litwa Wschodnia) w latach 1939–1941. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 1995. 406 s.	78

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

<i>Анатолій Александрович Головкин</i>	80
---	----

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года

адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

1`96

САКАВІК

МІНСК
"УНІВЕРСІТЭЦКАЕ"

Галоўны рэдактар В.Р. РУДЗЬ
Адказны сакратар П.М. БАРАНОЎСКИ

Рэдакцыйная калегія серыі:

А.І. ЗЕЛЯНКОЎ (*адказны рэдактар*)
П.І. БРЫГАДЗІН, **В.М. ГАДУНОЎ**, **С.Р. ДРАБЯЗКА**, **А.М. ЕЛСУКОЎ**,
Ю.Л. КАЗАКОЎ (*адказны сакратар*), **У.Л. КЛЮНЯ**, **У.К. ҚОРШУК** (*нам.*
адказнага рэдактара), **С.А. МАЛЕВІЧ**, **С.В. РАШЭТНІКАЎ**, **У.М. ХОМІЧ**,
П.А. ШУПЛЯК

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серыя 3, №1, 1996.

Издательство "Універсітэцкае".

220048. Минск, проспект Машерова, 11, Дом книги.

Адрес редакции: 220080, Университетский городок, тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар *А.А. Сычоў*

Мастацкі рэдактар *Ю.С. Сергачоў*

Тэхнічны рэдактар і карэктар *Г.І. Хмарун*

Набор і вёрстка выкананы ў рэдакцыі часопіса Г.М. Добыш і У.А. Сямёнавым

Падпісана да друку 16.04.96. Фармат 70x108 1/16. Папера афс. Друк афсет.
Ум. друк арк. 7,0. Ум. фарб.-адб. 7,52. Ул.-выд арк. 8,81. Тыраж 670 экз. Заказ 572.
Цана 12000 р.

Адрес рэдакцыі: 220080, Минск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42. Выдавецтва
"Універсітэцкае". 220048. Минск, праспект Машэрава, 11, Дом кнігі.

Надрукавана з гатовых дыяпазітываў заказчыка ў друкарні выдавецтва "Беларускі
Дом друку". 220013. Минск, праспект Ф.Скарыны, 79.

© Веснік Белдзяржуніверсітэта, 1996

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

А.Б. БАГДАНОВІЧ

ДА ПЫТАННЯ АБ УЖЫВАННІ НАЗВЫ “РУСЬ” НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў XIV – XVI стст.

Этнічная самасвядомасць — адзін з найважнейшых кампанентаў этнасу. Таму вывучэнне ранніх форм этнічнай самасвядомасці надзвычай актуальна як у грамадскіх, так і ў навуковых адносінах.

Праблема развіцця этнічнай самасвядомасці беларусаў XIV–XVI стст. даследавалася шэрагам навукоўцаў¹. Разам з тым пытанне аб ужыванні тэрміна “Русь” — “рускія” як самастойнага феномена яшчэ не разгледжвалася.

У пачатку XIV ст. Вялікі князь літоўскі Віцень далучыў да свайго княства Полацк, а ў час праўлення Альгерда і Кейстута працэс уваходжання беларускіх зямель у склад ВкЛ быў практычна завершаны.

Новая дзяржава — ВкЛ — захоўвала шматлікія традыцыі Кіеўскай Русі. Вялікія князі літоўскія ў адносінах да свайго ўсходнеславянскага насельніцтва доўгі час прытрымліваліся прынцыпу “старыны не рухати”, згодна з якім, усе ўзаемаадносіны і прававыя нормы мінулага зберагаліся і выконваліся². Этнічная самасвядомасць усходнеславянскага насельніцтва Беларусі падтрымлівалася як “рускім правом”, непасрэдна звязаным з мясцовай інтэрпрэтацыяй “Русской правды”, так і роднай размоўнай мовай, а таксама мовай летапісаў³.

Гістарычныя крыніцы паказваюць, што ўваход беларускіх зямель у ВкЛ першапачаткова не прывёў да змяненняў у этнічнай самасвядомасці іх насельніцтва. Аб гэтым сведчаць шматлікія дакументы на старабеларускай мове.

Сярод іх *Жалаваная грамата* польскага караля Уладзіслава-Ягайлы, выдадзеная 25 красавіка 1387 г. брату, князю Скіргайлу, на Трокскае, Мінскае і Полацкае княствы, дзе пералічваюцца гарады Бабруйск, Рэчыца, Прапойск, Ігумен, а “на Русской стороне город Менеск”⁴; Хроніка Літоўская і Жамойцкая, у якой адлюстравана вострая палітычная барацьба канца XIV ст., паведамляе, што: “Свидригайло и Витовт... всю Русь Полоцкую, Лукомскую, Витебскую, Оршанскую, Мстиславскую успокаивали и до послушенства княжества Литовского привели”⁵. Грамата вялікага князя Вітаўта рыжскаму гарадскому Савету аб перамовах з паслом Х. Грымпе (1398 г.) заканчваецца так: “И желаем вам добро и об этом послали наше письмо по-русски”⁶.

Наогул, распаўсюджанасць “рускай” (старабеларускай) мовы, ступень ужывання (колькасць этнічных літоўцаў сярод насельніцтва Вялікага княства Літоўскага складала тады не больш 20%⁷) зрабілі яе не толькі афіцыйнай мовай дзяржавы. Гэта была і мова знаці; аб гэтым сведчаць Літоўская метрыка, архіў дзяржаўнай канцылярыі Вялікага княства Літоўскага, дакументы якога напісаны пераважна на “рускай мове”. Зразумела, частка афіцыйных актаў пісалася на лацінскай мове, але яе распаўсюджанне стрымлівала тое, што многія чыноўнікі не ведалі гэтай мовы.

Вядома, што хаця праваслаўная царква ў ВкЛ паступова страчвала свае грамадска-палітычныя пазіцыі, але яна засталася асноўнай захавальніцай усходнеславянскіх традыцый у галіне культуры. Крыніцы даюць падставу гаварыць аб магутным культурным уплыве Русі на Літву, якая па складу

насельніцтва і асаблівасцям жыцця ўяўляла сабой больш рускае, чым Літоўскае княства⁸.

Але ў 1386 г. Вялікі князь Уладзіслаў-Ягайла, пасля жаніцьбы на польскай каралеве Ядвізе быў абраны каралём Польшчы і прыняў каталіцтва. З тых часоў пачалася актыўная дзяржаўная падтрымка і прапаганда каталіцтва, вымушана мянялася і этнічная самасвядомасць насельніцтва. У эпоху ж сярэднявечча адной з найвышэйшых адзнак этнічнай самасвядомасці народа з'яўлялася рэлігійная прыналежнасць.

Градацыя насельніцтва Вялікага княства па канфесіянальна-этнічнай прымеце прасочваецца нават у тытуле Вітаўта: "Великий князь Александр, завомого Витовтом Литовского и многих русских земель господаря"⁹. Рускімі землямі называлі тэрыторыю, дзе жыло ў асноўным праваслаўнае насельніцтва. Назва захоўвалася вельмі доўга. Да першай паловы XVI ст. большая частка насельніцтва Беларусі ўваходзіла ў склад аўтакефальнай праваслаўнай мітраполіі на чале з мітрапалітам Кіеўскім і ўсёй Русі¹⁰.

Колькасць праваслаўных царкваў мітраполіі ў XVI ст. (яна ахоплівала землі Беларусі, Украіны, частку Літвы і Польшы) дасягала некалькіх тысяч. Афіцыйна мітрапаліта прызначаў Канстанцінопальскі патрыярх. Але, фактычна, заходнерускіх мітрапалітаў выбіраў Вялікі князь, які разлічваў на іх лаяльнасць да сваёй палітыкі. У выпадку адсутнасці такой лаяльнасці мітрапаліт аказваўся ў складаным становішчы: Вялікі князь мог нават выгнаць уладыку, апраўдваючы сябе, напрыклад, наступным чынам: "не хочаю оскудения видети митрополии Киевской и спадав с нашей братьею, с князьями Рускими наших Руских земель того Фотья изгнали"¹¹. Цікавая таксама спасылка Вітаўта на Савет з праваслаўнымі феодаламі Вялікага княства, г.зн. "князьями Русскими"¹².

Нашы продкі актыўна гандлявалі з суседзьямі: так, славянам, што пасяліліся ў Рызе, ужо ў XIII ст. былі дадзены грамадзянскія правы. У горадзе быў нават так званы "Русский конец", дзе будаваліся лаўкі купцоў, а ў ваколіцах знаходзілася руская вёска. Большасць пасяленцаў складалі выходцы з Полацка і з прыдзвінскіх земляў¹³.

У сувязі з гэтым выклікаюць цікавасць два дакументы: гандлёвы дагавор Полацка з Рыгай (1406 г.) і вялікакняжацкая грамата (1450 г.). У гандлёвым дагаворы занатавана: "Полочане и рижане должны друг друга защищать, оберегать и оборонять, как себя самих в своих городах. А если русский купец провинится в Риге, его нужно отправлять в Полоцк и судить по праву". Вялікакняжацкая грамата патрабуе: "нам блюсти Псковитина как и Литвина, а вам Литвина нашего блюсти как и Псковитина"¹⁴.

Чаму фактычна аналагічныя па зместу дакументы маюць розную этнамімічную афарбоўку? Па-першае, жыхары горада Полацка ў большасці з'яўляліся праваслаўнымі і іх этнонім "русіны", "рускія", як адзначалася вышэй, быў звычайным. Па-другое, палітычна ўмацоўвалася Вялікае княства Літоўскае, рос яго аўтарытэт, і ў дзяржаўна-палітычным кантэксце, ліцвінам мог называцца любы жыхар княства.

І, нарэшце, праваслаўныя жыхары Вялікага княства адчувалі на сабе канфесіянальны прэсінг, праваднікамі якога з'яўляліся віленскае каталіцкае епіскапства, манастырскія ордэны францысканцаў, бернардзінцаў і аўгусцінцаў. Антыправаслаўнай была і вялікакняжацкая дзяржаўная палітыка: пастановай 1481 г. забаранялася будаўніцтва праваслаўных храмаў на тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага. Не дазвалялася перадаваць зямлю праваслаўнай царкве і манастырам у якасці падарункаў ці завяшчанняў¹⁵.

У XVI–XVII стст. працэс рэлігійнага ўціску працягваўся. Ён узмацніўся пасля Люблінскай (1569 г.) і аслабіўся пасля Брэсцкай (1596) уніі. Так, у той час "за адмову прыняць каталіцкую веру жыхары г. Капыля атрымалі па 150 палачных удараў. Аднак, нягледзячы на гэта, у горадзе і большасці навакольных вёсак увесці каталіцтва не ўдалося. Безумоўна, барацьба тут была не проста супраць каталіцтва, а за права нацыянальнага самавызначэння"¹⁶.

Зразумела, праваслаўнае насельніцтва Вялікага княства не магло пагадзіцца з дыскрымінацыяй па канфесіянальнай прымеце. Выразнікам гэтай незадаволенасці стаў брат Ягайлы Свідрыгайла Альгердавіч, абвешчаны пасля смерці Вітаўта (1430 г.) Вялікім князем.

У адной з пісьмовых крыніц XV ст. Свідрыгайлу называюць: “Великий князь Швидригал Руский”¹⁷, падкрэсліваючы гэтым самым яго праваслаўную веру і веру яго падданных. У Супрасльскім рукапісу ад 1440 г. адзначана: “И придя Швидригайло на Полотеск и на Смоленск, и князи рускыи и бояре посадиша князя Швидригайла на Великое княжение на Руское”. Там жа паведамляецца аб барацьбе Свідрыгайлы і Жыгімонта: “На льто собрался Швидригайло со князи руськими и со бояры и со всею силою рускою пойде на Литву”. Але перамог Жыгімонт, які пачаў “княжити на Великом княжении Литовском и Руском”¹⁸. У наступным ён стаў ахвярай заговору праваслаўных магнатаў, братоў “русских князей” Івана і Александра Чартарыйскіх.

Абвяшчэнне ў 1440 г. Вялікім князем трынаццацігадовага сына Ягайлы Казіміра, натуральна, не вырашала пытання аб палітычных правах “русских” — праваслаўных вяхароў дзяржавы. Толькі агульназемскі прывілей (1447 г.) гарантаваў праваслаўным феадалам Вялікага княства эканамічную і палітычную раўнапраўнасць з феадаламі-католікамі. Але на практыцы доступу да вышэйшых дзяржаўных пасадаў праваслаўным не было, што вяло да акаталічвання беларускай шляхты і збліжала феадалаў розных нацыянальнасцей на базе адной сацыяльнай платформы і ўмацоўвала іх дзяржаўны патрыятызм¹⁹.

Гістарычныя крыніцы сведчаць, што на аснове дзяржаўна-палітычнай самасвядомасці, прыблізна з канца XV ст., пачынае складвацца агульная для беларусаў форма саманазвы — палітонім “ліцвіны”. Але пры канфесіянальнай дыферэнцыяцыі насельніцтва на праваслаўных і католікаў першыя ўстойліва вызначалі сябе як “русіны”. В.У. Ластоўскі падкрэсліваў, што “у сферы культурна-рэлігійнага жыцця устанаўліваецца этнонім “Русь”, а ў сферы дзяржаўнай — “Літва”²⁰. Добра вядома, што беларускі першадрукар Ф. Скарына прызначаў свае выданні “рускому” насельніцтву Вялікага княства Літоўскага “... для того, чтобы братия моя Русь, люди посполитые чтут и могли лепей разумети”²¹.

У Статуце Вялікага княства Літоўскага 1588 г. назвы “Русь”, “рускі” сустракаюцца неаднакратна і толькі адзін раз упамінаецца назва “Літва” у этнічным кантэксце²².

Уваходжанне беларускіх зямель у Вялікае княства Літоўскае першапачаткова не прывяло да змяненняў у этнічнай самасвядомасці славянскай часткі грамадзян дзяржавы. Нашы продкі працягвалі лічыць сябе “русинами”, “русью”, “рускими”. Але паступова, у сувязі з ростам міжнароднага аўтарытэту і вядомасці Вялікага княства, у дзяржаўна-палітычным кантэксце зацвердзілася назва “ліцвін” для ўсіх яго грамадзян.

¹ Пилипенко М. Ф. Возникновение Белоруссии: Новая концепция. Мн. 1991; Ча к в і н І. У. // Скарына і яго эпоха. Мн. 1990; Г о л е н ч е н к о П. Я. Идеиные и культурные связи восточнославянских народов в XVI – середине XVII вв. Мн., 1989; Ка ў к а А. К. Тут мой народ. Мн., 1989.

² Русская историческая библиотека. СПб., 1910. Т.27. С.35; Д о в н а р - З а п о л ь с к и й М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. С.84.

³ Можейко Н. С., Игнатенко А. П. Древнерусский язык. Мн., 1978. С.18.

⁴ Полоцкие грамоты. Вып. 1. М., 1977. С.51 (у далейшым — П.Г.).

⁵ Полное собрание русских летописей. М., 1975. Т.32. С.66.

⁶ П.Г. С.61.

⁷ Мялешка В. І., Капыскі З. Ю., Лойко П. А. Беларусь у канцы XV – сярэдзіне XVI ст. Скарына і яго эпоха. Мн., 1990. С.67.

⁸ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1988. Т.2. С.104.

⁹ Акты Западной России. СПб., 1846. Т.1. С.33 (у далейшым — АЗР).

¹⁰ Мартос А. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. Мн., 1990. С.101.

¹¹ АЗР. С.36–37.

¹² Там жа.

¹³ Сапунов А. П. Река Западная Двина. Витебск, 1983. С.279.

¹⁴ П.Г.С. 105; 93.

¹⁵ Хорошкевич А. Л. // Первый Литовский статут 1529 г. Вильнюс, 1982. С.32.

¹⁶ Пятровіч С. Н. і Багдановіч Б. К. Капыль (гістарычны нарыс). Мн., 1974. С.19.

¹⁷ АЗР. С.50.

¹⁸ ПСРЛ. М., 1980. Т.3. С.57,58.

¹⁹ Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С.14.

²⁰ Ластоўскі В. У. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Коўно, 1926. С.138.

²¹ Скарына Ф. Творы. Мн., 1990. С.37.

²² Статут Вялікага княства Літоўскага. 1588: Тэксты, даведнік, каментарыі. Мн., 1989. С.118, 125, 152, 213, 336, 217.

РАННИЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ ЖИРОВИЧСКОГО МОНАСТЫРЯ ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ

О начальном периоде существования Жировичского монастыря литературные сведения отрывочны и противоречивы. По одним преданиям в 1470, по другим — в 1480 году во владениях боярина Солтана была обретена Чудотворная икона Божьей матери. Икона была найдена “в дремучем лесу ... на лесной груше, стоявшей под горой над ручьем ... местными пастухами... которые отнесли ее своему господину Александру Солтану. Но тот не обратил особого внимания на икону и спрятал ее в ларец. На следующий день ... икона из ларца таинственным образом исчезла ... вскоре пастухи вновь нашли ее на том же дереве. Солтан дал обет построить на этом месте церковь. После сооружения деревянного храма здесь возникло селение и образовался приход...”¹.

Из ранних источников XVII – начала XVIII вв. известно, что на месте нынешнего монастыря был дремучий лес². Действительно, еще в середине XVI в. “пуца пана Солтана имени Жировичского” простиралась к югу от современных Жировичей* на расстояние не менее 20–25 км. Ее граница проходила к северу от линии Любичицы – Бытень³.

Никаких археологических памятников, предшествовавших монастырю, в его окрестностях не выявлено. Ближайшее древнее городище находится примерно в трех километрах к северу, у дороги на Слоним. П.А. Раппопорт относит это городище к “простейшему типу ... никаких следов искусственных земляных оборонительных сооружений ... культурный слой очень беден...”⁴, т.е. материал не позволяет говорить не только об усадьбе феодала, но даже о сколь-нибудь значительном поселении домонгольской эпохи. Не обнаружены в окрестностях и курганные захоронения. Все эти обстоятельства подтверждают сведения источников об отсутствии какого-либо поселения вблизи Жировичского монастыря до начала XVI в.

Униатский историк XVIII в. Стебельский сообщает, что “до 1493 года Жировичи с окрестными селами принадлежали дворянскому роду Гойцевичей, а после беспотомственной смерти последних представителей этого рода они перешли в распоряжение Литовского государя. Великий князь Литовский Александр грамотой своей от 20 марта 1493 года пожаловал Жировичи в потомственное владение маршалку своему Солтану Александровичу”⁵. В этой грамоте перечислены входившие в состав Жировичского имения деревни: Вержболоты, Литва, Станево, Русаково, Залесье, Мироним.

Несомненно, под названием “Жировичское имение” в этой грамоте упоминается не поселение на месте современного села Жировичи, но имение “Старые Жировичи”. Это имение, находившееся в 12-ти верстах от Слонима, в последней четверти XIX в. “принадлежало Микульским и включало фольварки Трусевцизна и Литва с хутором Андреевом и пустошью Миронимом”⁶. В то же время собственно “Жировичи ... где находится монастырь...”, по данным того же источника, отстояли от Слонима “на 9 верст”, т.е. “Старые Жировичи” находились значительно севернее. Причем скорее всего это был “господский двор”, а не какое-нибудь значительное поселение.

Теперь рассмотрим вопрос о датировке первого упоминания этой местности в связи с “обретением Жировичской Чудотворной иконы”. Дата “1470 г.”, утвердившаяся в литературе еще в прошлом веке, представляется достаточно сомнительной. В первых печатных изданиях “Истории... об образе Матери Божьей Жировичской...”, составленной Феодосием Боровиком не позднее 1621 г., дата “явления” отсутствует⁷. В рукописном экземпляре этой же “Истории...”, который использовал в своем исследовании П.Жукович, указано, что первое явление иконы и постройка первой церкви в Жировичах произошли “... около 1500 г. в царствование Казимира Ягайловича...”. Как известно, Казимир Ягеллончик умер в 1494 году. Очевидно, из-за этой несообразности в печатных изданиях “Истории...” датировка “явления” опущена.

Впервые “1470 г.” как дата явления иконы упоминается в работе итальянского каноника Исидора Нарди, изданной на итальянском языке в 1721 и перепечатанной

*Исторические “Старые Жировичи” и современное село Жировичи — разные населенные пункты.

в 1728 г. в Супрасле. Эта дата (1470) сначала утвердилась в униатской, а потом и в православной церковной литературе. Что послужило для Нарди источником этой даты, не ясно, но нами она принята быть не может, так как мы уже упоминали, что только в 1493 г. Жировичи перешли во владение Солтана Александровича, в то время как все источники связывают явление иконы именно с ним, т.е. с вполне реальной исторической личностью, даты жизни которой хорошо известны.

Несмотря на авторитет Нарди у базилианских историков, уже в XVII–XVIII вв. возникли сомнения относительно обоснованности этой даты. Наиболее авторитетным здесь является мнение историка Стебельского, который, как мы уже говорили, ввел в научный оборот грамоту 1493 г. Стебельский считал, что явление иконы произошло при сыне Александра Солтана тоже Александре. Первый умер в 1494 или 1495 году, второй — не позднее 1554 года. Как видим, Стебельский датировал явление иконы ориентировочно последними годами XV — первыми десятилетиями XVI вв.

В описи имущества, оставшегося после первого Александра Солтана, составленной не позднее 1495 г., упоминается о наличии в Жировичском имении ризницы⁸. По мнению Жуковича, это предполагает и существование церкви⁹. В то же время в тексте веновой записи, выданной Александром Солтаном (вторым) на свое имение Жировичи и Шешкини в 1549 году, не упоминается никакая-либо церковь в Жировичах¹⁰. Однако по косвенному свидетельству в 1565 г. в Жировичах уже существовала церковь. Этот вывод можно сделать на основании упоминания ярмарки в Жировичах: "... месяца сентября осьмого дня... на день народженья Панны Марии..."¹¹. Ярмарки, как правило, назначались в дни местных храмовых праздников.

Упоминание о Жировичской церкви, в которой находилась Чудотворная икона, содержится и в сообщении о чудесном исцелении Раины Война, совершившемся в 1558 г. (это сообщение было записано в 1618 году со слов ее сестры Дороты Войнянки). На основании всех этих, правда, косвенных данных мы можем утверждать, что храм в Жировичах существовал уже в первой половине XVI в.

Как явствует из документа, датированного 1555 г.¹², в это время Жировичское имение принадлежало Ивану Александровичу — сыну предыдущего владельца. Позднее, в 1572 г., Иван Александрович совершает дарственную запись своей жене, урожденной княжне Марине Васильевне Соломерецкой, на "имение и двор Жировичи с подаванием церковным и з фольварком..."¹³. В этом документе уже прямо сообщается о существовании в Жировичах церкви. Однако никаких данных о самих Жировичах, о церкви, о каких-либо фактах, связанных с возникновением и существованием населенного пункта и церкви, исторические акты XVI века не сообщают.

В рукописном "Сказании Феодосия Боровика", составленном на 50–60 лет позже событий, которые могли происходить в Жировичах в середине XVI в., но основанном на свидетельствах очевидцев, сообщается, что первая церковь, построенная в Жировичах, сгорела "по неосмотрительности служителей, от непогашенной свечи". После этого чудотворная икона была помещена в "церковке" (маленькой часовне), а позднее была выстроена новая деревянная церковь. В печатном издании этого же "сказания" приведены некоторые дополнительные сведения, в частности, о том, что Иван Александрович даже начал постройку каменной церкви "спустя 20 лет после пожара"¹⁴. Так как он умер "до 1579 г.", то пожар первой деревянной церкви мы можем датировать 50-ми годами XVI в.

После смерти Ивана Александровича все его имения были разделены между четырьмя сыновьями. Жировичи поделили пополам старшие братья — Давид и Ярослав. В 1578 г. Ярослав продал свою часть Жирович младшему брату Ивану: "Двор Жировицкий зо всим будованьем... также ж и з половиною монастыра Церкви Жировицкое"¹⁵.

В документе впервые упоминается не только церковь, но и монастырь, правда, весьма своеобразно — не "церковь монастырская" или "при монастыре", но монастырь при церкви. По этому поводу П.Жукович замечает, что "пребывание монахов при приходских церквях было довольно распространенным явлением в Западной, как и в Восточной России... Есть некоторое основание предположить, что уже в XVI в. существовал при Жировичской церкви небольшой монастырек приходско-богодельного типа, с особым зданием для него..."¹⁶.

В начале XVII в. история Жировичского монастыря развивалась довольно бурно. Перечислим лишь некоторые события: сдача имения арендатору-еврею в 1603 г.; убийство Иваном Ивановичем Солтаном этого арендатора в 1605 г.; состоявшийся вскоре суд, возвративший Жировичи наследникам убитого, и, наконец, переход местечка к новому хозяину.

В ходе судебного разбирательства была произведена оценка “всего имения Жировичского: “двор, грунты, также и самый монастырь, церковь и доходы церковные...” Все это было оценено в весьма значительную по тому времени сумму “4671 копу и 45 грошей литовских”¹⁷. В 1606–1609 гг. половина Жировичского имения, ранее принадлежавшая Ивану Солтану, была выкуплена у наследников убитого арендатора мстиславльским каштеляном Иваном Мелешко¹⁸. К нему же перешло и право патроната Жировичской церкви и монастыря.

Сам Иван Мелешко, видимо, уже в 1603 г. был униатом. Не позднее 1609 г. Жировичская церковь также стала униатской. Григорий Сула, священник Жировичский, обязался повиноваться униатскому митрополиту И.Потею¹⁹.

В период организации Базилианского ордена митрополит Иосиф Рутский обратил внимание на Жировичскую церковь с чудотворной иконой. В 1610 г. Жировичи посетил ближайший помощник Рутского Иосифат Кунцевич, убедивший Ивана Мелешко поселить при Жировичской церкви униатских монахов. В 1613 г. Иван Мелешко дал жалованную грамоту Жировичскому униатскому монастырю, а в 1618 г. была выдана подтверждающая грамота.

В этих документах он подтверждает, что, вступив во владение половиной Жировичского имения, отдает церкви и монастырю униатского исповедания все земли, подданных и все, что ранее было пожертвовано родом Солтанов этой церкви. Там упоминаются: “... церковь в имени Жировичах... заложения Успения Пречистое Богородицы, з монастыром и фольварком до того монастыра приналежачим... з будованем монастырским... з грунты... з лесом...”²⁰.

В 1620 г. был обращен в униатство владелец второй половины Жировичского имения Даниил Давыдович Солтан. Он также передал монастырю свою “половину прав”. В 1621 г. Даниил Солтан продал канцлеру Великого Княжества Литовского Льву Сапеге свою часть Жировичского имения. В этом же году Лев Сапега продал свою часть имения владельцу второй половины — Ивану Мелешко.

Биограф Иосифа Рутского Рафаил Корсак приписывает Ивану Мелешко постройку нового или, во всяком случае, капитальную перестройку старого здания монастыря в Жировичах: “монастырь запущенный отстроил”²¹. Мелешко умер в 1622 г. Все Жировичское имение досталось его дочери Богдане Перецлавской, которая грамотой, данной в 1623 г., подтвердила все отцовские пожертвования монастырю.

Во второй четверти XVII в. Жировичский монастырь с чудотворной иконой начинает приобретать все большую известность как один из центров уни.

В 1644 г. монастырь посетил король Владислав IV. Выданный им тогда же привилей содержал только упоминание о праве жителей Жирович (мещан) торговать разными товарами и устраивать ярмарки. О каких-либо общественных сооружениях (ратуша, рынок) этот привилей не упоминает²². Практически идентичны первому и все позднейшие подтверждающие привилеи, выданные монастырю на протяжении XVII–XVIII вв. королями Речи Посполитой.

В 1655 г. и местечко и монастырь были разорены и сожжены казацкими отрядами. В 1661 г. Сейм освободил жителей на вечные времена от военного постоя и на четыре года от всех налогов, а в 1667 г. продлил эту льготу еще на четыре года. В 1706 г. монастырь был разрушен шведскими войсками, пострадало и местечко.

Этими событиями мы можем завершить краткий очерк начального этапа становления монастыря.

Архитектурный ансамбль монастыря начал формироваться на рубеже XVII–XVIII вв. Концом XVII в. датируется возведение главного храма во имя Успения и жилой корпус, примыкающий к нему с юга. В XVIII в. после постройки еще двух церквей (Крестовоздвиженской и Богоявленской) и трехэтажного жилого корпуса, примыкавшего с севера к Успенской церкви, окончательно сложился сохранившийся до наших дней ансамбль монастыря.

¹ Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. Спб. 1890. Приложения. С.46.

- ² Жукович П. Неизданное русское сказание о Жировичской иконе Божьей Матери // Известия Отделения Императорской Академии наук. 1912. Т. XVII. Кн. 2.
- ³ Волович Г. Б. Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском. Вильно, 1867. С. 16–17.
- ⁴ Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель. X–XIV вв. Л. 1967. С. 78–79.
- ⁵ См. Жукович П. Указ. соч. С. 196–197.
- ⁶ Słownik geograficzny Królestwa Polskiego. Warszawa, 1895. T. XIV. S. 898.
- ⁷ См. Жукович П. Указ. соч. С. 203–204.
- ⁸ См. Русская историческая библиотека. Спб., 1903. Т. 27; Литовская метрика. Т. 1. С. 871–876.
- ⁹ Жукович П. Указ. соч. С. 210–211.
- ¹⁰ Жукович пользовался поздней копией этой записи, находившейся в собрании епископа Павла Доброхотова (См. указ. соч. С. 202–203 и Примечание 1. С. 206).
- ¹¹ Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. 22. Акты Слонимского земского суда. Вильно, 1895. С. 178.
- ¹² Там же. С. 43–44.
- ¹³ Жукович П. Указ. соч. С. 212.
- ¹⁴ Там же. С. 213.
- ¹⁵ Там же. С. 215.
- ¹⁶ Там же. С. 217–218.
- ¹⁷ Акты, издаваемые Виленской комиссией... Т. 28. Вильно, 1901. С. 101–102.
- ¹⁸ Жукович П. Указ. соч. С. 227.
- ¹⁹ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Вильно, 1859. Т. VI. С. 156–157.
- ²⁰ Жукович П. Указ. соч. С. 236.
- ²¹ Там же. Примечание 2. С. 243.
- ²² См. Литовские епархиальные ведомости. 1864. № 4–5.

В. С. КАСМЫЛЁЎ

ПАДЗЕІ І АСОБЫ БЕЛАРУСКАЙ ГІСТОРЫІ Ў МЕДАЛЬЕРНЫМ МАСТАЦТВЕ

Мемарыяльныя медалі, прысвечаныя важным гістарычным падзеям, або жыццю і дзейнасці знакамітых асоб, на жаль, не прыцягнулі ўвагі беларускіх даследчыкаў. Чым жа можна растлумачыць гэту непавагу да вельмі цікавых і дастаткова інфармацыйных помнікаў? Прычын шмат. Найбольш сур'ёзная з іх, на мой погляд, у тым, што пераважная колькасць памятных медалёў выраблена па-за межамі Беларусі, таму яны успрымаюцца большасцю даследчыкаў як частка гістарычнай і культурнай спадчыны іншых народаў (галоўным чынам польскага і рускага). У беларускіх музеях і архівах мемарыяльных знакаў даўняга часу амаль няма, што ўскладняе знаёмства з імі, а тым больш іх навуковае вывучэнне. Адсутнічаюць спецыяльныя выданні аб мемарыяльных медалях у абсалютнай большасці нашых бібліятэк. Значная колькасць медалёў мае надпісы (легенды) на лацінскай мове, што таксама некалькі ўскладняе вывучэнне з агульнай масы тых, якія маюць дачыненне да беларускай гісторыі. Сваю ролю адыгралі тут і нігілістычныя адносіны блізкага мінулага да ўсяго, што не ўпісвалася ў класічную сістэму перманентнага класавага супрацьстаяння.

Медаль — металічны (пераважна) знак, выраблены ў гонар знамянальнай падзеі ці знакамітых дзяржаўных, рэлігійных і прыватных асоб. Дамінуючае прызначэнне медала ў тым, каб адзначыць і замацаваць у высокамастацкім творы памяць аб асобе ці падзеі.

Менавіта ў такой якасці медалі пачынаюць сваё існаванне на тэрыторыі Беларусі ў XVI ст. У другой палове стагоддзя пачынаецца мясцовая медальная вытворчасць у сталіцы Вялікага княства Літоўскага (далей — ВкЛ) у Вільні¹.

Сярод памятных знакаў XVI ст. найбольшую цікавасць, на мой погляд, уяўляюць медалі, прысвечаныя падзеям Лівонскай вайны (1558–1583) на тэрыторыі Беларусі. Змаганне за Полацк з'явілася тады адным з напружаных момантаў ваеннага супрацьстаяння. Полацк капітуляваў перад царскімі войскамі 15 лютага 1563 г. Праз 16 з паловай гадоў (11 жніўня 1579 г.) войскі караля Рэчы Паспалітай Стэфана Баторыя пачалі аблогу горада і пасля шэрагу крываваўх штурмаў авалодалі ім (29 жніўня). Узяцце Полацка выклікала як у ВкЛ, так і ва ўсёй Рэчы Паспалітай усплёск захаплення і радасці. Поспех С. Баторыя атрымаў таксама гучны рэзананс у Заходняй Еўропе.

Аўтару вядомы некалькі медалёў, прысвечаных узяццю Полацка. Усе яны маюць на правым баку (аверсе) выяву Стэфана Баторыя і адпаведную тытулатуру, на адваротным баку (рэверсе) змешчаны надпісы на латыні з падзячнымі малітвамі Усявышняму за зварот раней страчаных тэрыторый. Найбольшую цікавасць уяўляе медаль, на рэверсе якога змешчаны лапідарны надпіс на латыні (“Полацк і Лівонія вернутыя”) і алегарычная сцэна. Яе кампазіцыйным цэнтрам з’яўляецца пальмавае дрэва — сімвал міру. Пад ім, з аднаго боку — постаць мужчыны (дэталі вопраткі дазваляюць пазнаць у ёй маскоўскага стральца), які панура сядзіць на барабане, падпёршы правай рукой галаву. Каля яго ног — разнастайная зброя і вайсковыя прылады. З другога боку пальмы стаіць жанчына з апушчанай проставаалосай галавой, рукі яе звязаны за спіной, побач дзіцяня ў роспачы.

Гэтая жанравая сцэна ўяўляе жывалісную парафразу добра вядомай у еўрапейскай гісторыі і мастацтве сцэны, узыходзячай да падзей іўдзейскай вайны (66–73). Упершыню яна з’явілася на манетах рымскага імператара Ціта Флавія Веспасіяна (69–79) з надпісам і відарысам, якія нагадвалі захоп Іерасаліма і задушэнне іўдзейскага паўстання рымлянамі. Храністы А. Гваніні і І. Бельскі паведамляюць, што залатыя экзэмпляры медалёў за полацкую перамогу ўручаліся гасцям на вяселлі канцлера і вялікага гетмана Яна Замойскага са сваячкай Стэфана Баторыя Грызельдай, а сярэбраныя раскідваліся сярод людскіх натоўпаў на вуліцах⁷ (рис.1).

Рис. 1

На працягу некалькіх стагоддзяў Вялікія Літоўскае і Маскоўскае княствы (потым Рэч Паспалітая і Расія) вялі зацятую барацьбу за Смаленск. Крэпасць уяўляла важнейшы стратэгічны пункт і неаднойчы пераходзіла з рук у рукі. На пачатку XVII ст. для Рэчы Паспалітай стварыліся спрыяльныя ўмовы, каб у наступны раз авалодаць Смаленскам. У верасні 1609 г. кароль Рэчы Паспалітай Жыгімонт III Ваза пачынае аблогу горада, якая працягвалася больш за 20 месяцаў. У выніку рашучага штурму 13(3) чэрвеня 1611 г. цытадэль была захопленая.

Весткі аб здабыцці Смаленска выклікалі ў Рэчы Паспалітай усеагульнае трыумфаванне. Дзяржаўны дзеяч і апантаны каталіцкі прапаведнік Пётр Скарга ўрачыста абвясціў, што ўзяцце Смаленска з’яўляецца праяўленнем боскай волі, якая такім чынам паказвае шлях распаўсюджання каталіцтва. Жыгімонт III Ваза пачынае адкрыта прэтэндаваць на маскоўскі прастол, каб аб’яднаць пад сваім скіпетрам суседнія краіны.

Гэтым падзеям прысвечаны чатыры медалы розных майстроў. Найбольш уражвае памерамі, матэрыялам (золата) і сюжэтам твор невядомага медальера. На аверсе — выява Жыгімонта III Вазы ў доўгім пласціністым металічным панцыры, з рапірай на баку; паверх накінутага плашча — ланцуг ордэна Залатога Руна. У правай руцэ — палкаводчае жазло. На скронях — лаўравы вянок пераможцы. Побач з каралеўскай постаццю бачны карона і шышак.

Дэталі вопраткі, іншыя аксесуары выразна падкрэсліваюць асабісты ўдзел караля ў ваенных дзеяннях і яго ролю вайсковага правадыра. Легенда медаля ўтрымлівае падрабязную тытулатуру Жыгімонта III Вазы.

На рэверсе — сцэна штурму Смаленска з вышыні птушынага палёту. Бачны гарматны выбухі ўнутры цытадэлі, паабпал войскі, якія рушылі на прыступ. Легенда ўключае сентэнцыю "Калі пераможаныя атрымліваюць волю", а таксама надпісы, што ўдакладняюць месца і час падзеі.

Залаты экзэмпляр мемарыяльнага знака важыць 1104 г; хутчэй за ўсё такі ўзор медаля прызначаўся для рэпрэзентацыі пріянным венцаносным асобам³ (рис.2).

Рис.2

Зацятая барацьба за Смаленск працягвалася і надалей. Расійская дзяржава неаднаразова спрабавала зноў авалодаць горадам. Адна з такіх спроб адбылася ў 1632–1634 гг. (Смаленская вайна). У красавіку 1632 г. памёр Жыгімонт III Ваза, і ў Рэчы Паспалітай разгарнулася ўнутраная палітычная барацьба. Выкарыстаўшы зручны момант, рускія войскі на чале з ваяводам М.Б. Шэйным падыйшлі да Смаленска і пачалі аблогу (снежань 1632 г.). Шэйн меркаваў узяць горад правільнай аблогай, але рускія дзейнічалі марудна і нерашуча. У жніўні 1633 г. на дапамогу смаленскаму гарнізону падышоў новы кароль Рэчы Паспалітай Уладзіслаў IV з 15-тысячным войскам. Суадносіны сіл змяніліся, рускія паступова былі адціснуты ад горада, маскоўскі лагер быў блакіраваны войскам Рэчы Паспалітай, што ў рэшце рэшт прывяло да мірных перамоў; 26(16) лютага 1634 г. рускі гарнізон капітуляваў і жадаючыя атрымалі магчымасць вярнуцца на радзіму. Падзеям Смаленскай вайны прысвечаны два медалі. Азнаёмімся з адным з іх. На аверсе яго — панарама поля бітвы ў наваколлі Смаленска. Цэнтральнае месца ў кампазіцыі займае шацёр, перад якім сядзіць Уладзіслаў IV у вайсковым убранні з адпаведнымі аксесуарамі. Вакол яго — гара трафейнай зброі, сцягоў і амуніцыі, а таксама двое звязаных рускіх воінаў. У далечыні праглядаюцца муры Смаленска. З нябёс імклівыя арлы шпурляюць маланкі і кідаюць камяні. Самы вялікі арол з каралеўскай каронай сімвалізуе асобу Уладзіслава IV. З аднаго боку шатра рыцар з мячом і шчытом гоніцца за адыходзячым рускім войскам (гэтага воіна атаясамліваюць з гетманам ВкЛ Крыштофам Радзівілам). З супрацьлеглага боку крумкачы, якія раздзёўваюць трупы. У легендзе ўхваляюцца подзвігі Уладзіслава IV.

На рэверсе — акаймаванае лаўровым вянком шматслоўнае ўхваленне Уладзіслава IV і Крыштофа Радзівіла за вызваленне Смаленска ад аблогі. Такія медалі чаканіліся з золата і серабра (рис.3).

Вялікая колькасць медалёў прысвечана Паўночнай вайне (1700–1721). Некаторыя з іх адлюстроўваюць тагачасныя падзеі на беларускай зямлі. Па-першае, гэта серыя расійскіх знакаў, прысвечаных перамозе над шведамі каля

Рис.3

вёскі Лясная 9 кастрычніка (28 верасня) 1708 г. На іх выбітыя выявы Пятра I, батальныя сцэны, тлумачальныя надпісы і адпаведныя здарэнню цытаты з Авідзія і Вяргілія⁴.

Натуральна, што падзеі Паўночнай вайны не абмінулі і медальернае мастацтва Швецыі. Сярод медалёў ёсць знак, які прысвечаны перамозе шведаў над рускімі войскамі каля вёскі Галаўчын 14 (3) ліпеня 1708 г. На аверсе бюст Карла XII у даспехах, плашчы з ільвінай маскай на плячы. Легенда ў перакладзе з лацінскай мовы абвяшчае: “Узброены справядліваасцю справы і мячом”. На рэверсе — алегорыя вайны ў выглядзе жанчыны ў шлеме, з кап’ём і шчытом. Надпісы: “Ні агонь, ні вада яго не ўтрымліваюць”, “Вабіч пераадолены ў брод і маскоўскія войскі разбіты”⁵.

Вядомы таксама шведскі медаль, дзе пералічаны дванаццаць перамог Карла XII, у тым ліку і перамога пад Гродна.

Значная колькасць медалёў, у той ці іншай ступені звязаных з гісторыяй Беларусі, з’явілася ў апошняй трэці XVIII ст. Сярод іх — знакі Рэчы Паспалітай і Расійскай імперыі, прысвечаныя першаму і другому падзелам Рэчы Паспалітай. Найбольшае ўражанне выклікае расійскі медаль “Отторженная возвратихъ”.

Можна ўгадаць таксама мемарыяльныя знакі, прысвечаныя Канстытуцыі 3 мая 1791 г., будаўніцтву канала Агінскага, адрачэнню ад прастола апошняга караля Рэчы Паспалітай Станіслава Аўгуста Панятоўскага ў Гродне (25 лістапада 1795 г.).

Цікавыя медалі прысвечаны падзеям руска-французскай вайны 1812 г. Звяртаюць увагу расійскія знакі “Сражение при Березине” і “Бегство Наполеона за Неман”. Францыя адзначыла медалямі наступныя эпизоды вайны 1812 г.: захоп Вільні і рэтыраду сваіх войскаў з Расіі (рис.4,5).

У 1828 г. быў адчаканены медаль да 250-й гадавіны Віленскага ўніверсітэта. На аверсе — бюст Мікалая I і легенда на латыні: “Мікалаю I, апекуну. Віленскі ўніверсітэт выказвае ўдзячнасць і прыхільнасць. 25 чэрвеня 1828 г.” На адваротным баку — бюсты Стэфана Баторыя, Аляксандра I і лацінскі надпіс: “Стэфану Баторыю — заснавальніку ў 1578 г., Аляксандру I — аднавіцелю ў 1803 г.”

Шмат медалёў прысвечана ўраджэнцам Беларусі, а таксама асобам, чыё жыццё і дзейнасць звязаны з Беларуссю. Колькасна вызначаецца серыя медалёў, прысвечаная Радзівілам. Іх выпуск пачаўся яшчэ ў канцы XVI—пачатку XVII ст. і працягваўся да XX ст.

У многіх краінах вырабляліся і вырабляюцца медалі ў гонар Т. Касцюшкі. Прыгадаю толькі адну, якая з’явілася ў Францыі неўзабаве пасля смерці нашага суайчынніка. Яна прыцягвае ўвагу тым, што на рэверсе адзначана памылковае месца нараджэння — Сяхновічы ў польскім (?) княстве Літоўскім.

Рис.4

Рис.5

Узгаданья мною медалі складаюць нязначную частку мемарыяльных знакаў, але, спадзяюся, яны даюць пэўнае ўяўленне аб гэтай надзвычай цікавай гістарычнай крыніцы.

¹ Гл.: Gumowski M. // Atheneum wileńskie. R.VI. Z.1-2. Wilno, 1929. S.73 і наст.

² Wiściek A. Dzieje sztuki medalierskiej w Polsce. Kraków, 1972. S.55.

³ Stahr M. Medale Wazów w Polsce 1587–1668. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1990. S.68.

⁴ Гл.: Пискунова Л. С. Северная война в медальерном искусстве. Л., 1950. С.104–106.

⁵ Там жа. С.104.

У.А. СОСНА

ЭВАЛЮЦЫЯ ДЗЯРЖАЎНЫХ СЯЛЯН НА БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ТРЭЦІ XIX ст.

40–60-я гады XIX ст. для дзяржаўнай вёскі — час рэформ і пераўтварэнняў, што прывялі да карэнных зрухаў у прававым і эканамічным становішчы казённага саслоўя, істотна выдзелілі яго з масы сялянскага насельніцтва Беларусі.

Рэформа П.Д. Кісялёва (1840–1857 гг.) з'явілася першым звязом задуманага "двадзінага" пераўтварэння казённай і памешчыцкай вёскі. 28 снежня 1839 г. Мікалай I падпісаў "Устанаўленне аб кіраванні дзяржаўнымі маёмасцямі ў заходніх

губернях і Беластоцкай вобласці“ і “Палажэнне аб люстрацыі дзяржаўных маёмасцей заходніх губерняў і Беластоцкай вобласці”¹. На чале кіравання было пастаўлена Міністэрства дзяржаўных маёмасцей, у губернях — палаты, а яшчэ ніжэй — акруговыя ўпраўленні. Першым міністрам дзяржаўных маёмасцей быў прызначаны начальнік V Аддзялення Імператарскай канцылярыі (“штаба па сялянскай частцы”) Павел Дзмітрыевіч Кісялёў — прыхільнік абмежавання і лібералізацыі феадальна-прыгонніцкіх адносін, тонкі палітык, які добра разумеў сітуацыю ў так званым Заходнім краі (меў уласны маёнтак на Правабярэжнай Украіне). Аб’ектыўна рэформатарская дзейнасць графа Кісялёва мела як прагрэсіўныя, сацыяльна-эканамічныя, так і рэакцыйныя, палітычныя, рысы: меркавалася за кошт некаторага паляпшэння становішча сялянства і стварэння аддушны для развіцця капіталізму ў рамках існуючага ладу аслабіць крызіс прыгонніцкіх адносін і засцерагчы феадальна-манархічны рэжым ад краху. Прычым у губернях Беларусі, Літвы і Правабярэжнай Украіны ўсё гэта арганічна ўвязвалася са справай “обрусевання сего края”².

Люстрацыя дзяржаўных маёнткаў па сутнасці зводзілася да рэгулявання сялянскага землекарыстання і строгай рэгламентацыі сялянскіх павіннасцей, каб падняць плацэжаздольнасць дзяржаўнай вёскі. 10 красавіка 1884 г. Мікалай I зацвердзіў даклад Кісялёва, на аснове якога была выдадзена “Інструкцыя палатам дзяржмаёмасцей Віленскай, Ковенскай, Гродзенскай і Мінскай губерняў” аб пераводзе на аброк дзяржаўных маёнткаў³. Указам ад 4 чэрвеня 1845 г. палажэнні аброчнай сістэмы былі распаўсюджаны і на губерні Віцебскую з Магілёўскай⁴. Ужо да пачатку 1853 г. у пяці паўночна-заходніх губернях на паншчыне заставалася толькі 6588 (1,9%) сялян мужчынскага полу⁵. Ліквідацыя фальваркаў павялічыла сялянскі надзельны фонд у чатырох беларускіх губернях (без Віленскай) на 10,73%, а перавод на аброк садзейнічаў змяншэнню павіннаскага прыгнёту (у сярэднім на 20%)⁶. Усё гэта фактычна ўраўноўвала дзяржаўных сялян Беларусі з сялянамі ўнутраных рускіх губерняў.

Па меры пераводу на аброк скасоўвалася арэндная сістэма ў казённых маёнтках. На аснове “Агульных Палажэнняў” аб устанавленні сельскага кіравання дзяржаўных сялян ствараліся сельскія грамады, якія аб’ядноўвалі ад 1 да 1,5, а на практыцы і больш, тысяч душ мужчынскага полу. У гэтых грамадах уводзілася выбарнае кіраванне, якому давяралася самастойнае вырашэнне гаспадарчых, адміністрацыйных і судовых спраў. Істотна пашыраўся і ўмацоўваўся прававы статус саслоўя. Згодна з “Законамі аб правах стану сельскіх жыхароў”, якія ўвайшлі ў другі том спецыяльна выдадзенага “Зборніка пастановаў па кіраванню дзяржаўнымі маёмасцямі” (СПб., 1850), прызнавалася “грамадзянская свабода” дзяржаўных сялян, што выгадна адрознівала іх ад бяспраўных памешчыцкіх падданных. У гэтым плане прынцыповае значэнне мелі: права ўступлення ў шлюб, правы бацькоўскія, права апекі і папярэцельства, права наследавання, права ўласнасці, правы абавязцельныя, права на занятак гандлем і промысламі. Спыненне прававога стану дзяржаўных сялян магло быць здзейснена толькі з пераходам у іншыя саслоўі і званні, пры паступленні на вайсковую службу ці, у крайнім выпадку, па суду за ўчыненае злачынства. Іншая рэч, што практычны бок рэалізацыі гэтых правоў пацвярджаўся далёка не ўсюды, не заўжды і не ў поўнай ступені. Не пазбаўлена была злоўжыванняў і новая сістэма адміністрацыйнага ўладкавання.

Усё гэта пашырала рэальныя магчымасці добраахвотнага пераходу з саставу дзяржаўных сялян у іншыя саслоўі, што раней было вельмі складана. Хоць указ ад 3 кастрычніка 1776 г. дазваляў удзельным і казённым сялянам запісвацца ў купецкае ці мяшчанскае саслоўе, а указ ад 31 сакавіка 1819 г. — да заканчэння тэрміну арэнды⁷, на практыцы працэдура іх ажыццяўлення аказвалася пад сілу толькі адзінкам гандлюючых і занятых промыслам дробных вытворцаў. Так, з 1835 па 1850 г. у мяшчане і купцы паступіла ў Віцебскай губерні 89, Гродзенскай — 32, Мінскай — 2, Магілёўскай — 85 дзяржаўных сялян мужчынскага полу⁸. Указ ад 22 снежня 1837 г. дазваляў казённым сялянам перасяляцца ў гарады з захаваннем свайго саслоўнага звання, але ўмовы “гаспадарчага становішча” блакіравалі гэтую магчымасць. Становішча памяншалася толькі з пераходам сялян

на аброк. Ужо ў пачатку 50-х гг. у Магілёве налічвалася 56 казённых сялян абодвух полаў, у Віцебску — 32⁹.

У 30–50-х гг. XIX ст. адбываецца значнае пашырэнне казённага саслоўя на Беларусі пераважна за кошт манастырскіх і духоўных вотчын, памешчыцкіх (што належалі ўдзельнікам паўстання 1830—1831 гг.) і ўдзельных прыгонных, асабіста незалежных ці паўсвабодных катэгорый сельскага насельніцтва. Колькасны і якасны рост сялянскага і грамадска-палітычнага руху, пагроза іх зліцця прымусілі царызм сякаткова адмовіцца ад раздач дзяржаўных сялян. Фельдмаршал І.Ф. Паскевіч, які кіраваў падаўленнем шляхецкага паўстання, пісаў цару Мікалаю I 29 лістапада 1831 г.: “Я думаю, калі зменшыцца ўлада памешчыкаў над сялянамі... то Польшча, можа быць, калі не прыхільна, ва ўсякім разе не апасна Расіі, і нават ў вайне”¹⁰. У кіруючых колах пачынаюць ускладаць надзеі на дзяржаўных сялян, імкнучыся ўмацаваць у іх “адданаць да ўрада”.

У сувязі з гэтым асобае палітычнае значэнне ў “Заходнім краі” набыла праблема рэлігійнага яднання афіцыйных улад і сялян. Таму ў 30–40-х гг. XIX ст. адбылося рэзкае змяненне веравызнальнага аблічча беларускага сялянства на карысць праваслаўя. Гэта ў рашаючай ступені абумоўлівалася ліквідацыяй уніяцкай царквы на Беларусі. Паводле указа ад 31 снежня 1831 г. у казённых маёнтках заходніх губерняў разгарнулася будаўніцтва праваслаўных цэркваў¹¹. Казённыя палаты і палаты дзяржаўных маёмасцей атрымалі сакрэтнае прадпісанне садзейнічаць пераводу сялян у праваслаўе. У выніку ўжо к 1848 г. праваслаўе стала рэлігіяй большасці (57,1%) дзяржаўных сялян, асабліва на ўсходзе, дзе яшчэ да канца XVIII ст. захавалася адзіная праваслаўная епархія ў Рэчы Паспалітай, і ў цэнтры Беларусі. Католікі складалі 41,6%. Колькасна яны пераважалі толькі ў Віленскай губерні. Астатнія рэлігійныя групы былі нязначнымі¹².

Рэформа П.Д. Кісялёва выклікала супрацьдзеянне памешчыцкага класа, які ўбачыў у гэтым замах на свае саслоўныя прэагатывы. У палітычным аглядзе III Аддзялення Імператарскай канцылярыі і корпуса жандараў за 1841 г. сцвярджалася: “Ніводная ўстанова не настройвала супраць сябе ў такой моцнай ступені агульнай думкі, як Міністэрства дзяржаўных маёмасцей... Кажуць, што ўстанаўленнем гэтага Міністэрства парушаны асновы моцы Расійскай манархіі да шкоды самадзяржаўя, што гэта дзяржава ў дзяржаве, з сваёю заканадаўчаю, адміністрацыйнаю, судоваю і выканаўчаю ўладай, — прыклад шкодны для прыгонных людзей; павага дваранства да ўлад і сялян да памешчыкаў парушана”¹³. Імкнучыся скампраметаваць рэформу казённых маёнткаў у заходніх губернях, каб не дапусціць распаўсюджвання яе прынцыпаў на астатнюю вёску, памешчыкі адзначалі, што “быт народа паправіўся толькі на паперы”¹⁴. Такія папрокі мелі пад сабой рэальныя падставы. Нягледзячы на значнае зніжэнне павіннаснага прыгнёту, заставалася вострай праблема малазямелля і поспехі сельскай гаспадаркі дзяржаўных сялян у параўнанні з памешчыцкімі былі невялікія.

З другога боку Кісялёва крытыкаваў рэвалюцыйна-дэмакратычны лагер. Яго дзейнасць усхвалявалі толькі асобныя прадстаўнікі ліберальнай бюракратыі, таму Кісялёў трымаўся прыхільнасцю Мікалая I, які глыбока верыў у яго здольнасць безбалесна вырашыць сялянскае пытанне. Але з уступленнем на прастол Аляксандра II кар’ера Кісялёва як дзеяча па сялянскаму пытанню закончылася. У 1856 г. ён быў з ушанаваннем адпраўлены паслом у Францыю і заменены графам М.М. Мураўёвым, які раней паслядоўна займаў пасты губернатараў у Магілёве, Гродне і Мінску, а пазней, у 1863–1865 гг., — генерал-губернатара ўсяго так званага Паўночна-заходняга краю і набыў сумніўную славу “вешальніка”. Сацыяльна-палітычным ідэалам новага міністра было ўдзельнае кіраванне.

Мураўёў падвергнуў рэзкай крытыцы пераўтварэнні свайго папярэдніка, перш за ўсё за ліквідацыю фальваркаў і зніжэнне павіннаснага прыгнёту, што, на яго думку, змяншала даходы казны. У ходзе праведзенай ім контррэформы (1857–1862 гг.) са свабодных і адабраных у сялян земляў былі створаны фермы, што аддаваліся ў доўгатэрміновыя арэнды. Адначасна павысіўся памер аброку па дзевяці заходніх губернях у сярэднім на 22%. У выніку сяляне траплялі ў адрабочаную кабалу да новых, а нярэдка і старых арэндных паноў. Адказам

дзяржаўных сялян на контррэформу з'явіўся актыўны ўдзел іх у паўстанні 1863 г., што вымусіла ўрад адмовіцца ад далейшага ажыццяўлення рэакцыйных мер і павярнуць на шлях прагрэсіўных пераўтварэнняў у дзяржаўнай вёсцы Літвы, Беларусі і Правабярэжнай Украіны¹⁵.

Пасля ўказаў 1863 г., што ліквідавалі часова-абавязаныя адносіны прыватнаўласніцкіх сялян заходніх губерняў, становішча дзяржаўных сялян у параўнанні з былымі памешчыцкімі аказалася значна горшым. Пад пагрозай новых хваляванняў у дзяржаўнай вёсцы запалоханы паўстаннем 1863 г. урад паспяшаўся з рэформай, каб ураўняць становішча тых і другіх. Першым крокам у гэтым напрамку стала правядзенне паверачнай люстрацыі, якая вызначала памеры надзелаў і аброкаў, маючы на ўвазе надзелы і выкупныя плацяжы былых прыватнаўласніцкіх сялян суседніх маёнткаў. У адрозненне ад агульнаімперскага палажэння 1866 г. для дзяржаўных сялян, паводле якога ім перадаваліся існуючыя надзелы не ва ўласнасць, а толькі ў карыстанне за аброчны падатак, для дзевяці заходніх губерняў Міністэрства дзяржаўных маёмасцей распрацавала асобы закон, зацверджаны 16 мая 1867 г. Аброчны падатак сялян гэтых губерняў, павялічаны на 10%, ператвараўся ў выкупныя плацяжы, а самі яны пераводзіліся ў разрад уласнікаў. Гэта знішчала феадальную залежнасць дзяржаўных сялян ад уладальніка і ліквідавала іх як феадальнае саслоўе. У выніку рэформы дваравыя зямельныя надзелы дзяржаўных сялян Беларусі перавысілі такія ж у памешчыцкіх на 17–37%¹⁶. Былыя паншчыннікі арэндных маёнткаў аказаліся нават у больш выгадным становішчы, чым маса расійскіх аброчнікаў.

Больш спрыяльныя ўмовы гаспадарчага развіцця дзяржаўнай вёскі ў 40–50-х гг. XIX ст. абумоўлівалі пераважнае, у параўнанні з памешчыцкай, павелічэнне насельніцтва ў ёй за кошт натуральнага прыросту. Аднак канкрэтна па беларускіх губернях тэмпы яго былі невысокімі. Так, за 16 гадоў (1834–1850) у Віленскай, Мінскай, Гродзенскай і Магілёўскай губернях сярэдні штогадовы прырост склаў 0,7, 0,4, 0,3 і 0,2%, што адпавядала 20, 37, 42 і 46 месцам сярод 48 губерняў Еўрапейскай часткі Расійскай імперыі. У Віцебскай губерні, побач з суседняй Пскоўскай, статыстыка паказала нават змяншэнне дзяржаўных сялян¹⁷. Неспрыяльны ўплыў на гэты працэс аказвалі няўроды і голад, што перыядычна паўтараліся ў перыяд крызісу прыгоннага ладу. У справаздачы III Аддзялення і корпуса жандараў цару за 1846 г. паведамлялася: "Недахоп харчоў ад ранейшых няўродаў у Заходнім краі і беднасць жыхароў, змардаваных дрэннай ежай, парадзілі там эпідэмічныя хваробы"¹⁸. У наступныя два гады ад халеры памерла 4837 душ абодвух полаў дзяржаўных сялян пяці беларускіх губерняў¹⁹. Ва ўмовах развалу феадальнай гаспадаркі сялянам было цяжка спраўляцца і з наступствамі грозных прыродных з'яў. Так, 29 і 31 мая 1857 г. у шэрагу сумежных паветаў Віленскай і Гродзенскай губерняў лютавала бура і выпаў град велічынёю з гусінае яйка. У выніку аказаліся разбуранымі мноства дамоў і гаспадарчых пабудоў, пабіта хатняя жывёла, знішчаны збожжавыя пасевы на плошчы больш за 17 тыс. дзесяцін²⁰. Узмоцненыя рэкруцыя наборы з сялян выклікала Крымская вайна 1853–1856 гг.

Напярэдадні ліквідацыі саслоўя дзяржаўных сялян удзельная вага іх сярод усяго насельніцтва павялічылася да 16% (1866 г.). Яны нераўнамерна размяшчаліся па тэрыторыі Беларусі, замацаваўшы тэндэнцыю павелічэння з усходу на захад. Ад 10 да 25 тыс. дзяржаўных сялян мужчынскага полу пражывала ў Слоніўскім, Свянцянскім, Гарадоцкім, Ваўкавыскім, Ашмянскім, Кобрынскім, Гродзенскім, Лідскім, Вілейскім, Пружанскім паветах, менш трох тысяч — у Ігуменскім, Чэрнікаўскім, Сенненскім, Магілёўскім, Віцебскім, Аршанскім, Беліцкім, Суражскім. Найбольшая ўдзельная вага іх была ў Гарадоцкім павеце (63,7%), найменшая — у Беліцкім (3,6%).

Удзельная вага толькі сярод сельскага насельніцтва па губернях размяркоўвалася наступным чынам. На першым месцы знаходзілася Гродзенская губерня (33,5%), на другім — Віцебская (28,9), на трэцім — Віленская (25,2), на чацвёртым — Мінская (15,9) і на пятым — Магілёўская (12,1%). У сярэднім кожны пяты беларускі сялянін быў тады дзяржаўным²¹.

Дзяржаўныя сяляне беларускай вёскі, якія ў канчатковым выніку аказаліся ў лепшых умовах, чым памешчыцкія, разам з іншымі фактарамі садзейнічалі развіццю ў ёй капіталістычных адносін. Знамянальна у сувязі з гэтым, што Гродзенская губерня была рэгіёнам, які ў ХІХ ст. хутчэй за іншыя ішоў па шляху прагрэсіўнага гаспадарчага развіцця.

¹Гл.: Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. (далее ПСЗ-II). Т. 14. № 13035, 13036.

²Красный архив. 1923. Т. 3. С. 293.

³Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 27, воп. 5, спр. 2, арк. 152–154 адв.

⁴ПСЗ-II. Т. 20. № 19073.

⁵Падлічана па даных: Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў у С.-Пецярбургу (далей РДГА). Ф. 384, воп. 5, спр. 856, арк. 218–219; спр. 1538, арк. 255–256.

⁶Загорульская О. Э. // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3. 1987. № 1. С. 25.

⁷ПСЗ-I. Т. 36. № 27746.

⁸Журнал Министерства государственных имуществ (далее ЖМГИ). 1857. Ч. 63. Аддзел I. С. 96–97.

⁹Белоруссия в эпоху феодализма. Мн., 1961. Т. 3. С. 536–537.

¹⁰РДГА. Ф. 1018, воп. 5, спр. 510, арк. I адв.

¹¹Русская старина. 1897. № 11. С. 383–384.

¹²Падлічана па даных: РДГА. Ф. 958, воп. 1, спр. 697, арк. 1.

¹³Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі ў Маскве (далей ДАРФ). Ф. 109, воп. 223, спр. 6, арк. 134–135.

¹⁴Русская старина. 1897. № 11. С. 246.

¹⁵Байкова С. М. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. Рига, 1963. Неупокоев В. И. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1970.

¹⁶Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Мн., 1980. С. 179–180.

¹⁷Падлічана па даных: ЖМГИ. 1855. Ч. 54. Аддзел II. С. 24–27.

¹⁸ДАРФ. Ф. 109, воп. 223, спр. 11, арк. 133.

¹⁹ЖМГИ. 1855. Ч. 54. Аддзел III. С. 30.

²⁰ДАРФ. Ф. 109, 4 эксп., 1857, спр. 268, арк. 33–40 адв.

²¹Падлічана па даных: Памятная книжка Виленского генерал-губернаторства на 1868 год. Спб., 1868. С. 183–225. У складзе губерняў улічаны паветы, што ўключалі цяперашнюю тэрыторыю Беларусі.

И.Л.ГРИБКО

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (конец XIX – начало XX в.)

Городское общественное управление в Беларуси в конце XIX – начале XX в. являлось одним из немногих механизмов участия населения в управлении делами региона. На территории Беларуси, как и в большей части Российской империи, оно проводилось на основании Городового положения 1892 г., принятого в период реакции и контрреформ Александра III. Это положение сохранило прежнюю структуру управления, куда входили городская дума и городская управа со своими исполнительными органами. Распорядительные функции остались у городской думы, управа являлась исполнительным органом.

Новое городское положение, как и предыдущее положение 1870 г., уделяло большое внимание определению статуса руководителя городского общественного управления – городскому голове, который одновременно являлся председателем думы (распорядительного органа городского управления) и председателем управы (исполнительного органа). Как председатель исполнительного органа городской голова руководил непосредственной деятельностью управы: осуществлял общий контроль за правильностью ведения дел, производил назначение и увольнение служащих, отдавал распоряжения о сборе сведений по делам городского хозяйства, о подготовке вопросов к докладу в заседаниях думы и т.д. В случае равенства голосов при коллегиальном обсуждении вопросов на заседаниях управы голос председателя был решающим. Городской голова мог приостановить исполнение определения управы,

если находил, что таковое противоречит закону. “В случаях, не терпящих отлагательства”, закон предоставлял городскому голове право единолично принимать решения, подлежащие коллегиальному обсуждению городской управы (ст.99).

Новое городское положение существенно усилило контроль со стороны царской администрации за деятельностью органов самоуправления. Городской голова и члены управы считались состоящими на государственной службе и поэтому в дисциплинарном отношении зависели в большей степени от вышестоящей администрации, нежели от гласных думы. Губернское по городским делам присутствие могло отстранять выборных лиц городского управления от должности, дума же этого права не имела. В случае несогласия с действиями управы гласные думы могли лишь забаллотировать на очередных выборах негодный состав управы. Приравняв выборных должностных лиц городского управления к правительственным чиновникам, положение 1892 г., по сути, превращало управу не столько в исполнительный орган думы, сколько в орган, подчиненный губернской администрации. Действуя в одном направлении с думой, городской голова и члены управы рисковали вызвать гнев губернатора и лишиться своих должностей. Поддержка же головой политики администрации приводила к конфликтам с думой и неизбранию его на новый срок. Городским головам, как отмечали современники, “кроме сиденья между двух стульев, еще приходилось играть роль буферов, на которых обрушивается вся тяжесть столкновения поездов”¹.

Новое положение значительно расширило права городского головы и как председателя городской думы. Теперь он мог собственной властью исключать из думской повестки дня любые вопросы (прежде на это требовалось согласие думы). Новое положение лишало гласных права требовать созыва собрания думы. Только городской голова с разрешения губернатора мог назначить внеочередное заседание. Гласный, желающий внести какое бы то ни было предложение на рассмотрение думы, был обязан прежде обратиться с письменным заявлением к городскому голове, который “по собрании надлежащих справок” в каждом отдельном случае мог дать или не дать на это согласия (по Городовому положению 1870 г. гласному достаточно было известить городского голову о сути своего заявления за три дня до заседания). Только по распоряжению городского головы на заседания думы могли приглашаться “для представления объяснений сведущие лица, не принадлежащие к составу гласных”. Под ответственность и по распоряжению городского головы печатались доклады, обсуждаемые в думе. Городской голова представлял на утверждение губернатора постановления думы.

Предоставляя городским головам столь значительную власть, правительство придавало большое значение подбору кандидатур на этот пост. Ряд законодательных ограничений на занятие должности городского головы и детально разработанный порядок утверждения позволяли администрации избегать избрания негодных ей лиц. На пост городского головы не могли избираться лица духовного звания, представители судебного ведомства, чиновники казначейства. Статья 23-я городского положения запрещала избрание на должность головы (и временно заступающего его место) лиц иудейского вероисповедания.

Новым городским положением определялась процедура утверждения городских голов правительственной властью. В уездных городах они утверждались губернатором, в губерниях — министром внутренних дел, по представлению губернатора.

После избрания думой кандидатов на пост городского головы управа подавала губернатору рапорт о результатах выборов и баллотировочный лист. Губернатор не был ограничен сроками в отношении утверждения выборных должностных лиц и мог в конце-концов известить думу о своем нежелании утвердить избранное лицо. Нередко с момента избрания кандидата и до его утверждения проходило несколько месяцев. Например, витебский городской голова А.О.Волкович был избран думой в октябре 1898 г., а утвержден в должности лишь 12 марта 1899 года.²

Городовое положение 1892 г. не только предоставляло администрации право не утверждать избранных городских голов без всякого обоснования отказа, но и узаконивало ее практику назначения на общественные должности. Так, статья 119-я позволяла министру внутренних дел и губернатору, если они не найдут возможным утвердить избранных на повторных выборах лиц, назначать служащих на вакантные должности.

В конце XIX века на территории современной Беларуси городское общественное управление в полном объеме, в соответствии со ст. 21-й Городового положения 1892 г., было введено в 15 городах, т.е. примерно 1/3 поселений, отнесенных Министерством внутренних дел к разряду городских.³ Исходя из этого корпус городских голов Беларуси включал в себя руководителей городских управлений четырех губернских городов (Витебска, Гродно, Минска, Могилева) и 11 уездных. Распределение по губерниям уездных городов с полным городским управлением было неравномерным: Витебская губерния – 1 (Полоцк), Гродненская губерния – 2 (Брест-Литовск, Слоним), Минская губерния – 2 (Бобруйск, Пинск), Могилевская губерния – 6 (Гомель, Мстиславль, Орша, Рогачев, Чаусы, Чериков). В городах Виленской губернии, той ее части, которая соответствует территории современной Беларуси, городское положение было введено в упрощенном виде.⁴ Городовое положение 1892 г. на территории Беларуси вводилось постепенно. Так, в Минске оно было введено в 1893 г., в городах Витебской губернии — в 1894 г.

Срок полномочий городской думы составлял четыре года, на такой же срок избирался и городской голова. Закон не оговаривал максимального срока пребывания одного лица в должности городского головы. Нередко на протяжении нескольких созывов деятельностью думы и управы руководили одни и те же лица. О степени сменяемости городских голов можно судить по тому факту, что за три первых четырехлетия из 28 лиц, занимавших эту должность, около половины, а именно 13 человек (46,4%), избирались на два и более срока.

С 1890 г. по 1901 г. минскую городскую думу возглавлял крупный помещик-домовладелец К.Э. Чапский. Властный и честолюбивый, имевший большое влияние среди местных домовладельцев и проживавших в Минске помещиков, Чапский стремился подчинить своей воле деятельность городского общественного управления, что нередко приводило городского голову к конфликтам с гласными думы. Так, в 1901 г. дума была вынуждена отдельным постановлением выразить неодобрение К.Э. Чапскому за его «неосторожные выражения» по отношению к одному из гласных.⁵ И хотя энергия и предприимчивость К.Э. Чапского способствовали подъему городского хозяйства, бесконтрольная деятельность городского головы вызывала недовольство как со стороны гласных думы, так и со стороны администрации губернии. Забаллотировав на очередных выборах в члены управы кандидатуры ближайших помощников Чапского, дума лишила его послушных исполнителей. Серьезная оппозиция в думе и ухудшение здоровья вынудили Чапского вскоре после выборов подать в отставку.

Свыше десяти лет руководил городскими делами гродненский голова И.С. Михальский, в течение трех сроков находились во главе городских управлений могилевский голова Г.Н. Гортынский и пинский голова А.Н. Кагл. Городской голова г. Слонима П.А. Валевский бессменно занимал эту должность с 1885 г. и был переизбран городской думой на пятое четырехлетие. П.А. Валевский уделял большое внимание благоустройству города, многие работы были произведены на его личные средства. При содействии Валевского в Слониме возникли пожарное и благотворительное общества.⁶

Круг лиц, законно претендовавших на должность городского головы, был достаточно узок. Высокий имущественный ценз отстранял от участия в выборах значительную часть городского населения. В составе городских дум преобладали домовладельцы-дворяне, помещики, проживавшие в городе, а в уездных городах — зажиточные мещане. Торгово-промышленная буржуазия в этот период еще не оказывала большого влияния на городские дела. Социальная структура городского управления предопределяла состав руководителей муниципальных органов.

Системный анализ корпуса городских голов Беларуси представляет определенные сложности, обусловленные отсутствием полных сведений по некоторым городам. Хотя Министерство внутренних дел регулярно запрашивало у начальников губерний сведения о составе руководителей городских управлений по форме, которая включала данные о вероисповедании, сословии, чине или звании, образовании, возрасте, дате утверждения или назначения на должность, имуществе, времени проживания в данном городе, однако подобные списки сохранились в незначительном количестве. Несколько полнее представлены “рабочие списки” городских голов, которые включали сведения о времени утверждения или назначения на должность, чине или сословной принадлежности. Довольно полные сведения о городских головах губернских городов давались в “Списках лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел”. Значительную сложность представляет выявление полной информации о составе городских голов уездных городов. Сведения, включенные в “Памятные книги” губерний, не дают исчерпывающей информации.

Среди руководителей городских управлений преобладали лица дворянского сословия. Так, из 28 городских голов, занимавших эту должность в первые три четырехлетия после введения нового городского положения, дворяне составляли 67,9%, а в губернских городах даже 88,9%.

Самодержавие проводило политику, направленную на усиление дворянского влияния в городском управлении. Избранный в январе 1898 г. гомельским городским головой А.Б.Станевич с Высочайшего соизволения был оставлен и в прежней должности уездного предводителя дворянства. И.А. Стратонович, ранее занимавший должность заседателя Дворянской опеки, с Высочайшего соизволения был оставлен в ней и после избрания его оршанским городским головой.⁷

Введя высокий имущественный ценз, реформа 1892 г. создала предпочтительные условия на выборах для владельцев недвижимого имущества по сравнению с торгово-промышленным сословием. Низкий процент купцов (3,6%) в составе городских голов белорусских городов обусловлен также преобладанием среди купечества еврейского населения, а лица иудейского вероисповедания были лишены права участвовать в выборах.

Стремясь усилить свое влияние на деятельность органов самоуправления, правительство присвоило классы чиновников государственной службы городским головам, членам управы, а также секретарям думы губернских городов (ст.121, прил.). Лица, избранные на эти должности, в период исполнения ими соответствующих обязанностей имели право пользоваться чином того же класса, а при повторном избрании сначала утверждались в этом чине, а затем могли получить и более высокий чин. По имеющимся данным, из 23 городских голов (82,1%) чины четвертого–восьмого класса имели двенадцать человек, чины девятого–четырнадцатого классов — пять человек, шесть руководителей городского общегородских управлений не имели чинов. Новый статус городской головы привлекал отставных чиновников и неслужилое дворянство к участию в выборах на руководящие должности муниципального управления.

Эффективность исполнения городскими головами своих обязанностей во многом зависела от их образовательного уровня. Лица с высшим и незаконченным высшим образованием в корпусе городских голов губернских городов составляли 44,4%, а в уездных городах — 21,1%. Среднее образование имели 22,2% губернских городских голов и 15,8% — уездных. Значительную группу руководителей уездных городских управлений составляли лица с домашним образованием (36,8%). Уровень последнего трудно определить: он мог равняться и высшему, и среднему, и начальному и быть ниже каждого из них. В последующие годы уровень образования руководителей муниципальных органов значительно возрос, увеличилось число городских голов, окончивших высшее учебное заведение.

К сожалению, не удалось получить исчерпывающих сведений о религиозной принадлежности городских голов. Однако выборочный анализ позволяет сделать вывод о преобладании среди них лиц православного вероисповедания. Так, в

1903 г. из пятнадцати городских голов православными были десять, католиками — три, сведения о вероисповедании еще двух городских голов отсутствуют. В корпусе городских голов первых трех четырехлетий действия нового городского положения православные составляли 50, католики — 17,9% (автор располагает сведениями о религиозной принадлежности только 67,9% городских голов).

Анализ материального обеспечения городских голов показывает, что основу их материального благосостояния составляли личные доходы. Высокий избирательный ценз позволял участвовать в городских выборах лишь наиболее состоятельной части населения. Размер содержания городского головы определялся гласными в заседании думы до производства выборов на эту должность на очередное четырехлетие. Содержание городских голов губернских городов обходилось обычно в 2,5–3 тысячи руб. В январе 1901 г. гласные минской городской думы определили размер содержания городского головы в 5 тыс. руб. Размер содержания уездных руководителей зависел от возможностей городского бюджета. Нередко руководители городских общественных управлений отказывались от назначаемого городскому голове содержания, и эти деньги оставались в распоряжении города. Так, на заседании думы в декабре 1900 г. отказался от присвоенного ему по должности содержания пинский городской голова П.П. О'Бриен де Ласси.⁸ Как правило, руководители муниципальных органов помимо выполнения непосредственных обязанностей по должности занимались благотворительной деятельностью, входили в состав различных попечительств и обществ.

Городская реформа 1892 г. на долгое время предопределила структуру и функции городского общественного управления. Хотя высокий имущественный ценз, устранение из состава избирателей квартиранимателей вели к формированию узкосословного руководства городского общественного управления и преобладанию в нем дворянства, но даже в этих условиях муниципальные органы играли заметную роль в жизни городов.

¹ Шрейдер Г. И. Наше городское общественное управление. Этюды, очерки и заметки. Т. 1. Спб., 1902. С. 102.

² Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (в дальнейшем НИАБ в г. Минске). Ф. 2506, оп. 1, д. 65, л. 9.; Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел в губерниях, областях и градоначальствах. 1902, испр. по 1 марта. Ч. II. Спб., 1902. С. 69.

³ См.: Список городских поселений Российской империи. Часть первая. Города. Спб., 1901. С. 47, 50–51, 56.

⁴ Там же. С. 47.

⁵ НИАБ в г. Минске. Ф. 24, оп. 1, д. 3600, л. 291–292.

⁶ Альбом городских голов Российской Империи. Б. м., 1903. С. 255.

⁷ Там же. С. 79, 201.

⁸ См.: Список чинов Министерства внутренних дел по 1897 г. Ч. II. Спб., 1897. С. 65, 145, 296, 305; НИАБ в г. Минске. Ф. 24, оп. 1, д. 3600, л. 196; Ф. 22, оп. 1, д. 856, л. 39.

А.Л. АБЭЦЭДАРСКАЯ

ДЗЕЙНАСЦЬ ТАВАРЫСТВА АМАТАРАЎ ПРЫГОЖЫХ МАСТАЦТВАЎ У МІНСКУ (1898–1906)

Грамадска-дэмакратычны рух канца XIX–пач. XX ст. прывёў да сур'ёзных зрухаў ва ўсіх галінах беларускай мастацкай культуры. Усё шырэй разгортвалася барацьба за рэвалюцыйна-дэмакратычныя ідэалы, за права беларусаў пісаць на сваёй роднай мове. У творчасці беларускіх пісьменнікаў выразна пачынаюць гучаць тэмы патрыятызму, нацыянальнай свядомасці, галоўнымі прынцыпамі літаратуры і мастацтва становяцца народнасць і рэалізм.

Пад уплывам гэтых заканамерных працэсаў адбывалася карэнная змена ўсёй структуры культурнага жыцця Беларусі. Мастацтва ўпершыню становіцца даступ-

ным не толькі для дваранскай вярхушкі, але і для дэмакратычна настроенай інтэлігенцыі. Ліберальныя і дэмакратычныя колы пачалі ствараць разнастайныя культурна-асветніцкія і навуковыя таварыствы. Улады ў большасці выпадкаў адмаўлялі ў рэгістрацыі такіх таварыстваў. Нямногія хадайніцтвы былі задаволены.

У лістападзе 1898 г. было арганізавана Таварыства аматараў прыгожых мастацтваў, якое неўзабаве стала цэнтрам літаратурнага і тэатральна-музычнага жыцця Мінска. Ініцыятарамі яго ўтварэння з'явіліся старэйшы рэвізор акцызнай управы А.А.Аляксандраў, абраны старшынёй, І.Я.Чырыкаў — рускі пісьменнік, які жыў і працаваў у Мінску. Яго п'есы ў пачатку ХХ ст. ставіліся ў тэатрах Беларусі¹.

Таварыства пачало сваю дзейнасць у канцы студзеня 1899 г. пасля зацвярджэння статута Міністэрствам унутраных спраў і атрымання афіцыйнага дазволу губернатара. Яно лічыла сваёй мэтай — садзейнічаць збліжэнню мясцовых дзеячоў, якія працуюць у галіне прыгожых мастацтваў, дапамагаць жыхарам горада, жадаючым удасканалвацца ў прыгожых мастацтвах, актывізаваць развіццё культуры насельніцтва. Для дасягнення азначанай мэты Таварыства дазвалялася наладжваць мастацкія выстаўкі, канцэрты, літаратурныя і музычныя вечары і спектаклі, публічныя лекцыі і чытанні, выдаваць кнігі і часопісы, адкрыць бібліятэку, ствараць студыі і майстэрні па роду мастацтваў, прызначаць стыпендыі, аказваць дапамогу, праводзіць конкурсы і ўзнагароджваць іх удзельнікаў.

Таварыству было выдзелена пастаяннае памяшканне на рагу Падгорнай вуліцы і Захар'еўскага завулка (цяпер дом №17 па вуліцы К. Маркса). Арганізацыя мясцовай інтэлігенцыі складалася з чатырох секцый: літаратурнай, драматычнай, музычнай і мастацкай. Усімі справамі Таварыства загадваў Савет старэйшын, які складаўся з 10 старшын і 5 кандыдатаў, вылучаных агульным сходам на адзін год.

Члены Таварыстваў аматараў прыгожых мастацтваў падраздзяляліся на пачэсных, правадзейных і членаў-супрацоўнікаў. Званне пачэснага члена Таварыства па аднагалоснай пастанове агульнага сходу давалася асобе, якая карысталася вядомасцю ў галіне мастацтваў, або зрабіла асаблівыя паслугі Таварыству па яго ўладкаванню, развіццю і паспяховай дзейнасці.

Пачатак дзейнасці Таварыства супаў з падрыхтоўкай перадавой грамадскасці Расіі да 100-годдзя з дня нараджэння А.С.Пушкіна. Дзеля распрацоўкі праграмы ўрачыстасцей у сакавіку 1899 г. пры Таварыстве была створана спецыяльная камісія. У Мінску прайшлі шматлікія вечары, прысвечаныя памяці вялікага паэта, былі пастаўлены інсцэніроўкі апавесцей А.С. Пушкіна "Паненка-сялянка" і "Станцыйны даглядчык".

Члены Таварыства актыўна ўключыліся ў агульнарасійскі збор сродкаў на збудаванне помнікаў А.С. Пушкіну і А.М. Астроўскаму.

Пры садзейнічанні Таварыства ў Мінску ў 1899 г. адкрылася грамадская гарадская бібліятэка імя А.С. Пушкіна. Дзейнасць па яе арганізацыі ўзначаліў адзін з заснавальнікаў Таварыства А.Ф. Аляксандраў.

Гарадская дума выдзяліла для патрэб бібліятэкі мізэрныя грашовыя сродкі, таму асноўнай крыніцай яе існавання былі ўступныя ўзносы чытачоў. Гэта дазволіла праўленню бібліятэкі стварыць значны кніжны фонд і ператварыць яе ў буйную культурна-асветную ўстанову горада.

Як відаць з каталога за 1908 г., у 16 аддзелах рускай і перакладной літаратуры налічвалася 5272 кнігі. Тут былі творы класікаў рускай і сусветнай літаратуры, творы К. Маркса, Ф. Энгельса, У.І. Леніна, Г.В. Пляханова, К. Каўцкага, Ф. Ласаля і іншыя творы марксісцкай літаратуры². Бібліятэка канцэнтравала вакол сябе перадавую частку інтэлігенцыі Мінска.

Таварыства аматараў прыгожых мастацтваў імкнулася ахапіць асветніцкай дзейнасцю працоўны народ. З лістапада 1899 г. літаратурнай секцыяй рэгулярна праводзіліся нядзельныя чытанні, літаратурныя "серады" і гутаркі, папулярныя лекцыі па пытаннях гісторыі і літаратуры. На пасяджэннях літаратурнай секцыі абмяркоўваліся творы вядомых пісьменнікаў, чыталіся рэфераты, выступалі літаратурныя крытыкі. Таварыства ўрачыста адзначыла юбілей Л.М. Талстога, І.С. Тургенева, Т.Р. Шаўчэнкі, А.П. Чэхава.

Найбольшай актыўнасцю вызначалася драматычная секцыя, якая пачала сваю дзейнасць у 1899 г. Першым галоўным рэжысёрам гэтай секцыі быў сам старшыня таварыства А.Ф. Аляксандраў. У далейшым тэатральным калектывам кіравалі прафесійныя актёры Н. Далгоў, К. Дзмітрыеў, Н. Васільеў.

У рэпертуары калектыва былі п'есы "Свае людзі — лагадзімся", "Багна" і "Лес" А. Астроўскага, "Маскарад" М. Лермантава, "Дзядзька Ваня" і "Чайка" А. Чэхава, "Ідыёт" Ф. Дастаеўскага, "Фама Гардзееў" і "На дне" М. Горкага, "Урыель Акоста" К. Гуцкова, "Нора" Г. Ібсена і інш.³ Перад спектаклямі члены Таварыства наладжвалі лекцыі на актуальныя тэмы.

Вялікую матэрыяльную дапамогу ў арганізацыі народных спектакляў аказваў Таварыству гарадскі камітэт апекі народнай цвярозасці. Так, у 1900 г. ён даў Таварыству субсідыю ў 2 тыс. рублёў дзеля набыцця касцюмаў, дэкарацый і рэквізіту⁴.

З пачатку XX ст. пры актыўным садзейнічанні Таварыства Беларусь наведалі вядомыя рускія тэатральныя калектывы. Беларускія глядачы атрымалі магчымасць пазнаёміцца з творчасцю выдатных майстроў сцэны В. Камісаржэўскай, К. Варламава, Ю. Юр'ева, А. Яблачкінай і інш.

Музычная секцыя Таварыства працавала на аснове гуртка, які дзейнічаў у 90-я гады. Секцыя мела свой аркестр, арганізоўвала суботнія танцавальныя вечары з музыкальным і літаратурным аддзяленнямі, а з 1903 г. праводзіла агульнадаступныя канцэрты⁵.

Члены Таварыства садзейнічалі распаўсюджванню музычных ведаў, развіццю ўсіх галін музычнага мастацтва, наладжвалі ў горадзе публічныя канцэрты і музычныя вечары, лекцыі аб жыцці і творчасці вялікіх кампазітараў і выканаўцаў. Вялікае месца ў дзейнасці Таварыства займалі дабрачынныя канцэрты, якія наладжваліся, як правіла, каб аказаць матэрыяльную дапамогу бяднейшым мінскім музыкантам.

З канца XIX ст. пры садзейнічанні Таварыства пачалі адкрывацца музычныя школы. Іх дзейнасць мела вялікае значэнне ў далучэнні насельніцтва да музычнага мастацтва. Педагагі школ выступалі на вечарах з выкананнем твораў рускай і замежнай класікі.

У канцы XIX—пач. XX ст. на Беларусі з вялікім поспехам гастралювалі вядомыя спевакі: Л. Собінаў, Ф. Шаляпін, М. Фігнер, А. Мазіні, піяністы: А. Есіпава, А. Зілоці, С. Рахманінаў, А. Скрабін, Г. Падарэйскі і іншыя славутыя артысты, знаёмячы беларусаў з рускай і замежнай музычнай класікай.

Таварыства аматараў прыгожых мастацтваў адыграла вялікую ролю ў развіцці жывапісу на Беларусі. Па ініцыятыве мастака А. Папова пры Таварыстве была створана мастацкая секцыя. У канцы XIX—пач. XX ст. ажывілася выставачная дзейнасць. У 1899 г. у Мінску адбылася выстаўка мастакоў-перасоўнікаў, якая ўпершыню пазнаёміла беларускую грамадскасць з дэмакратычным рускім мастацтвам⁶. На ёй былі прадстаўлены такія карціны, як "Хмара" І.Я. Рэпіна, "Калідоры акруговага суда" Н.А. Касаткіна, "Пасля пагрому" А.Е. Архіпава і інш. У тым жа 1899 г. у Віцебску экспанаваліся творы рускага мастака І.Я. Рэпіна, які ў гэты час жыў і працаваў у маёнтку Здраўнева.

Пры садзейнічанні Таварыства ў Мінску ў 1901, 1902, 1904 гг. адбыліся мастацкія выстаўкі. На іх, апроча твораў рускіх мастакоў, экспанаваліся карціны беларускіх жывапісцаў Я. Кругера, Г. Вейсенгофа, Л. Альпяровіча, Ф. Рушчыца, Ю. Пэна, І. Яроменкі, Э. Сукоўскага, а таксама творы беларускіх мастакоў дарэформеннага перыяду — Я. Дамеля, І. Хруцкага, І. Трутнева і інш.⁷

Актыўную дзейнасць разгарнула Таварыства ў перыяд нарастання рэвалюцыйнага крызісу і рэвалюцыі 1905–1907 гг. На выстаўках экспанаваліся пераважна творы рэалістычнага мастацтва — жывапісу, графікі, скульптуры.

Новы перыяд дзейнасці Таварыства аматараў прыгожых мастацтваў быў звязаны з рэвалюцыйнымі падзеямі 1905–1907 гг. У гады першай буржуазна-дэмакратычнай рэвалюцыі яно сумесна з Таварыствам мінскіх урачоў праявіла найбольшую палітычную актыўнасць.

У гэты час у Таварыстве вызначылася група лідэраў, стаяўшых на пазіцыях паслядоўнай барацьбы з самадзяржаўем: А. Бонч-Асмалоўскі, С. Камінскі, С. Ка-

валік, М. Мысоўскі, С. Кандакоў і інш. За Таварыствам пачало наладжвацца ўзмоцненае сачэнне. На літаратурныя пасяджэнні сталі прысылаць паліцэйскага, рэфераты пачалі патрабаваць для папярэдняга прагляду ў губернскай канцэлярыі, ваенным было забаронена прымаць удзел у мерапрыемствах Таварыства⁸.

Антыўрадавая дзейнасць Таварыства актывізавалася разам з развіццём рэвалюцыйнага руху. Пад выглядам бенефісаў ставіліся спектаклі для збору сродкаў на нелегальныя мэты. На сходах і дыспутах праходзілі бурныя дэбаты на палітычныя тэмы, часта з антыўрадавымі прамовамі і раздачай пракламацый. Маскарады і балі з прэміямі за лепшыя касцюмы, якія праводзіла Таварыства, ператвараліся ў “адкрытую выстаўку карыкатур на ўрад, узятых з сучасных гумарыстычных часопісаў”⁹.

На пасяджэннях Таварыства аматараў прыгожых мастацтваў яго члены ўсё часцей выступалі з прамовамі, у якіх крытыкаваўся царскі рэжым.

16 лютага 1905 г. у зале Таварыства быў арганізаваны палітычны мітынг. Пасля мітыngu адбылася дэманстрацыя. 18 лютага пасля лекцыі, прысвечанай творчасці А.П. Чэхова, зноў адбыўся мітынг, на якім прысутнічала каля 1000 чалавек. Тыя, хто выступаў з прамовамі, заклікалі да звяржэння царызму. Слухачы, адцясніўшы паліцыю, арганізавалі дэманстрацыю, якая прайшла з антыўрадавымі заклікамі “Далой самадзяржаўе!”, “Няхай жыве рэспубліка!”. Паліцыя зрабіла вобшык у памяшканні Таварыства і знайшла розныя пракламацыі, у тым ліку паведамленне аб маючай адбыцца канферэнцыі сацыял-дэмакратаў Паўночна-Заходняга краю¹⁰.

2 сакавіка ў памяшканні Таварыства аматараў прыгожых мастацтваў абмяркоўвалася пытанне “Аб нацыяналізме”. Зала не магла змясціць усіх жадаючых, і людзі сабраліся перад будынкам. Па патрабаванню паліцыі яны не разышліся і іх разagnaў спецыяльна выкліканы атрад казакоў. Пасля гэтых падзей улады ўзмацнілі кантроль за дзейнасцю Таварыства і абмежавалі ўдзел мінчан у яго мерапрыемствах. Аднак гэта не прыпыніла яго антыўрадавую дзейнасць.

4 красавіка на пасяджэнні літаратурнай секцыі, калі абмяркоўвалася тэма “Межы чалавечага пазнання”, адзін з выступаючых заявіў, што зараз не той час, каб займацца філасофіяй, трэба дзейнічаць, і заклікаў да ўдзелу ў масавым руху за звяржэнне самадзяржаўя.

26 кастрычніка 1905 г. агульны сход членаў Таварыства ўшанаваў памяць ахвяр курлаўскага растрэлу. Паліцыя распачала справу і шукала магчымасць закрыць Таварыства аматараў прыгожых мастацтваў. У ліпені 1906 г. яно закрылася, перадаўшы свае паўнамоцтвы літаратурна-артыстычнаму таварыству.

Дзейнасць Таварыства аматараў прыгожых мастацтваў — адзін са значных гістарычных прыкладаў бескарыслівага патрыятычнага служэння лепшых прадстаўнікоў беларускай інтэлігенцыі інтарэсам свайго народа. На жаль, гэтая старонка гісторыі пакуль што мала вывучаная.

¹ Гл.: Шибекко З.Б., Шибекко С.Ф. Страницы жизни дореволюционного города. Мн., 1990. С.213; Кузнецова С.А. // Голас Радзімы. 1986. 23 студзеня.

² Гл.: Каталог Минской городской общественной библиотеки им. А.С.Пушкина, 1908 г. Мн., 1909.

³ Гл.: Няфёд У. Беларускі тэатр: нарыс гісторыі. Мн., 1959. С.216.

⁴ Гл.: Шибекко З.Б., Шибекко С.Ф. Указ соч. С.216.

⁵ Там жа.

⁶ Гісторыя Беларускай ССР. Мн., 1972. Т.2. С.580.

⁷ Гл.: Гісторыя беларускага мастацтва. Мн., 1986. Т.3. С.448.

⁸ НАРБ. Ф.295, воп.1, адз. зах. 7667, арк.11.

⁹ Там жа. Арк. 226.

¹⁰ Там жа.

Н.Б. ЩАВЛИНСКИЙ

БЕЛОРУССКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В 1917-1918 гг. В ОДЕССЕ.

Первая мировая война принесла народу Белоруссии неисчислимые бедствия и породила такую проблему, как беженство. После того, как в 1916 г. территория

Белоруссии оказалась разделенной линией немецких и русских окопов на две части, жители белорусских городов и сел вынуждены были покидать обжитые места. Количество беженцев на 1 февраля 1917 г. достигало более 1,1 млн человек.¹

Наличие огромного числа беженцев привело к возникновению в различных регионах Российской империи национальных организаций и групп. Среди самых влиятельных из них были Белорусская войсковая рада и общество "Белорусский гай" в Одессе. В городе и ближайших его окрестностях белорусов насчитывалось около 20 тысяч, а во всем Одесском округе более 100 тысяч.²

Белорусская войсковая рада была создана на съезде воинов-белорусов Румынского фронта, состоявшемся 1–7 декабря 1917 г. В это же время образовалась и организация "Белорусский гай", включившая в себя не только коренных белорусов, проживающих в Одесском округе, но и беженцев.³

В задачи Белорусской войсковой рады входило: достижение автономии Белоруссии, восстановление ее территории в этнографических границах и формирование национальных войсковых частей.⁴ С самого начала существования Рада Румынского фронта успешно проводила работу в воинских частях: к солдатам посылались агитаторы, интенсивно проходила работа по комплектованию белорусских рот и полков. В результате проведенной работы были объявлены белорусскими Таурогенский полк и 4-й армейский корпус. Для пополнения этих воинских частей и сосредоточения солдат в Одессе был создан Белорусский этапно-концентрационный пункт.

Однако через некоторое время белорусское движение в войсках стало затухать по двум причинам: во-первых, на Румынском фронте наряду с белорусизацией происходила украинизация войсковых частей, которая началась гораздо раньше и велась более интенсивно; во-вторых, Украинская рада, объявившая 7 (20 ноября) 1917 г. образование Украинской Народной Республики, издала приказ о роспуске всех солдат неукраинцев, в том числе и белорусов, которые вынуждены были покидать свои части и разъезжаться по домам.⁵ Немаловажным фактором явилось и то обстоятельство, что пришедшее к власти на Украине 26 января (8 февраля) 1918 г. Советское правительство стало посылать белорусские части на войну с Румынией, в результате чего Войсковая рада потеряла связь с белорусскими воинскими подразделениями.

Общество "Белорусский гай", первоначально насчитывающее около 500 человек, ставило перед собой в основном культурно-просветительские задачи: вести среди белорусов культурную и агитационную работу, заботиться о беженцах и беднейших слоях белорусского населения.

Для текущей работы была избрана "Рада Белорусского гая", которая проводила еженедельные собрания, организовывала чтение лекций. В дальнейшем обществом был организован артистический кружок, открыта Белорусская столовая. Много внимания организация уделяла белорусам-беженцам. Почти все они в Одессе имели работу и были обеспечены жильем.⁶

На совместном заседании Белорусской войсковой рады и общества "Гай" 6 марта 1918 г. было постановлено создать сильную объединенную организацию для защиты интересов белорусов, которые проживали в городе и его окрестностях.⁷ В резолюции собрания подчеркивалось: "Принимая во внимание запутанность международных отношений и провозглашение Украины самостоятельной державой и считая, что воля белорусского народа на самоопределение ясно была выявлена на Всебелорусском съезде, происходившем в Минске с 15 по 17 декабря 1917 года... объединенное заседание Белорусской Войсковой Рады Румынского фронта и Рады организации "Белорусский Гай" постановило... образовать Белорусский национальный комиссариат, который должен быть выделен из Одесских белорусских организаций."

После совместного заседания двух организаций состоялось общее собрание белорусов, проживающих в Одессе и окрестностях, которое постановило создать Белорусскую Национальную Раду.⁸

Созданная вскоре национальная рада состояла из 50 человек. Председателем ее был избран профессор Сапожок. Заседания Рады как законодательного

органа организации должны были проходить не менее одного раза в неделю. Ее исполнительным органом был Белорусский национальный комиссариат.

Чтобы комиссариат и национальная рада стали правомочными органами, необходимо было добиться официального признания их украинскими властями и белорусским правительством. Поэтому комиссариат на заседании 20 марта 1918 г. постановил известить белорусские организации в Киеве и других городах об образовании в Одессе Белорусского национального комиссариата. Затем комиссариат направляет делегацию к комиссару Одесского округа Комарному с просьбой о признании его правительственным органом. Аналогичные просьбы от комиссариата и Белорусской национальной рады были адресованы Народно-му секретариату Белорусской Республики и Белорусским организациям в Киеве.⁹

Основной целью комиссариат и Белорусская Национальная Рада считали достижение самоопределения Белоруссии и защиту интересов белорусов, проживающих в Одесском округе. Сразу после образования комиссариат приступил к регистрации белорусов, проживающих в городе и его окрестностях. Каждому выдавалось удостоверение на белорусском и украинском языках. Кроме этого комиссариат выдавал еще удостоверения на белорусском, русском и немецком языках на право беспрепятственного въезда на территорию Белоруссии.

Одним из основных вопросов, которым занимался комиссариат, был вопрос о достижении национально-персональной автономии для белорусов, проживающих на Украине. Резолюция Белорусской Национальной Рады от 28 апреля 1918 г. гласила: "Законом 2-го декабря 1917 года Украинская центральная рада признала за некоторыми народностями национально-персональную автономию. Однако национально-персональная автономия не признана за белорусами, хотя на территории Украины их насчитывается около миллиона." Поэтому мы "категорически протестуем против непризнания за белорусами, проживающими на территории Украины, национально-персональной автономии и требуем признания таковой подобно тому, как она признана за евреями, поляками, и великороссами."¹⁰

Тем не менее решение этой проблемы для белорусов завершилось неудачно. По законам, изданным Центральной радой, каждая национальность, находившаяся на территории Украины, могла получить свое самоуправление, если об этом будет заявлено не менее чем 10 тысячами подписей. Белорусы смогли собрать только около 7 тысяч подписей. А пришедшее в конце апреля 1918 г. к власти правительство во главе с гетманом Скоропадским вообще отменило закон о национально-персональной автономии.

Важное место в деятельности комиссариата занимала культурно-просветительская работа среди белорусов и беженцев. В помещении рады имелась белорусская библиотека. Каждое воскресенье там происходили собрания, на которых читались лекции по белорусоведению, обсуждались вопросы национальной жизни. Белорусы, особенно беженцы, мечтавшие скорее вернуться домой, с жадностью ловили каждую весточку, каждое слово с Родины.

Большое внимание комиссариат уделял работе в войсках. По-прежнему действовал в Одессе Белорусский этапно-концентрационный пункт. После того, как в Брест-Литовске 3 марта 1918 г. между Советской Россией и Германией был подписан мирный договор, по которому ликвидировался Румынский фронт, комиссариат по поручению правительства Белорусской Народной Республики должен был получить оружие и имущество расформированных белорусских воинских частей. К тому времени белорусскими были: 4-й армейский корпус в составе 30-й и 40-й пехотных дивизий, с их артиллерией, вспомогательными частями и учреждениями; 43-я пехотная дивизия, с ее артиллерией и учреждениями; 26-е авто-броневое отделение; 6-й Таурогенский пограничный полк, позднее переименованный в Первый гусарский белорусский национальный полк; 357-я Витебская и 401-я Минская дружины государственного ополчения.

Однако Белорусский фронтовой комиссар Манцевич ничего не предпринял, чтобы хоть одну войсковую часть с имуществом отправить в тыл. Из-за бездеятельности фронтового комиссара ни Белорусский национальный комиссариат в Одессе, ни правительство Белорусской Народной Республики не смогли

получить не только имущества и оружия расформированных подразделений, но и выдаваемых взамен оружия и имущества денежных сумм. Уполномоченный по военным делам Белорусского национального комиссариата штабс-капитан Козель, направленный с представительной миссией в г.Яссы, 30 июня 1918 г. сообщал: “Денежные суммы всех белорусских частей ушли на содержание членов ликвидационных армейских, фронтовых и т.п. советов”.¹¹

После ликвидации Румынского фронта деятельность комиссариата не прекращалась и продолжалась до открытия в Одессе консульства Белорусской Народной Республики в сентябре 1918 г.¹² Белорусская Войсковая Рада и общество “Белорусский Гай”, а затем созданный на их основе Белорусский национальный комиссариат много внимания уделяли формированию белорусских частей, а также культурно-просветительной работе и благоустройству беженцев.

¹ Сташкевич Н. С. Приговор революции. Мн., С.57.

² НАРБ, Ф.62, 0.1, д. 193, л.139.

³ Там же. Л.140.

⁴ Турук Ф. Белорусское движение. М, 1921, С.35.

⁵ НАРБ, Ф.62, 0.1, д. 193, л.140.

⁶ Карр Эдвард. История Советской России. М., 1990, С.240; НАРБ. Ф-62, 0.1, д.193, л.139–140.

⁷ Доунар-Запольскі М. В. Гісторыя Беларусі. Мн., 1994, С.492.

⁸ НАРБ, Ф.62, 0.1, д. 193, л.142.

⁹ НАРБ, Ф.4683, 0.3, д.210, л.11, 190.

¹⁰ НАРБ, Ф.62, 0.1, д.193, л.187.

¹¹ НАРБ, Ф.4683, 0.3, д.210, л.45.

¹² См. Турук Ф. Белорусское движение. С.35.

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

Л.В. ХАРИЧКОВА

РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД МЕЖДОУСОБНОЙ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ (306–324 г.г.).

1 мая 305 г. в Римской империи произошла смена царствующих особ. Оба императора — Диоклетиан в Никомедии, а Максимиан в Милане — в торжественной обстановке сложили с себя знаки императорского отличия и удалились в частную жизнь. С этого момента, в соответствии с введенным Диоклетианом порядком передачи высшей власти, во владение империей на правах Августов вступили Констанций Хлор и Максимиан Галерий. Констанций получил в управление Галлию, Италию и Африку, а Галерий — Иллирик, Азию и Восток. В качестве Цезаря на Запад был назначен Флавий Север, а на Восток — Максимиан Даза. Однако уже через год свои права на власть начали оспаривать Константин, сын скончавшегося в июле 306 г. Констанция Хлора, и Максенций — сын бывшего императора Максимиана. Последний, отказавшийся от власти под давлением Диоклетиана, воспользовался случаем и тоже включился в борьбу¹.

Таким образом, Римская империя вновь была ввергнута в междоусобицу. Естественно, все усилия соперников были направлены на завоевание высшей власти. Соответственно каждый их шаг определялся соображениями политического характера. Не была исключением в этом смысле и деятельность в сфере религиозной политики.

В рассматриваемый период особенно актуален был вопрос о характере взаимоотношений между государством и христианской церковью. Зародившись на Востоке в I в.н.э. как религия низов, христианство к нач. IV в. претерпело

значительные изменения. К этому времени зона его распространения включала практически всю территорию Римской империи. Особенно многочисленными были христианские общины на Востоке, где соотношение язычников и христиан выглядело как 1:2.² В целом же христиане в нач. IV в. составляли около 10% всего населения Римской империи.³ Однако среди этих 10% значительно возросла доля представителей господствующего класса. К ним относились военные, придворные чиновники, занимавшие важные государственные посты. Приверженцы Христа были даже среди телохранителей императора и его ближайших родственников (например, жена и дочь Диоклетиана⁴). К тому же, в отличие от всех существовавших тогда религий, христиане обладали сплоченной церковной организацией. Следовательно, в нач. IV в. христианство являлось достаточно влиятельной силой, поддержка которой могла бы значительно облегчить борьбу за власть. Тем не менее далеко не все из участников этой борьбы сумели оценить ее значение.

После отречения Диоклетиана для христиан Западной части империи наступило время относительного спокойствия. Константин в религиозном вопросе продолжил политику своего отца. На протяжении всего периода борьбы он придерживался принципа веротерпимости, что позволило ему завоевать симпатию христианского населения империи.

Утвердившийся в Риме Максенций также проводил политику веротерпимости. Одним из первых его распоряжений был указ об отмене антихристианских репрессий.⁵ Этот шаг, несомненно, должен был обеспечить Максенцию поддержку христианского населения Италии и Африки, которое подверглось жестоким преследованиям со стороны его главных соперников — Галерия и Севера.

Столь терпимое отношение Максенций проявлял к христианам и после смерти Галерия. С этого момента его главным соперником на Западе оказался Константин, который изначально следовал принципу веротерпимости. Возобновление Максенцием антихристианских репрессий, естественно, оттолкнуло бы от него христиан Италии и Африки и сделало бы их потенциальными союзниками Константина. Чтобы не допустить этого, Максенций вынужден был считаться с интересами христиан.

На Востоке Максимин Даза продолжил антихристианские репрессии. Не позднее февраля 306 г. он обнародовал указ о поголовном принесении жертв, который фактически соответствовал указу Диоклетиана от 304 г. И хотя предписание Максимиана касалось всех жителей подвластных ему территорий (даже префект Палестины Урбан вынужден был совершить акт жертвоприношения), не вызывает сомнения его антихристианская направленность. В осеннем указе 308 г. Максимин вновь повторил предписание о поголовном жертвоприношении, дополнив его требованием восстанавливать разрушившиеся языческие храмы. Массовые преследования христиан продолжались до 311 г.⁶

В апреле 311 г., поняв бессмысленность антихристианских репрессий, Галерий издал указ, в соответствии с которым христиане впервые получили право свободно исповедовать свою религию и иметь свои собрания. Он был распространен на все азиатские провинции.

На Востоке же Максимин ограничился лишь устным распоряжением о прекращении гонений, адресованным верховному префекту Сабину. А тот, в свою очередь, довел его до сведения областных правителей специальным посланием. После этого были освобождены христиане, отбывавшие наказание в темницах и рудниках. В городах стали возрождаться церковные общества, проводились обычные богослужебные собрания.

Временное прекращение гонений, несомненно, было мерой вынужденной. Нельзя не согласиться с тем, что Максимин опасался, как бы недовольством христиан восточных провинций не воспользовались его соперники Константин и Лициний. Когда же Максиминому удалось заключить тайный союз с Максенцием, он почувствовал себя увереннее и начал постепенно возобновлять антихристианские репрессии. Как сообщает Евсевий, Максимин попытался запретить

христианам собираться в усыпальницах. Возможно, из этого ничего не вышло. Недовольные же прекращением антихристианских гонений язычники (в основном служители культа и видные чиновники) любыми способами стремились подтолкнуть его к более решительным действиям. Так, в ряде городов (Антиохия, Никомедия, Тир) по их инициативе к императору были направлены делегации с просьбой запретить христианам проведение собраний и лишить их права проживать в данных городах. Явно с целью опорочить христиан повсеместно распространялись так называемые Акты Пилата.⁸

Под давлением язычников Максимиан в 312 г. издал новый антихристианский указ, текст которого был вырезан на медных досках и выставлен в городах для всеобщего ознакомления. Виновниками всех земных бед в нем объявлялись христиане, а потому было дозволено изгонять за пределы города и области всех, кто продолжает исповедовать христианство. Преследования христиан охватили наряду с восточными и азиатские провинции. Максимиан даже предпринял войну против Армении, пытаясь силой вернуть ее жителей в лоно язычества. Однако полного успеха эта попытка не имела. Среди пострадавших в основном были представители церковной организации. В то же время восстанавливались разрушившиеся капища, шло строительство новых языческих храмов. Максимиан лично назначил в них жрецов. В каждой области была учреждена должность верховного жреца, обязанности которого заключались в следующем: ежедневно совершать жертвоприношения; препятствовать строительству христианских храмов и запрещать христианское богослужение; заставлять христиан приносить жертвы идолам, а об отказавшихся сообщать властям. Вероятно, для того, чтобы деятельность верховных жрецов была более эффективной, в ведение каждого из них был предоставлен воинский отряд телохранителей. Помимо этого, в каждую провинцию были назначены два главных жреца. Они должны были носить белые одежды и держать под контролем деятельность остальных.⁹

Таким образом, на сей раз Максимиан не ограничился только антихристианскими мерами, а одновременно стремился усилить языческую организацию. Существует даже мнение, что в 312 г. Максимиан предпринял попытку ввести в язычестве систему управления, которая точно соответствовала бы церковной организации христиан.¹⁰

Однако последующие события вновь изменили ситуацию. 28 октября 312 г. недалеко от Рима в решающем сражении с Константином погиб Максенций. Вскоре после этого в Милане состоялась встреча Константина и Лициния, на которой была разработана программа религиозной политики. Вероятно, именно здесь оба императора договорились придержать свободу вероисповедания для всех религий, а также согласовали свои позиции в отношении к христианам. Было решено вернуть им церковное имущество, конфискованное в ходе гонений. Эти положения несколько позже были изложены Лицинием в никомедийском указе 313 г.¹¹

По свидетельству Евсевия, о принятых в Милане решениях, а также о поражении Максенция был проинформирован управлявший Востоком Максимиан.¹²

Смерть Максенция серьезно осложнила положение Максимиана, ибо отныне он в одиночку противостоял Константину и Лицинию. Чтобы избежать в предстоящей борьбе дополнительных трудностей, Максимиан вынужден был отступить от прежнего курса и прекратить гонения. В адрес областных правителей были разосланы грамоты, которыми предписывалось оставить христиан в покое и позволить им держаться своего вероисповедания. В заключение разъяснялось, что волю Максимиана областные правители должны обнародовать собственными указами. Наученные же горьким опытом христиане восприняли очередное прекращение гонений с большой долей сомнения и не решались действовать открыто.

Только крайние обстоятельства, в которых оказался Максимиан после поражения в войне с Лицинием, заставили его летом 313 г. издать от своего имени указ в пользу христиан. Прежде всего, этим указом провозглашалась

свобода христианского вероисповедания. Было разрешено строить молитвенные дома, а также предписывалось вернуть христианам все, что у них было конфисковано в ходе гонений.¹³

Казалось бы запоздалое признание Максимином христианства, а вскоре и его смерть навсегда положили конец антихристианским репрессиям. Однако через несколько лет христианам пришлось пережить еще одно, правда, менее значительное и менее продолжительное, чем прежние, гонение. На сей раз инициатором его выступил Лициний.

Репрессии затронули лишь придворных чиновников, военных, а также представителей церковной иерархии. Христиане, служившие при императорском дворе, были лишены своих званий и достоинств; воины, отказавшиеся приносить жертвы идолам, уволены в отставку. Специальным законом запрещалась деятельность церковных соборов, взаимное общение епископов и проведение христианских собраний в пределах города. Христиане не выполнили эти распоряжения Лициния, и тогда были казнены наиболее видные епископы. Особенно сильными были репрессии в понтийских городах, в частности в городе Амасия.¹⁴

Что же послужило причиной столь резкой перемены Лициния в его отношении к христианству? Евсевий говорит о том, что Лициний начал преследования, ибо считал, что христиане "все делали для Константина и за него молили бога".¹⁵

Вряд ли можно сомневаться, что в своих симпатиях христиане отдавали предпочтение Константину, который всегда придерживался принципа веротерпимости, а с 313 г. начал принимать весьма активное участие в жизни христианской церкви. Политика же Лициния в этом вопросе, напротив, отличалась удивительной пассивностью.

Абсолютно точно подметил немецкий исследователь И.Вогт, что чем более решительно Константин связывал епископов с государством, тем более явно подчеркивал Лициний дистанцию, отделявшую его от Церкви.¹⁶

Едва ли такая позиция могла поднять авторитет Лициния в глазах христиан. Скорее всего она вызывала явное неудовлетворение, особенно среди представителей церковной верхушки. Не случайно же Лициний видел в епископах противников своих действий. Евсевий сообщает, что Лициний вознамерился уже было начать гонения против всех, но Константин пресек эту попытку.¹⁷ Вероятно, считая сложившуюся обстановку весьма благоприятной для себя, он вступил в войну с Лицинием и в 324 г. победоносно завершил ее. С этого времени Константин стал единоличным правителем Римской империи.

Таким образом, на протяжении всего периода междоусобной борьбы в Римской империи (306–324 гг.) именно политический расчет определял религиозную политику претендентов на власть.

¹ Euseb. De vita Const. I, 21, 22; Lact. De mort. pers. XIX, XXIV–XXVI; Секст Аврелий Виктор. О Цезарях. XXXIX, 47; XL, 1–5.

² Дониини А. Истоков христианства. М., 1989. С.221.

³ См.: Федосик В. А. Церковь и государство. Мн., 1988. С.14.

⁴ Lact. De mort. pers. XV.

⁵ Euseb. Hist. eccl. VIII, 14.

⁶ Euseb. De mart. Pal. IV–XIII.

⁷ Euseb. Hist. eccl. VIII, 17; IX, 1; Lact. De mort. pers. XXXIII–XXXV.

⁸ См.: Euseb. Hist. eccl. IX, 2, 5.

⁹ Euseb. Hist. eccl. IX, 3, 4, 7, 8; Lact. De mort. pers. XXXVI.

¹⁰ См.: Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи. М., 1994. С.173; Федорова Е. В. Люди императорского Рима. М., 1990. С.258.

¹¹ См.: Euseb. Hist. eccl. IX, 9; X, 5; Lact. De mort. pers. XLV, XLVIII.

¹² Euseb. Hist. eccl. IX, 9.

¹³ Там же. IX, 10.

¹⁴ Euseb. De vita Const. I, 51–54; II, 1, 2; Hist. eccl. X, 8.

¹⁵ Euseb. De vita Const. II, 2.

¹⁶ См.: Vogt. J. Upadek Rzymy. Warszawa. 1993. S.106.

¹⁷ См.: Euseb. De vita Const. II, 3–18; Hist. eccl. X, 8, 9.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В РАННЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩИНЕ

После смерти Иисуса Христа его ученики объединились в общину, и именно в такой форме действовали первые организации христиан. Верующие здесь обладали одинаковыми правами, хотя были уже и руководители — апостолы, пророки, учителя, которые занимали руководящее положение только благодаря личным качествам. Те, кто посвящал свою жизнь миссионерским странствиям, получали звание апостола или евангелиста; кто удостоивался дома видений и посвящал себя служению местной общине, объявлялся пророком; кто занимался учительством, назывался учителем или дидаскалом. Хотя эти должности в основном занимали мужчины, но женщины тоже могли исполнять такие службы. Так, для пророчества Святой Дух мог избрать любого человека. Таковыми и стали четыре дочери диакона Филиппа, упоминаемые в Деяниях Святых Апостолов (с судьбой одной из них, мученицы Ермионии, знакомят нас Жития святых)². В Филадельфии в I в. во главе общины стоит пророчица Аммия. Апостол Павел предвидел выступления женщин как пророчиц на общинном собрании (I Кор. 11.5).

Первые собрания христиан проводились в домах богатых единомышленников, которые становились духовными центрами, руководимыми чаще всего женщинами: в Фиатире (Македония) апостолов Павла и Силу принимала Лидия (Деян. 16.14), позднее здесь же им помогали Евдия и Синтихия (Филипп. 4.2); в Афинах Павел останавливается у Дамари (Деян. 17.34), а в Колоссах — у Нимфы.

В Житиях Святых описывается жизнь и деяния равноапостольной Феклы. Дочь иконийского богача, уже обрученная, она отказывает жениху и идет в темницу слушать проповедь апостола Павла, за которым следует в Антиохию. Здесь она была арестована и обрела венец мученицы, второй по счету после святого Стефана. Позднее она поселится на горе близ Селевкии и будет заниматься врачеванием. Здесь же и умрет (С.466–478).

Таким образом, прослеживается довольно активное участие женщин в распространении учения; в вопросах веры они часто были опорой новозаветных патриархов. В более поздних посланиях Павла встречаются слова о “даре управления”, который скорее всего был связан с появлением новых должностных чинов в общине — епископов, пресвитеров и диаконов. Первоначально они исполняли хозяйственные функции. Почетную должность пресвитера (“старшего”) мог занять не всякий: для этого нужен был определенный возраст и строгое соблюдение установленного общиной образа жизни.

У женщин старицы назывались вдовами. Так же, как и пресвитером, вдовой не могла стать любая женщина. В первом послании к Тимофею (5.9–10) апостол Павел призывает всех христиан, у которых есть родственницы-вдовы, самим заботиться о них, а не перекладывать эту заботу на общину. По-видимому, для оказания помощи вдовам из них избиралась одна, которая и наблюдала за остальными. Павел указывает, что вдовица не должна быть моложе 60 лет, “бывшая женою одного мужа, известная по добрым делам, если она воспитывала детей, принимала странников, умывала ноги святым, помогала бедствующим и была усердна ко всякому доброму делу”.

Упоминания о существовании сословия вдов встречаются и в других памятниках. Таковую вдовою или пресвитеридою в “Пастыре” Герма была Грапта, которая должна была видения Герма прочесть сиротам и вдовам римской общины². Эта же группа высмеивается Лукианом в сочинении “О кончине Перегрина”³ за заботы о попавшем в заключение авантюристе — перегрине Протее, притворившемся христианином. Институт вдов не был случайным в христианской организации. Его появление говорит скорее всего о поисках новых организационных форм и связанных с ними различных должностей внутри христианских еkkлесий, одни из которых в дальнейшем закрепились, а другие исчезли.

Высшая власть в общине вначале принадлежала собранию верующих. Но со временем, с увеличением числа членов общины, а также с возрастанием

количества и усложнением содержания дел, подлежащих рассмотрению, формируется определенный круг из старших лиц, которые сами могут справиться с этими делами. Появляется и определенный обряд посвящения старших в должности — рукоположение. Ко II в. община постепенно распадается на клир во главе с епископом и мир.

Женскую часть общины возглавляли вдовы (пресвитериды). Причем при посвящении в пресвитериды вдова не рукополагалась, а только поставлялась. Об этом говорится и в памятке, подробно исследованном Гарнаком: “Вдовиц должно быть поставлено три. Две для того, чтобы пребывать в молитве за всех, находящихся в искушении, и для получения откровений, когда таковые нужны, а одна из них должна присутствовать при женщинах, посещаемых болезнями, она должна быть готова на служение, трезвенна, о случаях нужды извещать пресвитеров, не должна быть корыстолюбива и пить много вина, чтобы быть трезвою при ночных служениях”⁴.

По своим функциям должность вдовы в это время занимала среднее положение между древней пророчицей и позднейшей диаконисой. Во II в. это достаточно стабильно функционирующий институт.

Как видим, перечень обязанностей вдов был достаточно расплывчат, более конкретно о них говорит уже Василий Великий: “вдовице... поступившей в чин действительных вдовиц, надобно пребывать в молениях и молитвах, постясь день и ночь” и “проводить жизнь в заботе и тщании”⁵. Он также подчеркивает, что вдовы в IV в. включались в отдельные списки и получали пропитание от церкви⁶. Эти правила лишают вдов того довольно высокого положения, которое они занимали раньше, имея места в собрании рядом с пресвитерами и диаконами. Почему это произошло? Одно из наиболее очевидных объяснений — широкое распространение в середине – второй половине II в. ересей, с которыми ортодоксальное христианство ведет непрерывную борьбу. А женщины во многих сектах играли ведущие роли: Марцеллина у карпократов, женщины-пророчицы у Марка, в секте монтанистов наряду с Монтаном выступают пророчицы Прескилла и Максимила, женщины могли здесь выполнять также функции пресвитеров и епископов⁷. Осуждение ереси Монтана в начале III в., вероятно, оказалось решающим моментом в развитии церковного антифеминизма, приведшим к отказу женщинам проповедовать, учить и повелению только повиноваться.

В результате этой борьбы христианские вдовы превратились в обычных мирян. Последний удар этому институту нанес Лаодикейский собор (середина IV в.), предписавший, “что не должно в церкви поставлять так называемых пресвитерид, т.е. председательниц”⁸.

Первый литургический христианский сборник начала III в. “Египетский церковный ордер” добавляет к перечисленным ранее церковным должностям чтецов и субдьяконов. Для нас в этом перечне особый интерес представляют “девы”. Достаточно обширные сведения о них можно найти в Творениях Фасция Цецилия Киприана. Он высоко оценивает отказ дев от плотских утех: “Первый плод сториичный — это плод, приносимый мучениками, второй же шестидесятикратный — принадлежит вам. И как у мучеников нет помышления о плоти и мире... так и у вас... да будет близок и подвиг терпения”⁹.

Его мнение разделяют и другие отцы церкви. Так, Тертуллиан, Амвросий Медиоланский, Климент Римский неоднократно обращались к примерам добродетельного поведения дев в назидание верующим, призывая их к праведной жизни. Большинство святых, канонизированных позднее христианской церковью, отвергли брак и посвящали себя служению богу.

В период становления христианства отношение последователей Христа к браку было довольно негативным. Это было вызвано порочной, развратной жизнью римской знати, которую христиане порицали, а также ожиданием скорого конца света и необходимостью позаботиться о личном спасении. Поэтому девственное состояние было довольно естественным для первых христиан. Позднее же оно стало уделом немногих, своеобразным “подвигом”.

В таинствах девы не принимали никакого участия. Они должны были слушать, иногда повторять за диаконом некоторые тексты при богослужении. Основное

требование к ним — обет целомудрия, но добровольный, в отличие от жриц восточных культов. Девственница, нарушившая свой обет, не сразу изгонялась из церкви: она могла покаяться и продолжать праведную жизнь¹⁰.

В III–IV вв. был установлен даже возраст причисления к чину дев (17 лет)¹¹, хотя они не поставлялись и не рукополагались. Вероятно, довольно лояльное отношение к поведению девственниц связано с тем, что данный институт постепенно терял свое значение и массовый характер. Ко времени соборного христианства девственницы были лишь небольшой группой в общине.

И позднее девы и вдовы, надо полагать, пополнили ряды монахинь, но уже на этапе утверждения киновитийного монашества, ибо в III в. “отшельничество”, за редким исключением, было чисто мужским уделом.

Место вдов в общинной иерархии постепенно занимают диакониссы. Возникла эта должность довольно рано: упоминание о ней встречается уже в послании апостола Павла к Римлянам, где фигурирует некая Фива, “диаконисса церкви Кенхрейской” (16.1), вероятно, занимавшая высокое положение в своей общине.

Но в основном диаконисы в это время были лицами незначительными. Так, по церковным правилам 70–90 гг. II в. диаконисы были обязаны “надзирать за больными, обо всем, что нужно было в этой сфере... докладывать пресвитерам”.

Тот же апостол Павел в первом послании к Тимофею (3.11) еще раз говорит о женщинах-диаконах, но в данном случае, вероятно, имеются в виду жены диаконов, которые не занимали никакого положения в церковной иерархии.

В новом качестве этот институт выступает уже в III в. Правила первого Вселенского собора говорят об диаконисах как о должности, которая лишь по внешности причисляется к клиру, т.е. они не рукополагаются и поэтому “могут считаться совершенно в числе мирян”. Позднее четвертый Вселенский собор определяет возраст поставления (40 лет); причем теперь диакониса проходит через обряд рукоположения¹².

Кто же мог занять эту довольно почетную должность? “По общему правилу диаконисами могли быть только вдовы после первого брака или пожилые девы, и в виде исключения кое-где допускались женщины, жившие в бесплодном браке”¹³.

Перечень их обязанностей также довольно четок: уход за больными христианами, наблюдение за благочинием и порядком среди женщин во время богослужения, наставление женщин, обращающихся в христианство, прислуживание епископу при крещении женщин и замещение его, помазание тела, кроме чела, наблюдение за храмовою дверью, в которую входили женщины, и запрет входить недостойным. По сути, почти все эти обязанности раньше исполняли вдовы (кроме крещения). Новым было также то, что они должны были заботиться о чистоте женских отделений в храмах и опекать вдов, дев и женщин общины. Как видим, положение в общине женщин-диаконов становилось все более стабильным и прочным.

Но так было на востоке Римской империи после ее раздела на Восточную и Западную. На западе даже в 251 г. в римской общине не было никаких женских должностей, а вдовы находились только на положении призреваемых. Можно предположить, что одной из причин этого явления было широкое распространение здесь еретических движений, борясь с которыми церковь не допускала женщин к руководящим должностям в общине.

Несколько позднее подобная судьба постигнет этот институт и на востоке империи. На последних вселенских соборах не было даже упоминания о женщинах клира. Постепенно эта должность отмирает, хотя титул встречается даже в текстах XIII в. Позднее функции диаконис отошли к настоятельницам монастырей. Затем диаконисами стали называть не только настоятельниц, но и простых монахинь. В церковную же иерархию и в руководство общины доступ женщине был окончательно закрыт.

¹ См.: Жития святых по руководству Четьх-Миней святителя Димитрия Ростовского. СПб., 1992. Т.1. С.113–115. Дальнейшие сноски см. в тексте.

² См.: Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. М., 1990. С.199.

³ Там же. С. 248.

- ⁴ Гидулянов П. Женщина в раннехристианском богослужении. Ярославль, 1908. С.21.
⁵ Василий Великий. Нравственные правила. 74. СПб., 1993. С.31.
⁶ Он же. Творения. СПб., 1911. Т.3. С.222.
⁷ Ранович А.Б. О раннем христианстве. М., 1959. С.129.
⁸ Canonēs Laodic. С.11.
⁹ Киприан. Творения. Киев, 1891.
¹⁰ Он же. Письма. 3; Василий Великий. Письма. 191. 18.
¹¹ Деяния вселенских соборов. Казань, 1864. Т.6. Правило 40. С.604.
¹² Там же. Т.1. Правило 19. С.173–174; Т.4. Правило 15. С.333.
¹³ Гидулянов П. Указ. соч. С.27.

Ю.А. БЛАШКОВ

ФИНАНСОВЫЕ МОТИВЫ В ВОЗНИКНОВЕНИИ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ В РОССИИ

На рубеже XVIII–XIX столетий в России углублялся процесс разложения феодально-крепостнических отношений. Правящие круги вынуждены были принимать определенные паллиативные меры для стабилизации экономической и политической обстановки. Существенное место в их ряду отводилось организации военных поселений. Первостепенное значение для появления последних имел фактор необходимости сокращения расходов на содержание большой и дорогостоящей армии в условиях резко обозначившейся нестабильности финансовой системы страны. Прослеживание взаимосвязи подобных явлений представляется весьма любопытным.

В начале XIX в. государственный долг составлял 408,5 млн руб. асс., что превышало десятилетний доход страны. Последующие годы ознаменовались дальнейшим ухудшением состояния финансов России: к 1810 г. сумма государственного долга простиралась уже до 667 млн руб. асс.¹ Для властей была очевидной необходимость принятия срочных мер. Составлением программы по выходу из тяжелого финансового положения занимались такие видные представители русской экономической мысли начала прошлого столетия, как М.М. Сперанский, М.А. Балугьянский, Н.С. Мордвинов, В.П. Кочубей и другие. Авторы предложенного Александру I «плана финансов» основную причину их кризисного состояния усматривали в несоразмерности государственных доходов и расходов. В той части «плана», где речь шла о сокращении расходов, в частности, отмечалось, что нужно «все необходимые издержки сохранить, полезные отложить, а излишние прекратить». В категорию «необходимых», наряду с другими, вошли расходы, «кои относятся к безопасности государства, как внешней, так и внутренней». Естественно, прежде всего под ними подразумевались затраты на армию и флот. Характерно, что в дальнейшем они должны были оставаться единственными среди «необходимых» затрат².

Однако М.М. Сперанский и другие разработчики программы финансовой стабилизации или сознательно не предприняли попыток разрешения основного противоречия в бюджетной системе страны, или вовсе не видели возможности это сделать. Дело в том, что в условиях обострения в конце XVIII – начале XIX в. международной обстановки, участия России в антинаполеоновских коалициях, ведения войн с Ираном, Турцией, Швецией издержки на Министерство сухопутных сил и Министерство морских сил составляли основную часть государственных расходов — они поглощали до 45–54% денежных сумм. Не менее интересно, что и в 1801–1803 гг., когда боевые действия не велись, затраты на армию составляли до трети всех государственных расходов³.

В рассматриваемый период российский бюджет был дефицитным, поэтому еще более разительные результаты дает сопоставление расходов на военные ведомства с реальными доходами государства. В начале XIX в. на их содержание уходило около половины всей суммы доходов. Однако в дальнейшем военные затраты значительно увеличились, превысив общие доходы страны. Так, уже в

1808 г. расходы на военные нужды составили 139,3 млн руб. асс. при общей сумме доходов в 127,5 млн руб.⁴

Особенностью мировой практики военного строительства начала XIX столетия по сравнению с современностью было положение, когда содержание личного состава армий требовало значительно больше денежных средств, чем их вооружение. Россия в данном случае не являлась исключением. Следовательно, именно расходы на содержание личного состава армии и флота в значительной степени и обуславливали тяжелое состояние российских финансов. Кстати, подобная взаимосвязь понималась и правящими кругами страны. Так, в указе от 24 июля 1801 г. об образовании комиссии "для рассмотрения положения войск и устройства оных" отмечалось, что в конце XVIII в. в России наблюдалось значительное увеличение затрат на содержание войск при сокращении их численности⁵. Несмотря на предпринимавшиеся меры по устранению подобного положения, в 1801–1810 гг. наблюдался и относительный и абсолютный рост расходов на армию. Подсчеты показывают, что при увеличении численности войск за рассматриваемый период на 34% затраты на их содержание по сравнению с началом столетия возросли на 70–80%⁶.

Бесперспективность предложенной в "плане финансов" программы по их стабилизации без затрагивания проблем содержания огромного воинского контингента ощущалась даже ее разработчиками. В 1810 г. на имя Александра I была представлена записка В.П. Кочубея "Об исправлении финансовой системы". Оценивая финансовую ситуацию текущего года и, очевидно, "план финансов" в целом, ее автор указывал, что "восемь или десять миллионов не могут уже составлять счета там, где считали по меньшей мере десятками миллионов и где считали бы, может быть, сотнями миллионов, если бы... вовремя не остановились". В качестве панацеи от всех финансовых бед он предлагал "уменьшение издержек... в больших размерах". Расчеты видного государственного деятеля строились на преобразовании армии и флота. В частности, Кочубей предусматривал после заключения мира с Ираном и Турцией приступить к замене постоянной армии "губернским войском" (жандармерией), организовать военные поселения на восточной границе, а также уменьшить состав флота, базирующегося в Балтийском море⁷.

Безусловно, в подобных доводах имелось рациональное зерно: существенное сокращение численности войск было наиболее действенным способом решения финансовой проблемы в России. Вместе с тем реализация этой идеи привела бы к столь же значительному ослаблению ее военного потенциала, что было недопустимо в условиях обострения отношений с наполеоновской Францией. Последняя располагала массовой армией, комплектовавшейся по введенной в 1798 г. системе конскрипции. В России же существовала явно не соответствующая духу времени рекрутская система и практиковался 25-летний срок службы. Эти обстоятельства полностью исключали возможность создать обученный запас, который в случае необходимости мог бы усилить армию. Поэтому здесь и в мирное время насчитывался большой контингент вооруженных сил, что было для российских финансов непозволительной роскошью.

Практической попыткой сокращения расходов по содержанию армии стала организация военных поселений. В данном случае инициатива принадлежала непосредственно Александру I. Начало созданию системы военных поселений положил указ от 10 ноября 1810 г. о размещении на территории Бобылецкого староства Климовичского уезда Могилевской губернии запасного батальона Елецкого пехотного полка⁸. Предварительно гр. А.А. Аракчеевым, которому поручалось общее руководство поселениями, были произведены соответствующие расчеты. Примечательно, что они начинались с рассмотрения составных частей годовой суммы на содержание пехотного полка. Анализ этого любопытного документа показывает, что Аракчеев видел перспективу ее значительного сокращения⁹.

Основная задача организаторов опытного военного поселения сводилась к быстрейшему достижению при минимальных денежных затратах самообеспечения продовольствием и фуражом всего состава Елецкого пехотного полка. При

этом Аракчеевым предусматривались два варианта ее решения. Один учитывал возможность поселения всех солдат и унтер-офицеров полка и совмещение ими обязанностей военной службы с занятием земледелием, другой — создание особых условий для одного из батальонов, на который и возлагались бы основные обязанности по производству сельскохозяйственной продукции¹⁰. Последний вариант и стал той основой, на которой создавались военные поселения. “Нижние чины” запасного батальона Елецкого полка были наделены всем необходимым для развития самостоятельных хозяйств и получили наименование “хозяев”. При достижении последними определенной степени зажиточности к ним подсеялись по два “постояльца” из состава непоселенных батальонов полка. “Постояльцы” должны были во всем помогать “хозяевам”.

Поселения должны были включить в себя все регулярные войска, исключение могло быть сделано лишь для гвардии¹¹. По замыслу их устроителей переход армии на самообеспечение продовольствием и фуражом должен был привести к уменьшению издержек в целом по военному ведомству и в конечном счете к укреплению финансовой системы страны. Так, произведенные в 1819 г. гр. Аракчеевым расчеты показали, что перевод на поселение всей кавалерии позволял казне ежегодно сохранять до 15 млн руб.¹²

Нестабильность финансового положения России в 1810–1816 гг., т.е. с момента возникновения и до перехода к широкомасштабной организации военных поселений, могла лишь способствовать убеждению в необходимости их расширения. Признанная губительной еще в начале XIX в. практика ежегодных выпусков большого количества ассигнаций привела к тому, что в послевоенный период курс ассигнационного рубля был крайне низок — от 22 до 39 коп. сер.¹³

В записке министра финансов Д.А. Гурьева, сопровождавшей дефицитную роспись доходов и расходов на 1814 г., отмечалось, что “чрезмерное умножение оных (ассигнаций – Ю.Б.)... угрожает столь бедственными последствиями, что предлагать его (выпуск новых ассигнаций – Ю.Б.) или обеспечиваться им, значило бы приближать государство... к гибели”. По мнению Гурьева, единственным реальным средством улучшить положение финансов было сокращение расходов прежде всего “в обоих военных министерствах”¹⁴. Действительно, в период Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов армия поглощала до 60% суммы государственных расходов. В первые послевоенные годы затраты на Военное и Морское министерства уменьшились незначительно и составляли более половины расходов. Необходимость сохранять в мирное время огромную армию, численность которой доходила до 700 тыс. человек¹⁵, обуславливалась желанием Александра I играть ведущую роль в системе Священного союза и тем самым закрепить небывалый международный авторитет России после победы над Наполеоном.

Огромные затраты денежных средств на армию в период борьбы с наполеоновским нашествием были как-то объяснимы. В условиях же мирного времени, когда на первый план выходили экономические проблемы, сделать это было значительно труднее. Выражая общественное настроение, председатель Департамента государственной экономики Государственного совета Н.С. Мордвинов писал в 1816 г., что “при упадке монеты ропщут воин, негодует гражданин, лихоимствует судья, охладевает верность, ослабевают взаимные услуги и пособие; благочиние, мир и благодетель уступают место разврату, порокам и буйным страстям”¹⁶.

Определенное место в ликвидации подобных негативных тенденций в послевоенном развитии России власти отводили военным поселениям.

¹ См. Блиох И. С. Финансы России XIX столетия: История-статистика. СПб., 1882. Т.1. С.14; Сборник Императорского русского исторического общества (в дальнейшем – Сборник РИО). СПб., 1885. Т.45. С.5.

² См. Сборник РИО. С.1,5.

³ См. Блиох И. С. Финансы России XIX столетия... С.85.

⁴ См. Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Ч.1. С.620–621.

⁵ См. Журавский Д. П. // Военный сборник. 1859. №12. Отд. неофиц. С.277–278.

⁶ См. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал

России. М., 1973. С.12,14; Б л и о х И. С. Финансы России XIX столетия... С.85–86,136; Министерство финансов... С.620–621.

⁷ Б л и о х И. С. Финансы России XIX столетия... С.102–103.

⁸ Российский государственный военно-исторический архив (в дальнейшем – РГВИА). Ф.405, оп.1, д.1, л.62–62 об.

⁹ Там же. Ф.405, оп.1, д.1, л.22–30, 62 об.-64; Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т.7. Ч.1. Оч.2. Спб., 1902. С.506–507.

¹⁰ Там же.

¹¹ РГВИА. Ф.405, оп.1, д.247. л.387.

¹² РГВИА. Ф.ВУА, д.17028, ч.2, л.11–11 об.

¹³ См. Б л и о х И. С. Финансы России XIX столетия... Т.1. С.136.

¹⁴ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии. Спб., 1889. Вып.2. С.330–331.

¹⁵ См. Б е с к р о в н ы й Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке... С.15.

¹⁶ И к о н н и к о в В. С. Граф Н.С. Мордвинов Спб., 1873. С.159.

И.В. КАМЕНСКАЯ

ПЕРВЫЕ ВОСКРЕСНЫЕ ШКОЛЫ В РОССИИ (начало 60-х годов XX в.)

К середине XIX века грамотных среди населения России, составлявшего примерно 70 млн человек, было около 6%. Если учесть, что подавляющее большинство грамотных людей жило в городах, то в деревнях, среди крестьянства, царила, по словам Чернышевского, “тьма-тьмущая”.

Недостаточно продуманная политика царизма в области просвещения, лишение низших сословий возможности получать образование тормозили решение этой исключительно острой для пореформенной России проблемы. Но благодаря усилиям демократических кругов и прогрессивных представителей господствующего класса Россия к концу века добилась некоторых успехов в распространении грамотности и образования. Так, по данным переписи 1897 г., из 125 млн населения России грамотных было 21,1%. Грамотность городского населения в 2,5 раза превышала грамотность сельского. Однако подавляющее большинство грамотных имели лишь начальное образование. По данным той же переписи 1897 г., образование выше начального имели 1 млн 364 тыс. 143 человека, т.е. немногим больше 1% населения.

В 60-х годах XIX в. в России, как известно, наступил период значительных социально-экономических преобразований, затронувших и народное образование. Множеству новых фабрик, заводов, предприятий и учреждений требовались грамотные работники.

Одним из выдающихся явлений конца 50-х годов в области воспитания и образования было открытие воскресных школ для взрослого населения. Инициаторами создания таких школ выступили члены Харьковско-Киевского тайного политического общества, которое возникло в 1856 г. Руководителями этого общества были студенты Харьковского университета Л.Н. Бекман, М.Д. Муравский, П.С. Ефименко, П.В. Завадский, М.Ф. Левченко¹.

Общество выпускало рукописную газету “Свободное слово”, стратегической целью оно считало “перемену существующего образа правления в России”. Члены общества осознали, что без участия народа нельзя совершить политический переворот, а поэтому необходимо “для достижения своих целей действовать, между прочим, посредством распространения вольнолюбивых идей между простым народом”². Члены тайного общества полагали, что первым шагом в подготовке народа к революции должно быть его просвещение. Летом 1859 г. решение общества о создании воскресных школ поддержал профессор истории Киевского университета П.В. Павлов.

Л.Н. Бекман, П.С. Ефименко, М.Д. Муравский при содействии П.В. Павлова добились разрешения на открытие в Киеве двух воскресных школ. В конце 1859 г. М.Ф. Левченко и П.В. Завадскому удалось добиться разрешения на открытие

воскресных школ в Харькове. Открытию воскресных школ содействовал знаменитый хирург Н.И. Пирогов, бывший в то время и попечителем Киевского учебного округа. Позднее он писал об этом: "Я положительно был убежден, что осуществление идеи воскресных школ как нельзя более соответствует жизненной потребности края"³.

Работой киевских и харьковских воскресных школ руководили члены тайного общества. Организовывать такие школы на Украине помогал Т.Г. Шевченко. Он был знаком с некоторыми членами Харьковско-Киевского общества, вел с ними переписку. Специально для этих школ он составил "Букварь южнорусский", изданный в 1860 г. в Петербурге. Содержание букваря способствовало формированию у учащихся духа протеста против "неправовой власти" царя и помещиков, призывало к борьбе "огнем и кровью народной" за "святую правду". Часть тиража своего "Кобзаря" Т.Г. Шевченко отдал воскресным школам Киева, Харькова, Полтавы⁴.

В 1859 г. профессор П.В. Павлов уехал в Петербург, но киевские и харьковские воскресные школы продолжали действовать. Средства для них изыскивали различными путями. В пользу воскресных школ проводились литературные чтения, спектакли, вечера, собирались частные пожертвования. На эти средства закупались учебные пособия, создавались кассы для бедных студентов, комплектовались народные библиотеки.

Попечитель Харьковского университета Левшин, встревоженный размахом студенческой просветительской инициативы, отстранил от работы в воскресных школах всех студентов, подозреваемых в причастности к Харьковско-Киевскому тайному обществу. Но эти меры не дали желаемых результатов. "Разумеется, — замечал по этому поводу студент Харьковского университета М.Д. Муравский, — этим царь мало выиграл, потому что в наше время нет ни одного верноподданнического студента"⁵.

Инициатива украинских студентов быстро получила распространение, и в течение 1860 г. воскресные школы возникли в Петербурге, Москве, Одессе, Минске и других крупных городах России.

В Петербурге в воскресных школах занималось несколько тысяч рабочих, ремесленников и солдат. Первая воскресная школа здесь была открыта по разрешению попечителя округа в казармах учебно-фехтовального гимнастического корпуса 12 мая 1860 г. В ней обучались молодые ремесленники. Вскоре, — отмечалось в одной из статей "Журнала министерства народного просвещения", — "воскресные школы получили самое обширное развитие в С.-Петербурге. Со времени открытия в мае месяце прошлого года первой воскресной школы в нашей столице к 1 января наступившего года явилось 14 мужских и 9 женских"⁶.

Работу воскресных школ в Петербурге направлял совет уполномоченных, созданный с разрешения попечителя учебного округа. В августе 1860 г. его руководителем был избран П.В. Павлов, который кроме этого преподавал в воскресной школе, размещавшейся в здании казарм гвардейского экипажа. Совет уполномоченных оказывал помощь в открытии школ, занимался организацией сбора средств на их содержание, распределял эти средства по школам. Советом был издан букварь, намечалось издание народной хрестоматии. Здесь разрабатывались методики преподавания, составлялись списки литературы для внеклассного чтения.

Прогрессивные деятели народного образования увидели в воскресной школе "отрадные педагогические явления", которые, по словам Н.И. Пирогова, "предсказывали ей несомненную будущность"⁷.

Занятия в школах велись по воскресным и праздничным дням. Учебный год продолжался 30–35 учебных дней. Для поступления в школу не требовалось никаких документов. Прием не прекращался в течение всего учебного года. В зависимости от уровня знаний учащиеся делились, по опыту киевских школ, на три класса: низший (неграмотные), средний (малограмотные) и высший (грамотные). Каждый класс, в свою очередь, делился на группы или кружки, состоявшие из двух–четырех человек с одинаковым уровнем подготовки⁸.

В воскресных школах обучали чтению, письму, арифметике, закону божьему.

Много внимания уделялось разъяснительным беседам, помогавшим вырабатывать научные понятия о форме Земли, происхождении планет, движении воздуха и т.п.

Видный русский педагог К.Д.Ушинский видел в воскресных школах «одно из деятельных средств для предупреждения народного разврата... сближение образованных людей с рабочими... Хорошее устройство воскресных школ — одна из самых трудных педагогических задач. Главная задача воскресных школ — пробудить умственные способности учеников. Также полезно завести при воскресных школах небольшие библиотеки книг поучительного содержания»⁸.

«Успехи учеников воскресных школ, — отмечал Н.И. Пирогов, — как я сам не раз убеждался, были, при прилежном способе учения, изумительны. Грамота усваивалась почти вдвое и даже втрое скорее, чем в приходских и других училищах, посещаемых ежедневно»¹⁰.

Это объяснялось тем, что процесс обучения в первых воскресных школах был основан на взаимном желании: преподавателей — дать знания, а учащихся — обрести знания как источник света. Учителя воскресных школ, главным образом студенты, гимназисты, некоторые чиновники, передовые офицеры, представители демократических кругов интеллигенции, рассматривали свою деятельность в воскресных школах как выполнение высокого общественного долга, как свою первейшую обязанность по распространению грамотности и знаний в народе.

Глава революционно-демократического лагеря Н.Г Чернышевский мечтал о том времени, когда воскресных школ будет десятки тысяч. Он требовал для них свободы от правительственных притеснений и подозрений: «Воскресные школы в империи, имеющей более 60 млн населения, действительно считаются только десятками. А их нужны десятки тысяч... Отчего же их только десятки? Оттого, что они подозреваются, стесняются, пеленаются так, что у самых преданных делу преподавания в них людей отбивается охота преподавать»¹¹.

Пока массовых репрессий со стороны царизма не было, в воскресных школах сотрудничали люди совершенно различных взглядов, социального и политического положения. Нередко в одной и той же школе преподавали священники и революционеры.

Однако III Отделение неослабно следило за преподавателями и учащимися этих школ. Начальник III Отделения князь В.А. Долгорукий в докладной записке царю предлагал взять воскресные школы под контроль правительства, ограничить программу преподавания, привлечь к надзору за школами представителей высшего сословия¹². В конце 1860 г. последовал циркуляр министра просвещения Е.П. Ковалевского попечителям учебных округов, который определял следующие правила работы воскресных школ:

«1. Воскресные школы по курсу и объему учения относятся к одному разряду с приходскими училищами ведомства народного просвещения.

2. В воскресных школах преподаются:

- а) закон божий,
- б) чтение и письмо на русском языке,
- в) арифметика,
- г) по мере надобности, рисование и черчение.

3. В воскресных школах употребляются только книги, признанные начальством округа полезными для приходских училищ ведомства Министерства народного просвещения»¹³.

Контроль и наблюдение за учебным процессом возлагались на штатных смотрителей уездных училищ и директоров гимназий. По требованию правительства к воскресным школам были приставлены священники, которым вменялось в обязанность преподавать закон божий и наблюдать за педагогическим процессом, учителями и учащимися. «За школами устанавливался сильный надзор. Введение всех этих ограничений напугало либеральную интеллигенцию, значительная часть ее отошла от воскресных школ»¹⁴.

А.И. Герцен хорошо видел, что на воскресные школы надвигается гроза. В статье «Путятин молчит» он писал: «...кстати по части «Прогресса затмения» нам

пишут: "Воскресные школы доживают последние дни под тяжелой лапой всевозможных начальств и инспекторов, почти всех добровольных преподавателей выжили и по наряду заменили казенными учителями низших училищ"¹⁵.

Князь Долгорукий представил министру внутренних дел сведения о том, что в двух петербургских воскресных школах, Сампсониевской и Введенской, "преподается учение, направленное к потрясению религиозных верований, к распространению социалистических понятий о праве собственности и к возмущению против правительства"¹⁶. Об этом доносе А.И. Герцен писал: "Бедный русский народ, недалеко тебе уйти с такими пастухами"¹⁷.

В 1862 г. гонения на воскресные школы значительно усиливаются. Хотя небольшое количество их не могло играть сколь-нибудь заметной роли в общественной жизни страны, в повышении политической активности трудящихся. По данным министерства просвещения, к июню 1862 г. в России было 274 воскресные школы, из них 243 мужских и 31 женская. Воскресные школы были созданы в 14 губерниях России: в Петербургской — 34, в Московской — 9, Киевской и Полтавской — по 17 (из них в Киеве — 7), Одесской — 11, Черниговской и Пермской — по 10, Новгородской и Тамбовской — по 9, в Поволжье было создано 39 воскресных школ, из них 8 — в Нижегородской губернии, 7 — в Казанской, 6 — в Саратовской, по 3 — в Астраханской и Симбирской¹⁸.

Весной 1862 г. была учреждена специальная следственная комиссия "по делу воскресных школ", которая пришла к выводу, что "инициатива создания воскресных школ зародилась и приведена в исполнение под влиянием и при участии лиц, имевших задачей потрясение государства". В ходе практической реализации этого "вывода" был арестован и сослан в ссылку один из первых организаторов воскресных школ профессор П.В. Павлов.

10 июня 1862 г. последовал императорский указ, который гласил:

"1. Немедленно приступить к пересмотру правил об учреждении воскресных школ.

2. Закрыть все существующие воскресные школы и читальни впредь до преобразования их на новых началах"¹⁹.

Это было открытое пресечение общественной инициативы: почти все воскресные школы были закрыты.

В 1864 г. ценой больших усилий прогрессивной интеллигенции все-таки удалось добиться нового разрешения на открытие воскресных школ, но с большими ограничениями их программ. Вновь открываемые школы находились под строгим надзором инспекции народных училищ, а разрешение на их открытие стало преимущественной компетенцией духовенства. Но несмотря на систематические притеснения и разнообразные ограничения, воскресные школы продолжали функционировать до 1917 г.

Они представляли собой новый, до того времени неизвестный тип школы для взрослых и на протяжении всей истории их существования активно использовались прогрессивными силами страны для пропаганды передовых идей, просвещения и образования трудящихся.

В настоящее время совершенно в иных социально-исторических условиях идет процесс возрождения воскресных школ в республике. И хотя содержание, методы и цели обучения в них тоже иные (создаются они в основном при культовых учреждениях для религиозного воспитания подрастающего поколения), тем не менее это свидетельствует, что форма обучения, возникшая почти сто пятьдесят лет назад, и сегодня имеет право на существование.

¹ Козьмин Б. Харьковские заговорщики 1856–1858 гг. Харьков, 1930. С.31.

² Там же. С.48-51.

³ Пирогов Н.И. Избранные педагогические произведения. М., 1952. С.464.

⁴ Хинкулов Л. Тарас Шевченко. М., 1960. С.374–375.

⁵ Таубин Р.Л. // Вопросы истории. 1956. №8. С.80.

⁶ Журнал Министерства народного просвещения. Часть CXI. СПб., 1861. С.1–2.

⁷ Пирогов Н.И. Указ.соч. С.465.

⁸ См.: Дронов И. Т. // Вопросы истории. 1970. №6. С.201.

⁹ Ушинский К. Д. Собр.соч. Т.2. М., 1948. С.496.

¹⁰ Пирогов Н. И. Указ.соч. С.467.

¹¹ Чернышевский Н. Г. // Полн.собр.соч. М., 1951. Т.10. С.169.

¹² См.: Куманев В. А. Революция и просвещение масс. М., 1973. С.60.

¹³ Журнал Министерства народного просвещения. С.4.

¹⁴ Пискунов А. И. // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР второй половины XIX в. М., 1976. С.167.

¹⁵ Герцен А. И. Собр.соч. М., 1958. Т.5. С.141.

¹⁶ Пичкуненко Л. Д. // Ученые записки Калининградского педагогического института. Вып.4. 1958. С.8.

¹⁷ Герцен А. И. Собр.соч. Т.5. С.85.

¹⁸ Журнал Министерства народного просвещения. Часть CXIV. Спб. 1862. С.328.

¹⁹ Там же. С. 243, 244.

ІСТОРЫЯ МІЖНАРОДНЫХ АДНОСІН

М.П. БЕЛЯЕВ, Л.П. СУШКЕВИЧ

ІЗ ПРЭДЫСТОРЫІ ВЕСТФАЛЬСКОГА МІРНОГА КОНГРЕССА (французская і імперская дыпламатыя ў поісках міра)

Вестфальскі мірны конгрэс займае асабое месце ў історыі. Ёму посвячана мноства работ у западной істэрыяграфіі. У тое жэ часе тэма прэдысторыі конгрэса аказалася нескількі абойдзенай увагай ісследоватэлей. Настоящая статья представляет собой попытку осветить деятельность французской и имперской дипломатии по созыву мирного конгресса.

Еще в 1636 г. Вена, Париж и Мадрид дали принципиальное соглашение на предложение папы Урбана VIII о мирных переговорах в Кёльне. Но Кёльнский конгресс так и не состоялся: лишь Испания и император прислали своих представителей, Франция не пожелала этого делать в связи с тем, что военные неудачи не позволяли ей рассчитывать на выгодный мир. Ни император, ни Франция не стремились к миру, полагая, что все противоречия удастся решить военным путем¹.

В то же время Франция и Швеция при заключении договора о союзе в марте 1638 г. договорились настаивать на созыве мирного конгресса в Кёльне, Гамбурге и Любеке. При заключении договора о продлении франко-шведского союза 30 июля 1641 г. в Гамбурге стороны определили местами будущего конгресса вместо Кёльна и Гамбурга два близлежащих города: католический Мюнстер – для Франции и евангелический Оснабрюк – для Швеции².

Большинство сословий империи не были согласны с проводимой императором внешней политикой, направленной на продолжение войны. Рейхстаг в 1640 г. предлагал начать мирные переговоры и объявить амнистию. В 1641 г. император объявил в Регенсбурге амнистию по состоянию на 1627 г. для церковных владений и на 1630 г. — для светских сословий. В результате этого князь Люнебурга, Гессена, Бадена, Пфальца и многих других земель Германии оказались исключены из амнистии. Все сословия, находящиеся в союзе с иностранными державами, должны были расторгнуть его. Регенсбургская амнистия сохраняла таким образом в неприкосновенности условия Пражского мира 1635 г., который ущемлял интересы протестантских князей. Франция и Швеция требовали проведения амнистии по состоянию на 1618 г., т.е. на начало Тридцатилетней войны³.

В Гамбурге начались шведско-имперские переговоры. Императора на переговорах представлял граф Конрад Лутцау. Шведский посланник Сальвиус привлек к этим переговорам французского представителя графа д'Аво. Лутцау, стремившийся к сепаратному соглашению со Швецией, пытался протестовать, но безуспешно. Переговоры д'Аво с Лутцау продвигались очень трудно из-за непризнания Фердинанда III императором. По мнению французской стороны, он

был избран с нарушением процедуры. Посредником на переговорах выступал датский король Христиан IV. Наконец 25 декабря 1641 г. стороны пришли к согласию. Лутцау передал д'Аво экземпляр договора, подписанного им одним, где Мюнстер был именован перед Оснабрюком, а король Франции — перед королевой Швеции (в экземпляре Сальвиуса было наоборот). Граф д'Аво направил королю Дании письмо, в котором выражалось согласие со всеми статьями договора, подписанного Лутцау и Сальвиусом и давалось обещание, что король Франции ратифицирует такой же договор и передаст в намеченное время указанным в договоре лицам паспорта⁴. В ст. 1 договора определялись места будущих переговоров — города Мюнстер и Оснабрюк. Из этих городов должны были выводиться войска воюющих сторон, а охрана дипломатического корпуса осуществляться магистратами. Города объявлялись нейтральными. В соответствии со ст.ст. 2 и 3 договора гарантировалась безопасность дорог между Мюнстером и Оснабрюком и раздельное проведение конгресса. Ст. 4 устанавливалось, что обмен паспортов должен состояться в течение двух месяцев, т.е. не позднее 25 февраля 1642 г. в Гамбурге. Император и король Испании должны были дать паспорта французским представителям, резиденту Швеции в Мюнстере, представителям Савойи, Голландии, графу Карлу-Людвигу Рейн-Пфальцскому, его братьям или их депутатам и другим союзникам Франции. Французская сторона обязалась предоставить паспорта имперским и испанским посланникам, депутатам курфюрстов Кельна и Баварии и другим союзникам императора. Согласно ст. 11 договора мирный конгресс должен был начаться 25 марта 1642 г.⁵.

Ришелье одобрил подписание Гамбургского прелиминарного договора, несмотря на то, что граф д'Аво несколько вышел за пределы своих полномочий. Однако Франция продолжала оттягивать начало переговоров. Только 26 февраля Людовик XIII ратифицировал договор⁶.

Император отказался сделать это и отозвал Лутцау из Гамбурга под предлогом, что тот поторопился подписать договор. Имперским представителем в Гамбурге был назначен граф Ауерсберг. Свой отказ император обосновывал тем, что при составлении договора он именовался вторым, вслед за королями Франции и Швеции, как король Венгрии, кроме того, нейтрализация городов Мюнстера и Оснабрюка и освобождение их от ленной присяги расценивались императором как оскорбление. В Вене еще трудно привыкали к равному международно-правовому положению других государей с императором⁷. Между тем военное положение императора продолжало ухудшаться. В январе 1642 г. французы одержали победу при Кемпене и вышли к нижнему Рейну. Успешно действовали и шведы. Поэтому 22 июля 1642 г. император все же ратифицировал этот договор⁸.

Одновременно император пытался начать переговоры с Францией, минуя конгресс. В ноябре 1642 г. в Париж из Вены направляется секретная миссия монаха доминиканского ордена Георга Герберштайна. В основе главной и дополнительной инструкций лежали соображения графа Траутмансдорфа. Герберштайн должен был прозондировать, хочет ли вообще Франция мира и на каких условиях. Другой его важной задачей было определить противников переговоров с императором при французском дворе и попытаться завязать сепаратные переговоры, на что в Вене очень сильно надеялись. В конце 1642 г. в Вене полагали прийти к миру с Францией без участия Швеции.

Император был готов уступить Франции две крепости в Эльзасе, восстановить в правах трирского и пфальцкого курфюрстов, а взамен требовать, чтобы Франция одобрила особый характер имперско-испанских связей в рамках династии Габсбургов, восстановила в правах герцога Лотарингии, лишившегося престола в 1641 г., отказалась от своих союзов в Империи. Траутмансдорф полагал, что на этой основе можно начать тайные сепаратные переговоры с Францией, которые могли бы прийти к успешному завершению. Однако условия, изложенные в инструкции Герберштайна, если сравнивать их с условиями французской главной инструкции для Вестфальского мирного конгресса, подготовка которой в общих чертах уже завершилась, явно не устраивали французскую сторону⁹.

Герберштайн прибыл в момент, когда скончался кардинал Ришелье и все письма с предложениями были переданы Мазарини, который нашел условия императора неудовлетворительными для французской стороны. Ни о шведах, а также других союзниках Франции, ни о месте и времени начала публичных франко-имперских переговоров в письмах ничего не упоминалось. Мазарини отказался от каких бы то ни было отдельных переговоров и проинформировал Швецию о миссии Герберштайна¹⁰.

Поскольку время начала конгресса было просрочено, французский и имперский представители в Гамбурге Сен-Ромэн и граф Ауерсберг пришли к соглашению о начале мирных переговоров не позднее 11 июля 1643 г. Новый король Франции Людовик XIV 21 мая снова ратифицировал гамбургский прелиминарный договор, упомянув об открытии конгресса 11 июля¹¹.

Сроки начала мирного конгресса между тем снова отодвигались. Только в середине июля в Вене определились с общей линией имперской политики на переговорах и составом делегации. 15 июля 1643 г. императором была утверждена главная инструкция для переговоров в Мюнстере, которая предписывала отклонить попытки Франции сконцентрировать переговоры на правах сословий и продемонстрировать внешнее единство курфюрстов, князей и сословий Империи¹².

Главой делегации был назначен граф Максимилиан Траутмансдорф, имевший громадный опыт и авторитет. Было решено, что он прибудет на конгресс после того, как на него соберутся все участники. Состав имперской делегации, в которой было много юристов бюргерского происхождения, не пользовавшихся уважением французских коллег, вызывал большие сомнения в искренности желания императора вести мирные переговоры. 30 июля в Мюнстер прибыл имперский посланник граф Нассау, а позднее доктор Фольмар, представлявший интересы наследственных земель Габсбургов. По мнению французских представителей, граф Нассау и доктор Фольмар привезли только общие инструкции и ограниченные полномочия¹³.

23 сентября имперским посланникам в Мюнстере и Оснабрюке была выдана еще одна инструкция. В ней очерчивалась линия поведения имперских представителей. При обсуждении религиозных вопросов предполагалось не ставить под сомнение положения Пражского мира. Сословия ни в коем случае не могли пользоваться поддержкой Франции и Швеции. Имперские посланники должны были остерегаться сословий, не присоединившихся к Пражскому миру. Предполагалось противостоять попыткам разделить Империю и Испанию заключением мира с одной из них. В этих целях произошел обмен главными инструкциями между испанскими и имперскими посланниками¹⁴.

В Париже также готовились к переговорам. Вначале в Мюнстер предполагалось направить кардинала Мазарини, затем государственного секретаря Шавиньи. Наконец выбор был остановлен на Абеле Сервиене¹⁵. Он должен был отправиться вместе с графом д'Аво, который слыл специалистом по германским делам¹⁶. С целью повысить статус д'Аво королева-мать Анна Австрийская возвела его в ранг сюринтенданта финансов¹⁷. Главой французской делегации был назначен принц крови Анри Бурбон-Орлеан герцог де Лонгвиль.

30 сентября в Париже подписана инструкция французским представителям в Мюнстере. Подготовленная еще Ришелье и дополненная Мазарини инструкция охватывала все франко-имперские противоречия. Авторы ставили перед собой цель — создать гарантии коллективной безопасности в Европе. Гарантом этой системы выступала Франция, которая считала себя способной противостоять гегемонистским претензиям Австрийского Дома. Ришелье еще в 1637 г. в своих памятных записках предлагал создание после заключения мира двух региональных лиг (одной в Германии, другой — в Италии) с целью расколоть анти-французскую коалицию¹⁸.

Проблемы ранжирования званий и пунктов протокола занимали одно из важных мест в инструкции. После легата и посланников императора первый ранг должен был принадлежать французским посланникам. Много места уделялось претензиям Франции на территории Империи. Лотарингия и Эльзас должны были оставаться за Францией¹⁹.

Французские представители между тем не спешили отправляться в Мюнстер. Они находились в Гааге, где вели переговоры с Голландией. Осложнение военной и политической ситуации (поражение французской армии в битве при Тутлингене 23 ноября 1643 г., начало датско-шведской войны) заставило Мазарини дать приказ посланникам отправиться в Мюнстер. В начале апреля 1644 г. д'Аво и Сервиен прибыли в Мюнстер²⁰.

Франция стремилась привлечь к переговорам имперские сословия. По предложению ландграфини Гессенской 6 апреля 1644 г. д'Аво обратился с письмом к сословиям Империи. В этом письме он говорил, что после многих лет отсрочки, по вине Австрийского Дома и его сторонников, французские представители прибыли в Мюнстер. Они были удивлены, что сословия на конгрессе не представлены по отдельности. Франция и Швеция с оружием в руках несли свободу германским сословиям. Разве можно надеяться на всеобщий и длительный мир без их участия? Франция должна утвердить свою безопасность через свободу германских сословий. Это и есть основной мотив войны²¹.

Император через своих посланников в Мюнстере требовал сатисфакции за оскорбления, содержащиеся в письме. 14 июля из Рейхсканцелярии было направлено циркулярное письмо имперским сословиям, в котором обелялась политика императора.

Но толчок был дан и сословия направили своих делегатов в Мюнстер и Оснабрюк. Одновременно с этим удалось окончательно урегулировать вопрос о полномочиях французских и имперских посланников. Имперские представители согласились вести переговоры с французскими союзниками. 4 декабря 1644 г. мирный конгресс в Мюнстере наконец открылся.

¹ Ruppert K. Die kaiserliche Politik auf dem Westfälischen Friedenskongress (1643–1648). Münster, 1979. S.26.

² Dickmann F. Der Westfälischen Frieden. Münster, 1972. S.104.

³ Ibid. S.102–103.

⁴ Bougeant G. H. Histoire du traite de Westphalie ou des negociation... T.2. Paris, 1751. P.221–222.

⁵ Mont J. Du. Corps uniuersel diplomatique du droit des gens... T.6. Pt. I. Amsterdam, 1728. P.232.

⁶ Bougeant G. H. Op. cit. T. I. Paris, 1767. P.509.

⁷ Фердинанд III был уверен, что обращение "Величество" следует употреблять только к нему. La Barde J.... De rebus gallieis historiarum... Paris, 1671. P.47.

⁸ Bougeant G. H. Op. cit. T. I. P.523–524.

⁹ Ruppert K. Op. cit. S.24–25.

¹⁰ La Barde J. Op. cit. P.12.

¹¹ Du Mont J. Op. cit. S.193.

¹² Akta pacis Westphalicae. Serie I. Bd. I. Münster, 1962. S.334 (APW...).

¹³ Dichmann F. Op. cit. S.193.

¹⁴ APW. Serie I. Bd. I. S.336–337.

¹⁵ Lettres du cardinal Mazarin pendant san ministère. V.I. Paris, 1872. P.149, 208.

¹⁶ La Barde J. Op. cit. S.18–29.

¹⁷ Bougeant G. H. Op. cit. T. I. P.521–522.

¹⁸ Guerre et paix dans L'Europe du XVII siecle. T. I. Paris, 1991. P.65, 315–316.

¹⁹ APW. Serie I. Bd. I. S. 66, 88.

²⁰ APW. Serie II. Abt. B. Bd. I. Münster, 1979. S. 29–30, 65–66.

²¹ Bougeant G. H. Op. cit. T.3. Paris. 1751. P. 81, 85.

С.Б. ЖАРКО

К ИСТОРИИ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И США

Война Соединенных Штатов за независимость вызвала в российском обществе глубокие и искренние симпатии. Именно во время этой войны были заложены основы для последующего сближения двух стран и установления между ними дипломатических отношений.

Отказ российского правительства послать двадцатитысячный корпус для подавления восстания и, особенно, провозглашение Россией в 1780 г.

декларации о "вооруженном нейтралитете" (с целью оградить права морской торговли нейтральных стран во время войны) существенно помогли созданию благоприятной международной обстановки для успешной борьбы Соединенных Штатов за независимость, способствовали подрыву морского могущества Англии и ее дипломатической изоляции. Впоследствии защита прав морской торговли нейтральных стран от Англии, которая всецело господствовала на море, явилась одной из наиболее важных причин для российско-американского сближения.

В дальнейшем вопрос об установлении дружественных отношений с США приобрел для России еще большее значение в связи с наличием значительных российских поселений на Аляске и прилегающих островах, а также в связи с перспективой налаживания торговых отношений с США. В конце XVIII – начале XIX вв. из России в Америку доставлялись железо, лен, изделия мануфактур. В то же время в российские порты прибывало значительное количество американских кораблей, доставлявших хлопок, табак, кофе. В этой связи возникла необходимость назначения консулов Соединенных Штатов в некоторые российские порты. Так, осенью 1803 г. в С.-Петербург прибыл Л.Гаррис, признанный в том же году американским консулом, зимой 1806 г. вице-консулом США в Архангельске был признан Ф.Кизел и летом 1806 г. вице-консулом в Риге — Х.Родде¹.

Международная обстановка, сложившаяся в начале XIX в., вызвала необходимость установления прямых дипломатических отношений между Россией и США, поскольку создались благоприятные условия для совместной борьбы с господством Англии. В значительной степени в сближении с Россией были заинтересованы сами Соединенные Штаты, ибо в это время наметилось ее противостояние с Англией и Францией. Поэтому не случайно инициатива в установлении дипломатических отношений исходила именно от США.

Непосредственное отношение к истории установления дипломатических отношений между Россией и США имеет переписка между императором Александром I и президентом Томасом Джефферсоном, которая началась в 1804 г. Поводом для этой переписки послужило малозначительное обстоятельство. В начале 1804 г. американский консул в С.-Петербурге Л.Гаррис попросил российское правительство о посредничестве в освобождении из плена команды американского военного корабля "Филадельфия", которое потерпело крушение у берегов Северной Африки². Этот вопрос был разрешен после обмена посланиями между главами обеих стран.

Положительно отнеслось российское правительство и к другим пожеланиям правительства США. Так, в связи с просьбой Л.Гарриса разрешить американским судам проходить в Черное море российскому послу в Константинополе А. Италинскому зимой 1804 г. были даны соответствующие инструкции³.

В ответ на эти дружественные шаги правительство США выразило свою признательность России. Наряду с официальным выражением благодарности президент Т.Джефферсон летом 1804 г. направил Александру I специальное послание с выражением личной признательности за дружественное посредничество и выразил удовлетворение по поводу развития российско-американских торговых отношений. В частности, он заверил, что российские суда найдут в американских портах гостеприимство и покровительство, а российские подданные будут пользоваться всеми правами и привилегиями. В ответ Александр I писал зимой 1805 г., что он разделяет позицию Т.Джефферсона в отношении развития торговли между двумя странами и засвидетельствовал свое благоприятное отношение к США⁴.

Дальнейшее развитие событий также содействовало российско-американскому сближению. Осенью 1807 г. управляющим МИД России стал Н.П. Румянцев. А зимой 1808 г. он занял пост министра. Н.П. Румянцев достаточно активно способствовал установлению дипломатических отношений между двумя странами. Так, осенью 1807 г. американский посланник в Англии через российского поверенного в делах в Лондоне сообщал о желании президента США установить официальные дипломатические отношения. Вскоре (осенью того же 1807 г.) Н.П.Румянцев передал согласие Александра I установить эти

отношения и выразил пожелание о скорейшем назначении американского посла в С.-Петербург.

В свою очередь, российское правительство направило в США генерального консула в Филадельфию А.Я. Дашкова и консула в Еостон – А.Г. Евстафьева. Из-за отсутствия других российских представителей в США А.Я. Дашков одновременно получил титул поверенного в делах. В конце 1808 г. было принято решение назначить в США посланником графа Ф.Палена. Однако его отъезд в Америку был отложен из-за неприбытия в Россию американского посланника. Это произошло вследствие того, что сенат США не сразу подобрал кандидатуру на эту должность. В конце-концов выбор пал на Д. Адамса, который был утвержден сенатом и прибыл в С.-Петербург осенью 1809 г. Назначение Д.Адамса свидетельствовало о том, что правительство США придавало весьма важное значение отношениям с Россией. Впоследствии Д.Адамс стал государственным секретарем и президентом США.

Перед отъездом Ф.Палена в США ему была дана инструкция российского императора (от 27 декабря 1809 г.). Этот документ достаточно полно раскрывает принципы российской внешней политики и российско-американских отношений. Российское правительство видело в США своего рода противовес Англии и учитывало общность своих интересов с интересами США. В основу российско-американских отношений были положены принципы “вооруженного нейтралитета”, которые сформулированы в инструкции вполне определенно. “Я ищущу в США, — писал Александр I, — своего рода соперника Англии. Я думаю, что их личные интересы заставляют их следить более внимательно, чем это делается правительствами европейского континента, если не за тем, чтобы ограничить пагубный деспотизм, проявляемый Великобританией на море, то, по крайней мере, чтобы его смягчить”.

В США Александр I совершенно справедливо видел государство, которое так же, как и Россия, заинтересовано в утверждении этих принципов. “Ни одна из держав не подходит лучше, — пишет он, — чтобы действовать и добиваться успеха этого гуманного закона, как та, в недрах которой вы будете находиться. Ее форма управления, ее торговое существование, интерес государства и отдельных жителей должны одинаково содействовать глубокому обсуждению этого важного предмета, и эти суждения создадут, несомненно, оружие, пригодное к разрушению софизмов юрисконсультов, упрочившихся благодаря британскому кабинету”⁵.

Российское правительство достаточно трезво оценивает в этой инструкции и перспективы испанских владений в Америке, в частности, высказывает мысль, что в случае продолжения войны между Францией и Испанией на месте владений последней образуется несколько самостоятельных государств.

Значительное место в инструкции уделяется и торговой деятельности российских купцов, объединенных в Российско-американскую компанию (РАК). Ф.Палену рекомендовалось урегулировать конфликты, вызванные незаконной торговлей американцев на территории этой компании. Для дальнейшего развития российско-американских дружественных отношений решение этих вопросов имело решающее значение.

Установление дипломатических отношений было значительным событием в жизни двух стран. Россия стала, по существу, единственным государством, которое поддерживало США во время ее войны с Англией (1812–1814 гг.) и предложило свое посредничество для скорейшего прекращения этой войны. Во внешней политике России Соединенные Штаты Америки всегда занимали значительное место как важный фактор равновесия сил на европейском континенте.

¹ См.: Болховитинов Н. Н. Россия и США: архивные документы и исторические исследования. М., 1984. С.118.

² См.: Козловский В. // Русская мысль. 1910. №10. С.79–80.

³ См.: Болховитинов Н. Н. Россия и США. С.210.

⁴ См.: Козловский В. С.83.

⁵ Россия и США: становление отношений 1765–1815. (Сб. документов). М., 1980. С.59; С.61–62.

**САВЕЦКА-ПОЛЬСКІЯ ПЕРАМОВЫ
АБ ЗАКЛЮЧЭННІ ДАГАВОРУ АБ НЕНАПАДЗЕ
Ў 1924–1926 гг.**

Значныя змены ў міжнародным становішчы прынёс з сабою 1924 г. Пасля цяжкіх узрушэнняў 1923 г. пачала выходзіць з крызісу Германія. Акрэслілася яе збліжэнне з Захадам, перш за ўсё з Англіяй. Яскравым сведчаннем узмацнення заходняй арыентацыі Германіі і англа-германскага збліжэння з'явілася распрацоўка і прыняцце плана Даўэса. З пачатку 1925 г. дыпламаты вядучых дзяржаў Еўропы прыступілі да актыўнай падрыхтоўкі Гарантыйнага пакта. У ходзе перамоў Францыя была вымушана ўступіць англійскаму ціску і адмовіцца ад патрабавання ўключыць у будучы дагавор гарантыі не толькі для заходніх граніц Германіі, але і для ўсходніх. Дзякуючы Гарантыйнаму пакту Германія фактычна гарантавала сабе бяспеку з боку Францыі, так як цяпер наступленне французскай арміі на Рэйне з'явілася б парушэннем гэтага дагавору і цягнула б за сабою адпаведныя вынікі. Сваёй буйнай дыпламатычнай перамогай у Берліне лічылі тую акалічнасць, што па Лакарнскім пагадненням Германія не ўзяла на сябе ніякіх абавязацельстваў адносна сваёй усходняй мяжы. Усе гэтыя змены ў міжнароднай сітуацыі прывялі да істотнага пагаршэння знешнепалітычнага становішча Польшчы. У Маскве план Даўэса, крэн Германіі ў бок Захада, Лакарна таксама выклікалі сур'ёзную заклапочанасць. Такім чынам, развіццё еўрапейскай сітуацыі ў 1924–1925 гг., здаецца, стварала аб'ектыўныя перадумовы для паляпшэння савецка-польскіх адносін.

З пачатку 1924 г. польскі ўрад прадпрымае крокі, якія дэманстравалі яго імкненне да збліжэння з СССР. Паўпярэд у Варшаве Абаленскі 15 лютага пісаў у Маскву аб прадстаўленні дыпламатычнага корпуса новаму міністру замежных спраў Польшчы Замойскаму: “Я быў прыняты сярод першых і адзначаны перад іншымі тым, што міністр гутарыў са мной каля паўгадзіны. Любезнасць Замойскага была такой вялікай, што ён гутарыў са мною па-руску”¹. У Маскву 24 лютага прыбыў першы польскі прадстаўнік у рангу пасланніка Дароўскі. Ён належыў да ліку польскіх палітыкаў, што выступалі за паляпшэнне савецка-польскіх адносін. Важным пунктам праграмы, з якой Дароўскі прыбыў у Маскву, было заключэнне гандлёвага дагавору паміж Польшчай і СССР. Польскі пасланнік 28 лютага сустраўся з членам калегіі НКЗС Копам і зрабіў ад імя свайго ўрада прапанову прыступіць да гандлёвых перамоў у Маскве 13 сакавіка. У адказ Коп заявіў аб гатоўнасці савецкага ўрада пачаць гандлёвыя перамовы, але адзначыў, што ён звязвае іх вынікі “з перамовамі аб ліквідацыі Рыжскага дагавору”². Такім чынам, Масква адразу ўвязала заключэнне гандлёвага дагавору з падрыхтоўкай савецка-польскага палітычнага пагаднення.

У пачатку сакавіка ў газеце “Экономическая жизнь” быў надрукаваны артыкул, аўтар якога ўказваў на ўстарэласць некаторых юрыдычных норм Рыжскага дагавору. Відавочна, з дапамогай гэтага артыкула Масква вырашыла высветліць польскую рэакцыю на праблему рэвізіі Рыжскага дагавору. Рэакцыя гэта аказалася рэзка адмоўнай. Польская прэса розных накірункаў аднадушна выказалася супраць любых спроб перагляду Рыжскага дагавору, сцвярджаючы, што ён павінен заставацца асновай савецка-польскіх адносін. Замойскі на пасяджэнні сеймавай камісіі па замежных справах заявіў, што польскі ўрад гатовы працягваць гандлёвыя перамовы з СССР, але будзе настойваць на выкананні Рыжскага дагавору³. Як бачна, бакі займалі ў многім процілеглыя пазіцыі і перамовы не краналіся з месца. У канцы красавіка Коп, які з савецкага боку з'яўляўся галоўнай дзеючай асобай на перамовах, з'ехаў з Масквы. Абаленскі паведамляў, што ў Варшаве гэты ад'езд расцанілі як дыпламатычны выверт, накіраваны на зрыў перамоў⁴. Савецкае кіраўніцтва, верагодна, лічыла, што пагаршэнне знешнепалітычнага становішча Польшчы, а таксама фінансава-эканамічны крызіс унутры краіны прымусяць урад Грабскага згадзіцца на ліквідацыю Рыжскага дагавору, што для Масквы, уласна, і складала галоўную мэту перамоў. Дароўскі прызнаў крушэнне сваіх надзей на нармалізацыю польска-савецкіх адносін і падаў у адстаўку. Услед за ім адбылася адстаўка і міністра замежных спраў Замойскага.

27 ліпеня гэтую пасаду заняў А. Скшыньскі. Ён лічыўся прадстаўніком левых палітычных сіл Польшчы, якія традыцыйна стаялі на антырускіх, а затым антысавецкіх пазіцыях. Таму прызначэнне Скшыньскага міністрам замежных спраў было сустрэта ў Маскве з занепакоенасцю. Абаленскі нават звязваў з гэтым прызначэннем пачатак этапу больш жорсткай палітыкі Варшавы ў адносінах да СССР. У гэтай сувязі савецкі ўрад палічыў мэтазгодным прызначыць замест польскафіла Абаленскага паўпрэда “з больш моцнымі кулакамі” Войкава⁵.

Гэтыя персанальныя змены ў дыпламатычных сферах СССР і Польшчы не маглі спрыяць паляпшэнню адносін паміж дзвюма краінамі. Але аб’ектыўныя ўмовы падштурхоўвалі Маскву і Варшаву да ўзаемнага збліжэння. Яны былі звязаны ў першую чаргу з развіццём супрацоўніцтва паміж Германіяй і заходнімі дзяржавамі. 22 жніўня Скшыньскі звярнуўся да Чычэрына з пісьмом, у якім утрымлівалася прапанова асабістай сустрэчы. У пасланні ў адказ ад 4 верасня савецкі наркам замежных спраў пагадзіўся з гэтай прапановай, але з агаворкай, што сустрэча павінна быць добра падрыхтавана⁶. Фактычна гэта адсоўвала сустрэчу на няпэўны час. Толькі ў самым канцы 1924 г. пачалася рэанімацыя савецка-польскіх эканамічных перамоў і былі зроблены крокі да пачатку перамоў палітычных. Прычым, як і ў лютым 1924 г., ініцыятыва зноў зыходзіла з польскага боку. 12 снежня прадстаўнік савецкага гандлёвага прадстаўніцтва ў Берліне Раеўскі сустрэўся з дырэктарам дэпартаменту гандлю Міністэрства прамысловасці і гандлю Польшчы Танэнбаўмам. Польскі прадстаўнік прапанаваў не толькі аднавіць гандлёвыя перамовы, але і пачаць падрыхтоўку палітычнага пагаднення паміж дзвюма краінамі. Ён адзначыў, што група на чале з Грабскім і Скшыньскім лічыць мэтазгодным дамовіцца з СССР⁷. З савецкага боку таксама пачалі гаварыць аб неабходнасці паляпшэння адносін з Польшчай. Чычэрын на другой сесіі УЦВК у кастрычніку заявіў, што “з Польшчай можна чакаць паляпшэння адносін”⁸.

Савецкая праграма палітычных перамоў з Польшчай была выкладзена ў пісьме члена калегіі НКЗС Копя паўпрэду Войкаву ад 2 студзеня 1925 г. У пачатку перамоў Войкаў павінен быў “у парадку папярэдняга абмену думкамі спыніцца на ўсіх крыўдах, нанесеных нам Польшчай з часу савецка-польскай вайны”. Савецкае кіраўніцтва лічыла, што чым больш будзе названа такіх крыўд у пачатку перамоў, “тым большае ўражанне зробіць на вашага суб’яседніка канструктыўныя станоўчыя прапановы”. Гэтыя канструктыўныя прапановы Масквы зводзіліся да ідэі заключэння дагавору аб ненападзе і няўдзеце ў варожых камбінацыях. Польшча павінна была адмовіцца ад саюзаў з дзяржавамі, якія межавалі з СССР. На практыцы гэта павінна было прывесці да ліквідацыі польска-румынскага саюза, што для Варшавы было абсалютна непрыёмальным. Інструкцыя НКЗС значна звужала прастору для кампрамісу яшчэ і таму, што прадпісвала ні ў якім выпадку не згаджацца на “формулу, якую, верагодна, вылучаць палякі, а менавіта, палітычныя ўступкі з нашага боку ў абмен на матэрыяльныя ўступкі з боку Польшчы”. Змест атрыманай Войкавым інструкцыі сведчыць, што перамовы з Польшчай былі патрэбны савецкаму ўраду не столькі для дасягнення пагаднення, колькі для аказання ціску на Германію, перамовы з якой у гэты час ішлі цяжка. Паўпрэду ў Варшаве прадпісвалася: “Перамовы неабходна пачаць як мага хутчэй, зацягваючы іх з такім разлікам, каб мы маглі раней дамовіцца з Германіяй на аснове праводзімага з абодвух бакоў аналагічнага зандажу”⁹. Масква тым самым ставіла савецка-польскія перамовы ў залежнасць ад перамоў савецка-германскіх. Названыя прынцыпы, якія савецкае кіраўніцтва мела намер пакласці ў аснову перамоў з Польшчай, рабілі дасягненне прагрэсу на гэтых перамовах вельмі праблематычным. Не трэба забываць, што і Польшча ішла на гэтыя перамовы, імкнучыся не столькі да нармалізацыі адносін з СССР, колькі зыходзячы з тактычных меркаванняў, звязаных з пагаршэннем яе міжнароднага становішча. Пагражаючы пагадненнем з Савецкім Саюзам, Варшава імкнулася аказаць ціск на Англію, каб аслабіць антыпольскі кірунак англійскай палітыкі ў Еўропе, а таксама забіць клін у адносіны паміж Масквой і Берлінам.

Першапачаткова савецка-польскія перамовы былі сканцэнтраваны ў Варшаве. Войкаў сустрэўся са Скшыньскім 12 студзеня і выклаў яму пункт гледжання савецкага ўрада на праблему заключэння савецка-польскага дагавору аб ненападзе і няўдзеце ў варожых камбінацыях. Адказ польскага ўрада на савецкія

прапановы быў выкладзены Скшыньскім у размове з Войкавым 30 студзеня. Польшкі міністр замежных спраў выказаўся за заключэнне СССР дагавору аб ненападзе не з адной Польшчай, а адначасова і з прыбалтыйскімі краінамі і Румыніяй. Гэтую польскую прапанову савецкі ўрад не мог прыняць. За ёй у Маскве бачылі здань польска-балтыйскага саюза. У адносінах да Румыніі СССР таксама не хацеў браць на сябе ніякіх абавязацельстваў у сувязі з неўрэгуляванасцю бесарабскага пытання.

Новы польскі пасланнік у Маскве Кентшыньскі ўручыў 23 студзеня свае вярыцельныя граматы, а 1 лютага ён быў прыняты Чычэрыным. Савецкі наркам у ходзе гутаркі заявіў, што лічыць заключэнне дагавору аб ненападзе недастатковым, так як гэтыя абавязацельствы фактычна змяшчае Рыжскі дагавор. Ён выказаўся за пагадненне аб няўдзе ў камбінацыях, накіраваных супраць другога боку, або аб нейтралізацыі ў выпадку вайны з трэцім бокам¹⁰. Палякі згадваліся заключыць дагавор аб ненападзе, нейтралізацыі і няўдзе ў варожых камбінацыях. Але польскі ўрад прапаноўваў “адрозніваць нейтралітэт у выпадку абароны другога боку і ў выпадку агрэсіі другога боку. У другім выпадку Польшча не можа гарантаваць абсалютна нейтралітэт”. Кентшыньскі зноў настойваў, каб у будучым дагаворы СССР гарантаваў граніцы не толькі Польшчы, але і прыбалтыйскіх краін¹¹.

Папярэдні абмен думкамі па палітычных пытаннях не прывёў да збліжэння пазіцый Масквы і Варшавы. Гандлёвыя перамовы ўвогуле не аднавіліся. Польшкі ўрад у гэты час, верагодна, сапраўды быў зацікаўлены ў некаторым паляпшэнні адносін з СССР, да чаго яго падштурхоўвала агульнае развіццё міжнароднага становішча, перш за ўсё ход перамоў аб Гарантыйным пакце. Але савецкая пазіцыя на перамовах выклікала глыбокі песімізм у Польшчы. Польшкі друк стаў пісаць аб ілюзорнасці надзей на паляпшэнне адносін з СССР. Той жа песімізм стаў гучаць у Варшаве і на афіцыйным узроўні. Выступаючы 23 красавіка ў сейме, Скшыньскі падкрэсліў, што вельмі скептычна адносіцца да ўсялякіх абавязацельстваў з боку СССР і не можа адносіцца да яго як да нармальнай дзяржавы¹². Гэткая заява, канечне, не спрыялі фарміраванню атмасферы даверу паміж дзвюма краінамі. Пасля прыкладна двух месяцаў актыўных дыпламатычных кантактаў савецка-польскія перамовы (у пачатку сакавіка) зноў застапарыліся.

Летам 1925 г. Масква актывізуе сваю палітыку ў адносінах да Польшчы. З аднаго боку, гэтаму спрыяла тое азмочанне ў савецка-германскіх адносінах, якое наступіла з чэрвеня 1925 г., калі візіт Літвінава ў Берлін не прывёў да адмовы немцаў падпісаць Гарантыйны пакт і ўступіць у Лігу Нацый¹³. У гэтых умовах савецкае кіраўніцтва вырашыла аказаць ціск на Германію паляпшэннем адносін з Польшчай. З другога боку, у Маскве лічылі, што сітуацыя, якая склалася пры падрыхтоўцы Гарантыйнага пакта, вельмі спрыяльная для таго, каб дамовіцца з Польшчай на савецкіх умовах.

21 чэрвеня Чычэрын накіраваў пісьмо ў палітбюро, у якім паведаміў, што НКЗС валодае звесткамі аб гатоўнасці Польшчы пайсці на пагадненне з СССР. У сувязі з гэтым ён лічыў неабходным “з найвялікшай сур’ёзнасцю” аднесціся да праблемы наладжвання адносін з Польшчай”. Рашэннем палітбюро была створана спецыяльная камісія “па збліжэнню з Польшчай”, у якую ўвайшлі прадстаўнікі НКЗС, НКЗГ, РВС, ГПУ, ВСНГ. Узначаліў камісію Дзяржынскі. Аднак і пасля гэтага савецка-польскія перамовы не крануліся з мёртвай кропкі. Некаторы зрух пачаў вызначацца толькі ў верасні. 10 верасня ў “Известиях” з’явіўся перадавы артыкул, прысвечаны савецка-польскім адносінам. Ён быў вытрыманы ў прымірцельным тоне і адзначаў, што ў апошні час назіраецца імкненне Варшавы да паляпшэння адносін з СССР¹⁵. З пачатку верасня ў савецкіх дыпламатычных колах пачынае актыўна абмяркоўвацца пытанне аб візіце Чычэрына ў Варшаву. Войкаў пісаў 4 верасня наркаму замежных спраў, што Скшыньскі лічыць для сябе карысным у дадзены момант сустрэцца з ім. Ідэя сустрэчы знайшла падтрымку і ў Маскве. Але тут яе разглядалі больш як тактычны ход у задуме аказаць палітычны ціск на Германію. Чычэрын пісаў Літвінаву з нагоды візіту ў Варшаву: “Такая дэманстрацыя збліжэння можа напухаць Германію і зрабіць яе больш згаворлівай”¹⁶. Польшкі ўрад тым часам настойліва дамагаўся прыезду Чычэрына ў Варшаву. Гэта тлумачылася ў першую чаргу неспрыяльным для Польшчы ходам сесіі Лігі

Нацый у Жэневе, дзе рухнулі яе надзеі атрымаць пастаяннае месца ў Савецке Лігі. 14 верасня польскі павераны ў справах у СССР Зелязінскі сустрэўся з Літвінавым і зноў узняў пытанне аб тэрмінах візіту Чычэрына. У запісцы па выніках размовы Літвінаў адзначаў, што ў яго складалася ўражанне, што Зелязінскаму даручана дабівацца прыезду ў Варшаву савецкага наркама замежных спраў¹⁷.

Чычэрын прыбыў у польскую сталіцу 28 верасня. Тут яму быў аказаны дэманстрацыйна цёплы прыём. Аднак гутаркі Чычэрына з прэм'ерам Грабскім і Скшыньскім не прывялі да збліжэння пазіцый бакоў па важнейшых праблемах савецка-польскіх адносін. Савецкі наркам зноў прапанаваў заключыць дагавор аб ненападзе і нейтралітэце. Польскі адказ быў традыцыйным. Скшыньскі згаджаўся падпісаць дагавор з СССР, калі ён адначасова падпіша такія ж дагаворы з прыбалтыйскімі краінамі і Румыніяй. Савецкі бок ужо многа разоў адвяргаў такія прапановы. Так паступіў Чычэрын і на гэты раз. Ён указаў, што менавіта спробы стварыць польска-балтыйскі блок і саюз з Румыніяй з'яўляюцца тымі дзвюма вобласцямі, дзе польская палітыка асабліва ваража ў адносінах да СССР. Хоць візіт Чычэрына ў Варшаву і не зрушыў справу падрыхтоўкі савецка-польскага палітычнага дагавору, ён усё ж спрыяў паляпшэнню ўзаемапаразумення паміж дзвюма краінамі і з'явіўся дэманстрацыяй пэўнага паляпшэння савецка-польскіх адносін.

Вынікі Лакарнскай канферэнцыі былі ўспрыняты ў Польшчы як буйное дыпламатычнае паражэнне. У савецкіх дыпламатычных колах у сувязі з гэтым было вырашана ўнесці адпаведныя карэктывы ў адносіны з Польшчай. Паўпруд Войкаў лічыў цяпер мэтазгодным "выкарыстаць бліжэйшы час для замацавання трывалых і ўстойлівых адносін з Польшчай"¹⁸. Чычэрын падзяляў гэты пункт гледжання. Ён пісаў Літвінаву 30 кастрычніка: "Сітуацыя для нас вельмі спрыяльная. Упускаць наладжванне адносін з Польшчай зусім недазваляльна"¹⁹. Зноў набыло актуальнасць пытанне аб заключэнні савецка-польскіх гандлёвага і палітычнага дагавораў. Аднак да пачатку новага этапу перамоў бакі заставаліся на папярэдніх пазіцыях. Можна нават сказаць, што пазіцыі бакоў сталі яшчэ больш жорсткімі. Войкаў прапанаваў звязаць заключэнне гандлёвага дагавору з Польшчай не толькі з ліквідацыяй асобных артыкулаў Рыжскага дагавору, але таксама і з польска-румынскай ваеннай канвенцыяй²⁰.

Варшава імкнулася перш за ўсё аднавіць гандлёвыя перамовы. У размове з Чычэрыным 28 студзеня 1926 г. Кентшыньскі выказаў жаданне польскага ўрада пачаць гандлёвыя перамовы ў 20-х чыслах лютага²¹. Савецкі ўрад прытрымліваўся іншага пункту гледжання. Чычэрын пісаў Войкаву 30 студзеня, што "савецкі ўрад лічыць неабходным да пачатку фармальнага перамоў аб гандлёвым дагаворы пачаць абмеркаванне асноўных палітычных момантаў нашых ўзаемаадносін". Чычэрын выказаў гатоўнасць пачаць гандлёвыя перамовы з 15 лютага пры ўмове, што палітычныя перамовы пачнуцца неадкладна²². Складанае міжнароднае становішча прымусіла польскі ўрад пагадзіцца з савецкай формулай вядзення перамоў. Яны аднавіліся ў лютым і мелі дачыненне галоўным чынам да палітычных пытанняў. 18 і 26 лютага Чычэрын сустракаўся з Кентшыньскім. У адказ на савецкую прапанову заключыць дагавор аб ненападзе і няўдзеле ў варажых камбінацыях, польскі бок прапанаваў калектыўны дагавор аб ненападзе з удзелам СССР, Польшчы і прыбалтыйскіх краін. Масква ж згаджалася толькі на двухбаковыя дагаворы. У адносінах да Рыжскага дагавору Чычэрын прапанаваў ўзаемнае адмаўленне ад прэтэнзій па прыкладу Рапала, супраць чаго палякі рашуча прэчылі²³. Ужо ў першых чыслах сакавіка Войкаў даволі песімістычна ацэньваў перспектывы савецка-польскіх перамоў. Ён лічыў, што польскі ўрад, у якім Скшыньскі цяпер разам з пасадай міністра замежных спраў займаў і пост прэм'ер-міністра, не пойдзе на адмаўленне ад сваёй пастаяннай прыбалтыйскай і румынскай лініі. Скшыньскі пастаянна пацвярджаў, што ён стаіць на пазіцыі агульнага дагавору СССР з Польшчай і прыбалтыйскімі краінамі. Заставалася нявызначанай і савецкая пазіцыя. Член калегіі НКЗС Аралаў інфармаваў Войкава 9 сакавіка, што напярэдадні на калегіі было прынята рашэнне: "а) ...катэгарычна заявіць палякам, што якое б то ні было фіксаванне інтарэсаў Польшчы ў Прыбалтыцы не можа быць базай для перамоў... б) неабходна цяпер жа заявіць палякам, што да выпрацоўкі той ці іншай базы палітычнага пагаднення перамовы аб гандлёвым дагаворы з'яўляюцца заўчаснымі"²⁴. Пры канцы сакавіка пад

упливам няўдач польскай дыпламатыі на сесіі Лігі Нацый у польскай пазіцыі на перамовах з СССР акрэслілі некаторыя змены. У час сустрэчы з Войкавым 29 сакавіка Скшыньскі заявіў, што Польшча не настойвае на ўдзеле прыбалтыйскіх дзяржаў у перамовах, але ў савецка-польскім дагаворы неабходна будзе зрабіць заяву адносна гарантый граніц у Прыбалтыцы²⁵. Аднак гэтай уступкі аказалася недастаткова, каб вывесці перамовы з тупіка.

Неабходна адзначыць, што на развіццё савецка-польскіх перамоў у пачатку 1926 г. самым актыўным чынам упываў германскі фактар. У Берліне крайне негатыўна аднесліся да магчымасці заключэння савецка-польскага дагавору і ўважліва сачылі за ходам перамоў. Германскі пасол у Маскве Бракдорф-Ранцау 4 сакавіка сустрэўся з Чычэрыным і атрымаў ад яго запэўненне, што СССР не мае намеру гарантаваць польскую заходнюю граніцу. Штрэзэману гэтага здалося недастаткова, і ён даручыў Бракдорф-Ранцау зноў сустрэцца з Чычэрыным і заявіць, што Германія не падпіша дагавор з СССР, калі ён заключыць які-небудзь дагавор з Польшчай²⁶. Савецкі Саюз быў зацікаўлены перш за ўсё ў пагадненні з Германіяй, а савецка-польскія перамовы знаходзіліся ў падначаленым стане ў адносінах да савецка-германскіх, якія вяліся паралельна. 24 красавіка ў Берліне быў падпісаны савецка-германскі дагавор аб ненападзе і нейтралітэце. Гэтая падзея зрабіла моцнае ўражанне ў Польшчы. Войкаў паведамляў 26 красавіка, што "гэты дагавор у адносінах да Польшчы з'яўляецца фактарам, моцна адкідваючым усялякую магчымасць вядзення перамоў"²⁷. Савецка-польскія перамовы былі зноў перарваны. Прыход да ўлады Пілсудскага ў маі 1926 г. зрабіў заключэнне ў бліжэйшы час савецка-польскага дагавору аб ненападзе яшчэ больш праблематычным.

Спробы заключыць дагавор аб ненападзе паміж СССР і Польшчай у 1924–1926 гг. аказаліся безвыніковымі. Імкненне Варшавы ў дагаворы з СССР падкрэсліць свае інтарэсы ў Прыбалтыцы, увязка яго з гарантыяй савецка-румынскай граніцы былі для СССР абсалютна непрыемнымі. Пазіцыя Масквы таксама не спрыяла прагрэсу на перамовах. Яе спробы правесці рэвізію Рыжскага дагавору выклікалі крайне негатыўную рэакцыю ў Польшчы. Савецкі ўрад аддаваў прыярытэт развіццю адносін з Германіяй і лічыў немагчымым заключэнне савецка-польскага пагаднення раней савецка-германскага. СССР і Польшча падыходзілі з прынцыпова розных пазіцый да важнейшых міжнародных праблем таго часу, што практычна выключала магчымасць грунтоўнай і доўгатэрміновай нармалізацыі адносін паміж дзвюма краінамі.

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП). Ф.04, оп.32, д.52595, л.5.

² Там жа. Д.52604, л.5.

³ Гл.: Известия. 1924. 25 мая.

⁴ АВП. Ф.04, оп.32, д.52596. Т.2, л.33.

⁵ Там жа. Л.64, 67–68.

⁶ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1974. Т.4. С.321.

⁷ Там жа. С.344.

⁸ Известия. 1924. 19 окт.

⁹ АВП. Ф.04, оп.32, д.52670, л.1–4.

¹⁰ Гл.: ДВП СССР. Т.8. С.71, 105, 112.

¹¹ Документы и материалы... С.371, 376, 378.

¹² АВП. Ф.04, оп.32, д., 52667, л.135.

¹³ Гл.: Stresemann G. Vermachtnis. В.1–3. Berlin, 1932. В.2. S.516.

¹⁴ АВП. Ф.04, оп.32, д.52673, л.1–3.

¹⁵ Известия. 1925. 10 сент.

¹⁶ АВП. Ф.04, оп.32, д.52668, л.32; д.52673, л.7.

¹⁷ Там жа. Д.52672, л.54.

¹⁸ Там жа. Ф.04, оп.32, д.52668, л.67.

¹⁹ ДВП СССР. Т.8. С. 674.

²⁰ Гл.: АВП. Ф.04, оп.32, д.52668, л.118.

²¹ ДВП СССР. Т.9. С.58.

²² АВП. Ф.04, оп.32, д.55672, л.7.

²³ Гл.: Документы и материалы... С.462.

²⁴ Гл.: АВП. Ф.04, оп.32, д.52667, л.12, 13; д.52672, л.24.

²⁵ Документы и материалы... С.481, 482.

²⁶ Гл.: Lopatnik S. // Zdziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. Warszawa, 1965.

T.1. S.70.

²⁷ АВП. Ф.04, оп.32, д.52688, л.6.

БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС 90-х ГОДОВ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СООБЩЕСТВО

После распада Османской империи Балканы получили в наследство мусульманское население, до сих пор используемое Турцией для реализации своих великодержавных целей на полуострове, в котором она видит своеобразный плацдарм для вторжения в Европу и поэтому стремится установить над ним контроль.

Мусульманское меньшинство всегда было основным средством нажима турецкой дипломатии на Болгарию и Грецию. Культивацию турецкого национального самосознания среди мусульман за рубежом, и прежде всего на Балканах, Турция использует для привлечения внимания международной общественности и исламских держав к проблемам этого населения, объявляя себя защитницей его прав. На основе исламской догмы "в исламе нет народностей" происходит идентификация религиозного и этнического самосознания. Мусульмане на Балканах (исключая боснийцев), как правило, считают себя турками, а Турцию своей родиной. Этим можно объяснить и, казалось бы, парадоксальное заявление покойного Тургута Озала об исторической ответственности Турции за Балканы, так как она владела ими более 500 лет¹.

Большое влияние на формирование турецкого национального самосознания у мусульманского меньшинства Балкан и усиление здесь протурецких тенденций оказывает пропагандистская деятельность, проводимая с турецкой территории. К этому надо добавить и активную деятельность разных фондов и сект, насаждающих исламскую религиозную нетерпимость и турецкую ориентацию. Отметим среди них "Интернешэнл исламик Рилиф", "Менар", фонд "Ал Уакф ел Ислями". Бурную деятельность также развивает организация "Братья-мусульмане". Созданная в 1928 г. египетскими фундаменталистами, она стремится содействовать установлению мирового господства ислама, навязывая его не только как религию, но и как политическую и культурную систему (исламский фашизм)².

Как известно, в настоящее время Западная Европа разрабатывает проект о коллективных правах этноконфессиональных меньшинств на Балканах, игнорируя исторически утвердившиеся принципы и постулаты о том, что права могут быть только индивидуальными. В этом усматривается двойная игра Европы: арабское меньшинство во Франции или турецкое меньшинство в Германии не имеют коллективных прав, но для Балкан это возможно. Европа как бы не понимает, что она должна воспринимать Балканы как часть своего геополитического пространства, а не какой-то экзотический уголок. Иначе самой Европе будет угрожать "балканизация" и даже вполне возможное превращение в азиатскую провинцию, если учесть, что исламские фундаменталисты поднимают голову среди арабских эмигрантов, проживающих в Европе.

Сегодня Европа стоит перед руинами того мира, который она создала. Именно Версальская система международных отношений породила нынешний балканский кризис. Творцы этой системы, руководствуясь своими глобальными геополитическими интересами, собрали в одной искусственно созданной державе (Югославия) разные этносы и народы с разными конфессиями. В ней перемешались православие, католицизм и ислам.

Драма Балкан, этого "проклятого двора" Европы (Иво Андрич), предопределена в известной степени столкновением двух социокультурных моделей — исламской и христианской³. Между тем просвещенная Европа постоянно демонстрирует непонимание балканских проблем и путает вероисповедания с этнической принадлежностью. Например, Веня Лапорт (корреспондент журнала "Поан") называет боснийских мусульман турками. Он пишет: "На азиатском берегу Босфора 40 000 турок боснийского происхождения ожидают с нетерпением новостей из Сараево"⁴. Но в Боснии турок нет и никогда не было. Как известно, боснийцы — это сербы, которые до османского нашествия были по вероисповеданию богомилами, а позже приняли ислам.

Другая причина, обостряющая балканский конфликт, — это бурный расцвет в Турции исламского фундаментализма, в свое время укрощенного Ататюрком. Но идеи Ататюрка уже забываются. Сегодня Турция проектирует свою территорию от Китайской стены до Адриатики.

Развитие событий в бывшей Югославии показывает, что Европейское сообщество вряд ли сумеет положить конец конфликту, поощряя активное вмешательство в эти дела Вашингтона. Решения Совета Безопасности ООН по этой проблеме принимаются скорее всего по инициативе США, а не европейских стран. Балканский кризис затягивается, что отнюдь не способствует интеграционному процессу в Европе.

Запад все больше возмущается сербским национализмом и оплакивает мусульман. Грецию, Румынию и Россию упрекают в том, что они нарушают эмбарго, объявленное против Сербии. Но почему не упрекают Турцию или Саудовскую Аравию, которые активно поддерживают боснийских мусульман? Видимо, прекращение войны не является целью политики западных держав. Похоже, им требуется сохранение Балкан как горячей точки. Вечно взрывоопасные Балканы в тылу объединенной Европы — самый выгодный вариант для США⁵. Такое положение выгодно и для их “правой руки” в этом регионе — Турции, так как полуостров легко может превратиться в “коридор” нового турецкого “нашествия” (экономического и культурного) в Европу. Балканский кризис выгоден и международной мафии, которая провозит 40% наркотиков через Турцию. Россия тоже имеет свои интересы на Балканах, но она уже не представляет силы, с которой необходимо считаться.

События в бывшей Югославии показали, что однополюсная модель разрешения конфликта под эгидой США неэффективна и надо искать другие способы. Великобритания и Франция не в восторге от идеи о военном вмешательстве НАТО в югославский конфликт. Турция же как член НАТО, имеющий свою прямую заинтересованность в конфликте, поддерживает эту идею. Турция прекрасно осознает, что война в Боснии отвлекает международную общественность от курдской проблемы, которую она пытается решить с помощью оружия. Таким образом, каждая из сторон отстаивает на Балканах свои геополитические интересы, что, естественно, подрывает их взаимное доверие и однонаправленность действий. Турция, в частности, активно стремится утвердить свое лидерство на Балканах, провозглашая себя европейским государством, но стремясь сохранить при этом свои азиатские обычаи. Обвиняя в геноциде Болгарию и Грецию, эта страна сама использует вооруженные силы для уничтожения курдских женщин, детей и стариков только за то, что они не хотят быть “горными турками”. Выступая за создание сильной боснийской исламской державы, она в то же время не предоставляет курдам права на государственную самостоятельность. Вторгшись на Кипр и оккупировав 40% территории острова, Турция не признает никаких международных документов ООН, членом которой она является.

Ни объединенная Европа, ни США или ООН, а только Сербия и сербы в Боснии могут предотвратить создание первой исламской державы на старом континенте. Если войну выиграют мусульмане в Боснии, последуют атаки албанцев в Македонии, мусульман в Греции и Болгарии. Это нанесет существенный урон православию, славянству, да и всей Европе.

¹ См.: Зора. 1993. №8. С.5.

² См.: Дики К. // Там же. 1994. №5. С.7.

³ См.: Начев В. // Там же. 1993. №8. С.7.

⁴ Станилов Ст. // Там же. 1995. №9. С.3.

⁵ См.: Национални проблеми на Балканите: История и съвременност. София, 1993. С.46.

А.В. ДОРОГЕНСКИЙ

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В практике применения системной методологии для изучения общественных проблем обычно выделяют следующие подсистемы: 1) технологии производственные, политические, образовательно-коммуникационные, культурные, военные и т.д., с помощью которых осуществляется внешнее взаимодействие с природной и социально-культурной средой и внутренний контакт субъектов социального взаимодействия; 2) культура как специфический, присущий социальной системе способ производства, накопления и трансляции информации, необходимой для управления системой; 3) сфера деятельности, "поле" экономической, социальной, политической активности, на котором осуществляется взаимодействие и взаимоскорреляция технологии и культуры.

В зависимости от того, какой аспект социальной системы подвергается исследованию, выделенные характеристики определенным образом интерпретируются с возможной акцентуацией в пользу одной или нескольких подсистем. Выделение цивилизационного подхода как особой методологии изучения исторического процесса требует экспликации в названных подсистемах общества однопорядковых понятий и категорий, обеспечивающих установление и интерпретацию закономерностей развития сложных систем применительно к понятию "цивилизация".

Проблема культурного компонента цивилизационной реальности в различных вариантах рассматривалась всеми авторами, разработавшими цивилизационную проблематику. Методологически важной является трактовка культурного компонента как системы ценностей и мировоззренческих ориентиров, составляющих "своего рода "культурную матрицу", нечто вроде генома культуры, который обеспечивает воспроизводство и развитие социальной жизни на определенных основаниях. Эта матрица выражена пониманиями того, что есть человек, природа, пространство и время, космос, мысль, человеческая деятельность, власть и господство, совесть, честь, труд и т.п. В этих категориальных смыслах выражена предельно общая система мировоззренческих ориентаций, которая определяет человеческую жизнедеятельность в рамках определенного типа цивилизационного развития"¹.

Особенно ценным представляется указание на иерархическое строение системы универсалий культуры. В данной иерархии низший уровень раскрывает и детализирует содержание универсалий высшего уровня. В рамках цивилизационного подхода особый акцент делается на ту область универсалий культуры, которую условно можно определить как "категории практической деятельности" и "категории массового сознания". Вся совокупность категорий данного типа, содержание которых опосредует мироощущение и жизнедеятельность индивида, располагается по шкале "смыслы—ценности—интересы—цели". Содержание категорий высшего уровня можно представить как некие максимы, императивы, которые определяют структуру категорий нижележащего уровня. Представление об иерархии "культурной матрицы" как многоуровневой системе открывает большие возможности для установления корреляции процессов цивилиза-

ционного развития на заданном уровне рассмотрения и процессов динамики смыслового содержания универсалий культуры на разных уровнях иерархии.

Преимущества приведенной модели культурной составляющей становятся очевидными при попытке выделения пространственно-временной структуры цивилизационной реальности. Такая постановка проблемы вытекает из самой логики нашего анализа, так как раскрытие содержания "технологической" составляющей социальной системы применительно к цивилизации означает выделение структурных элементов, в рамках которых становится возможным анализ технолого-преобразовательного взаимодействия субъектов цивилизационной системы и взаимодействия системы со средой. Иными словами, необходимо эксплицировать понятие "первокирпичик" цивилизационной реальности. Поскольку технологическая подсистема общества трактуется предельно широко как совокупность стереотипов производственно-технического, экономического, политического поведения, искомое понятие не может выделяться на основании какого-либо одного фактора, что привело бы к заведомо односторонней трактовке цивилизационного развития. Объединяя всю совокупность стереотипов в понятие "традиция", назовем искомое структурное подразделение цивилизационного комплекса "традиционно-культурным регионом", основной проекцией которого является "хозяйственно-технологический тип". Таким образом, цивилизационная реальность представляет собой иерархию традиционно-культурных регионов (ТКР).

Устойчиво выделяются четыре уровня традиционно-культурных регионов. Конституирование ТКР **на микроуровне** осуществляется с помощью ландшафтных характеристик, определяющих род занятий и характер производственной технологии. В специальной литературе ТКР данного уровня более всего соответствует понятие "хозяйственно-культурный тип".

ТКР **мезоуровня** выделяются чаще всего на основе этносоциальных характеристик, но они не могут однозначно отождествляться с этносами. Основным мотивом интеграции традиционно-культурной общности на мезоуровне является, во-первых, обеспечение стабильного воспроизводства традиционно-культурной общности на микроуровне, и, во-вторых, связанное с этим обеспечение относительной самодостаточности региона во взаимодействии с подобными образованиями. В зависимости от специфики генезиса той или иной цивилизации ТКР мезоуровня могут конституироваться как отдельные социально-политические организмы (Шумер, Эллада, Западная Европа), либо государственное оформление может отсутствовать в период стабильного развития (Др. Египет, Др. Рим, Индия, Китай).

При выделении ТКР **на макроуровне** привлекаются в основном масштабные климатическо-географические факторы. Реальность существования данного уровня в иерархии ТКР можно проследить на примере процессов Реформации и Контрреформации в европейском Средиземноморье, Средней и Северной Европе, при сравнении этнопсихологической и социально-политической структуры на русском Севере (Поморье), в Сибири, средней и южной полосе России и т.д.

Традиционно-культурный регион **на мегауровне** и есть, собственно, цивилизация в наиболее часто употребляемом значении этого слова, единство и целостность которого обеспечивается одинаковым содержанием фундаментальных ценностей и норм жизнедеятельности индивидов.

Данное представление об иерархии ТКР переключается с выделением Ю.В. Бромлеем трех таксономических уровней цивилизации², а также с классификацией П. Уэскотта, устанавливающей наличие пяти уровней: глобального (мирового), континентального, национального, регионального, локального³.

Представление о цивилизации как системе с иерархической структурой культурной матрицы, с одной стороны, и традиционно-культурных регионов — с другой, позволяет нам приблизиться к интерпретации закономерностей развития сложных социокультурных систем применительно к данному аналитическому плану общественно-исторической реальности. Первым шагом в решении данной проблемы является установление корреляции между процессами технологи-

ческих, социально-экономических, политических и т.д. трансформаций в ТКР данного уровня и изменением содержания основных мировоззренческих категорий, появлением новых и трансформацией старых универсалий на разных уровнях культурной матрицы.

Можно предположить, что интеграция ТКР разного уровня в культурном плане происходит через актуализацию содержания мировоззренческих категорий на соответствующем уровне культурной матрицы. Интеграция цивилизации на мегауровне обеспечивается наличием во всех частях цивилизационного пространства единых фундаментальных “смысловых” категорий культуры и принципиальным сходством их содержания. Дифференциация ТКР на микроуровне опосредована различиями в содержании “целевых” категорий, фундирующих непосредственную практическую деятельность и коммуникацию индивидов. Между этими двумя граничными пунктами цивилизационной реальности располагается вся шкала категориально-культурного и традиционно-культурного соответствия. Восхождение по лестнице иерархии ТКР опосредуется усилением содержательно-смыслового единства универсалий культуры в направлении фундаментального уровня культурной матрицы, выраженного в категориях “мир” и “человек”⁴. Анализ цивилизационного развития на определенном уровне иерархии ТКР сосредоточивает внимание на динамике содержания категорий культуры на соответствующем уровне иерархии культурной матрицы, поскольку именно содержание данных категорий существенно важно для интеграции традиционно-культурной общности рассматриваемого уровня, взаимодействия и коммуникации всех ее подсистем.

Эвристические возможности предложенной модели цивилизационной реальности достаточно велики. С позиций цивилизационного подхода как метода сравнительно-исторического исследования видна принципиальная невозможность создания окончательной инвариантной “цивилизационной картины” исторического процесса. Попытки выделения “мировых” цивилизаций в диахронии никогда не приводили к консенсусу. Более того, представление о цивилизации как многоуровневой системе делает проблематичным оформление цивилизационной “картины мира” даже в синхронном срезе, поскольку возможны исторические ситуации, когда некое цивилизационное образование выделяется как таковое по отношению к другому, но по отношению к третьему оба предыдущих будут являться подсистемами более широкой цивилизационной целостности. Применение данной модели акцентирует внимание на особенностях цивилизации как динамичного образования, установление границ которого в тот или иной исторический период возможно лишь с привлечением внешних характеристик, через взаимодействие с иными цивилизационными комплексами. Внешняя культурно-географическая, пространственная динамика цивилизаций сосредоточивает внимание исследователя на механизмах культурной диффузии и роли межцивилизационных регионов в процессах социокультурного развития. Динамика внутреннего состояния цивилизации (“христианский мир” — “цивилизация Запада” — “индустриальное общество”) нацеливает на пристальное изучение взаимосвязи процессов технологических трансформаций и динамики содержания категорий культуры на разных уровнях ее матрицы.

Предлагаемая модель цивилизационной реальности приемлема для раскрытия механизмов развития цивилизаций как сложных самоорганизующихся систем, поскольку такие фундаментальные понятия системно-кибернетической парадигмы, как “среда”, “связь”, “система”, “структура”, “внутренняя модель внешнего мира” и др., находят свои соответствия в понятиях и подразделениях цивилизационной целостности.

Проводя аналогию между содержанием категорий культуры на разных уровнях цивилизационной иерархии и “внутренней моделью внешнего мира”⁵, или “тезаурусом” системы⁶, признавая понятие социальной энергии в качестве основного параметра социокультурной системы⁷, можно утверждать, что направлением самоорганизации цивилизационной системы является оптимальное соотношение между: 1) характеристиками состояния окружающей природной

и социокультурной среды и динамикой их изменения, 2) балансом потенциалов производимой и потребляемой социальной энергии (величиной свободной социальной энергии случайных связей) и 3) разрешающей способностью культурной матрицы, определяющей возможность трансформации поведенческих стереотипов в изменяющихся условиях⁸. В системологии данным определениям соответствует понятие коэффициента стохастичности среды (отношение энтропии случайных связей и структурной информации детерминированных связей), социальной системы и культурной матрицы. Величина коэффициента стохастичности всех трех подсистем должна быть примерно одинакова, что является главным условием эффективной адаптации системы, стабильного ее развития и усложнения⁹.

Содержание процесса цивилизационного развития состоит в том, что деятельная природа человека и общества, обуславливая постоянное изменение реальности, детерминирует трансформацию содержания основных категорий культуры. У Э.С. Маркаряна данный процесс рассматривается через призму “закона кумуляции деструктивных эффектов в системе в процессах ее взаимодействия со средой”¹⁰. Содержание универсалий культуры, обеспечивающих практическую деятельность индивидов, постепенно перестает соответствовать состоянию социальной системы и условиям окружающей среды. Изменение же этого содержания в определенных масштабах требует корректировки содержания комплекса категорий культуры, являющегося базовым по отношению к “первичным” универсалиям, что, в свою очередь, создает принципиальную возможность трансляции новых смылосодержаний на более высоком уровне иерархии традиционно-культурных регионов. Таким нам видится приближительный механизм цивилизационной динамики в пространственном аспекте.

Во временном аспекте определенную трактовку получает представление о цивилизационном развитии как чередовании инновационных циклов обновления¹¹. В соответствии с данной моделью инновационные циклы ранжируются в зависимости от того, какой уровень цивилизационной структуры подвергается масштабным изменениям в сфере социальной активности и содержании категорий культуры. Каждый вид цивилизационных циклов обновления характеризуется своим временным масштабом и частотой воспроизводства. В рамках данного видения цивилизационной динамики появляется возможность по-новому взглянуть на проблему времени “большой длительности”, поставленную новой исторической наукой и школой “Анналов”.

Представляется, что данную модель социокультурной динамики цивилизаций можно эффективно использовать в качестве инструмента историко-философского исследования, а также для прикладного анализа процессов культурно-технологической модернизации регионов и, прежде всего, нашей республики.

¹ Стёпин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994. С.4.

² См.: Социология и проблемы социального развития. М., 1978. С.280.

³ См.: Новая и новейшая история. М., 1991. №1. С.209.

⁴ Стёпин В.С., Кузнецова Л.Ф. Указ. соч. С.18.

⁵ См.: Петрушенко Л.А. Принцип обратной связи. М., 1967; Пушкин В.Г. Кибернетические принципы самоорганизации. Л., 1974.

⁶ См.: Дружинин В.В., Конторов Д.С. Проблемы системологии. М., 1976.

⁷ См.: Сорокин П. // Вестн. Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 1993. С.81–82.

⁸ См.: Седов Е.А. Эволюция и информация. М., 1976; Он же // Информация и управление. М., 1985.

⁹ Седов Е.А. // Информация и управление. С.176.

¹⁰ Маркарян Э.С. // Советская этнография. 1981. №2. С.88.

¹¹ См.: Назаретян А.П. Интеллект во Вселенной: очерки междисциплинарной теории прогресса. М., 1991. С.132; Ракитов А.И. // Вопросы философии. 1994. №4. С.22; Стёпин В.С., Кузнецова Л.Ф. Указ. соч. С.4.

Паліталогія Сацыялогія

Д.Г. БЕЛОБРОДСКИЙ

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТОТАЛИТАРИЗМА

В научной литературе существуют различные концепции времени появления и истоков тоталитаризма. Одни (например, Н.Бердяев, Б.Мур, К.Поппер) полагают, что тоталитарные режимы существовали во все времена. Другие же, чья точка зрения нам кажется более предпочтительной (Х.Арендт, З.Бжезинский, Х. Ортега-и-Гассет, Ф.Хайек и др.), генезис тоталитаризма относят к Новому времени. К идейным "основоположникам" тоталитаризма также причисляют мыслителей совершенно различных времен и направлений: Платона, Руссо, социалистов-утопистов, Робеспьера, Гегеля, Ницше, Маркса, Вебера и многих других. К примеру, Ф.Хайек пишет, что "двумя наиболее влиятельными предтечами идей национал-социализма были шотландец Томас Карлейль и англичанин Хьюстон Стюарт Чемберлен"¹. К теоретикам тоталитаризма он относит также О.Конта, Ж. Сореля, И.Фихте, Ф.Лассалья, О.Шпенглера и др. Н.Бердяев в качестве предтеч тоталитаризма (коммунизма) называл В.Белинского, Д.Писарева, А.Нечаева и даже действия Петра I он определял как "совершенно большевистские"².

Нам представляется, что было бы неправомерным преувеличивать роль теоретических концепций или возлагать вину за возникновение тоталитарных режимов на те или иные научные направления и школы. Марксизм, безусловно, прав, утверждая, что, с одной стороны, "теория становится материальной силой, как только она овладевает массами", и, с другой стороны, "идея" неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от "интереса"³. Конечно, "тотальные" концепции существовали почти всегда, но для того, чтобы они стали мировоззрением тоталитарных движений, овладели массами, пусть в упрощенно-лозунговой форме, необходимы объективные условия, к которым можно отнести: глубину кризиса (уровень нищеты масс, соотношения сил социальных групп и т.д.), т.е. необходимо, чтобы кризис вынуждал людей принимать радикальные концепции, причем таких людей должно быть достаточно много; готовность масс принять тоталитарную систему ценностей, признание ими ее как легитимирующей их стремления и желания; приемлемость концепции для данного конкретного общества (например, в многонациональной России начала XX в. практически не было шансов принятия массами тоталитарной концепции, базирующейся на национализме); неспособность традиционных ценностей (социальных, культурных, религиозных) удержать массы от стремления к радикальным изменениям политического строя; наличие политических институтов (в т.ч. партий), способных организовать, объединить и направить массы, вести пропаганду и агитацию за новую систему ценностей.

Каковы же характерные черты тоталитарного общества?

В стране устанавливается режим насильственной (не ограниченной правом) власти единоличного правителя или правящей группировки. Существенно, что действия властей не подконтрольны обществу, личность лишена правовых гарантий безопасности, население страны превращается в объект политических манипуляций. Власть держится на неприкрытом насилии и постоянной возможности его непосредственного применения против всех неугодных. Формально

объявленные конституционные права и демократические свободы носят декларативный характер.

Происходит поглощение государством гражданского общества, государство пронизывает все сферы социальной (в т.ч. и личной) жизни. Общество подвергается не только тотальному контролю со стороны власти, но и является руководимым ею. Тоталитарное общество — это массовое общество, лишённое традиционных структур, в котором господствуют коллективные, коммунальные формы жизни.

В сфере идеологии и общественной психологии господствуют иррационализм и фанатичная вера, иерархическая структура ценностных ориентаций, производство непрерывная доктринальная обработка сознания.

Наиболее существенным отличием тоталитаризма от любых других форм авторитарных режимов является то обстоятельство, что тоталитаризм вовсе не является результатом навязывания народу власти кучкой авантюристов, но имеет массовую социальную базу, широкую народную поддержку. Э.Фромм отмечал: "Еще одна общепринятая иллюзия — быть может, самая опасная из всех — состояла в убеждении, что люди вроде Гитлера якобы захватили власть над государственным аппаратом лишь при помощи вероломства и мошенничества, что они и их подручные правят, опираясь на одно лишь грубое насилие, а весь народ является беспомощной жертвой предательства и террора. За годы, прошедшие со времени победы фашистских режимов, ошибочность этих точек зрения стала очевидной. Нам пришлось признать, что в Германии миллионы людей отказались от своей свободы с таким же пылом, с каким их отцы боролись за нее; что они не стремились к свободе, а искали способ от нее избавиться; что другие миллионы были при этом безразличны и не считали, что за свободу стоит бороться и умирать."⁴

Легитимность тоталитарного режима подавляющим большинством населения страны не подвергается сомнению. Структуры власти и народ едины. Народ искренне верит, что власть действительно представляет его интересы. В отличие, например, от авторитаризма тоталитаризм устанавливается при самом активном участии народных масс. Именно вследствие массовой поддержки тоталитаризм в политологической и историографической литературе иногда называют "диктатурой массовых движений".

Следует отметить, что тоталитаризм в "чистом" виде существует лишь в период становления. Впоследствии в соответствии с "железным законом олигархических тенденций" Р.Михельса верхушка, бывшая вначале, несомненно, ставленницей массового движения, постепенно отрывается от него, а потом вообще отчуждается и начинает противостоять ему⁵, т.е. тоталитаризм неизбежно перерождается в авторитарную диктатуру.

Только в тоталитарном государстве (и, отчасти, в средневековых деспотиях — но принципиально на иной основе) возможен культ вождя. Практически все свои действия вождь пытается обосновать ссылками на одобрение и согласие народа. Причем это не обязательно лицемерие. Как известно, Гитлер неоднократно проводил референдумы, нисколько не сомневаясь в своей победе, и, как правило, оказывался прав.

Вождь постоянно подчеркивает свою близость с народом, воспринимает себя как его часть. Да и народ воспринимает его так же. Поэтому враг вождя рассматривается как враг народа. Г.Тард справедливо отмечал: "Когда толпа любит своего вождя... она любит себя"⁶.

Как уже говорилось, при тоталитаризме (как и при деспотии) все социальные сферы регулируются государством определенными нормами и правилами. Однако характер этого централизованного регулирования принципиально отличный. Если при деспотии эти нормы рассматриваются как дарованные Богом (в т.ч. и для самого деспота), то при тоталитаризме они воспринимаются как созданные самими людьми. Что можно и что нельзя — формально определяет народ, а на практике — вождь, вследствие чего все нормы и законы могут быть изменены или даже отменены вообще.

В тоталитарном государстве, вследствие предельной политизации и идеологизации всей жизнедеятельности людей, они не могут оставаться в стороне от

политической жизни, да и сам политический режим непрерывно пытается держать людей в политической напряженности. Аполитизм человека рассматривается как большое зло. С.Липсет объясняет это так: "Тоталитарный лидер хочет, чтобы его последователи посещали митинги, читали политическую литературу, слушали передачи и вовлекались в другие подобные действия, т.к. они, с его точки зрения, являются средствами индоктринации людей. Если граждане не являются политически активными, они остаются в стороне от контролирующей власти. Некоторые тоталитарные государства предпринимали широкомасштабные мероприятия по преодолению безграмотности с явной целью увеличить вероятность того, что граждане будут впитывать предписываемую идеологию".⁷

Есть еще одно специфическое отличие тоталитаризма от авторитаризма Нового времени и деспотии — по характеру контроля над обществом. В деспотическом и авторитарном государствах функции контроля выполняют только специализированные институты, а при тоталитаризме эти функции возлагаются и на каждого гражданина. Конечно, существуют специальные институты контроля, но они воспринимаются не как органы политического режима, а как инструмент самого народа, выполняющий его волю.

Тоталитарное общество формально не разделено на "контролеров" и "контролируемых". Все считают себя "контролерами", "сознательными", а других "контролируемыми", "несознательными", вследствие чего предполагается, что долг каждого гражданина — сообщить о проявлении "несознательности". При этом никто не считает себя тайным агентом контролирующих органов, но рассматривает себя лишь как слугу народа, борющегося против его врагов. А.Солженицин в "Архипелаге ГУЛАГ" хорошо показал, как люди долго не могли осознать, что наконец-то пришли и за ними, хотя арестовывали сплошь и рядом, и как долго они надеялись, что это всего лишь ошибка и скоро их отпустят.

Таковы вкратце основные особенности тоталитаризма. Следует отметить, что существуют также специфические политические режимы, которые по формальным признакам можно причислить и к тоталитарным, и к авторитарным. Такие политические режимы условно можно назвать квазитоталитарными, однако тоталитарной здесь является лишь форма (отсутствие гражданского общества, наличие тотального контроля и т.д.). Однако по существу они таковыми не являются, ибо народ не воспринимает власть как "свою", производную от себя. Здесь отсутствует главная характеристика — всеобщая вовлеченность населения в функционирование институтов политической власти, налицо политическая пассивность народа. Такие (квазитоталитарные) режимы формируются, главным образом, не снизу вверх, как классические тоталитарные режимы, а сверху вниз. Иначе говоря, эти режимы являются не столько производной массового движения, сколько тотализацией политических институтов и их навязыванием народу. Поэтому квазитоталитарные режимы представляют собой как бы искусственно созданные марионеточные режимы, существующие только благодаря поддержке извне. Конечно, было бы ошибкой утверждать, что у них вообще нет социальной базы (в посттрадиционном обществе всегда имеется потенциал тоталитаризма), но она не настолько широка, чтобы стать опорой политического режима. Именно к квазитоталитарным можно отнести все существующие до недавнего времени восточноевропейские режимы.

Но характеристика тоталитарного режима, на наш взгляд, не будет полной, если не попытаться сделать сравнительный анализ его с режимом авторитарным. Как отмечает П.Бергер, "сегодня практически никто не отвергает деление недемократических режимов в современном мире на два вполне разных типа — тоталитарный и авторитарный."⁸ Однако эти режимы имеют ряд общих моментов. Назовем наиболее характерные из них: власть сосредоточена в руках правящей верхушки, принцип разделения властей игнорируется; не работает принцип выборности властных органов, хотя формально выборы могут и проводиться; в деятельности государственных органов преобладают методы подавления, пресечения, репрессий и исключены из практики методы либерализма, сдерживания, достижения компромиссов; политические противники режима подвергаются преследованиям и репрессиям; права и свободы граждан обозначены лишь формально, при этом они значительно урезаны и ничем не гарантированы; средства

массовой информации подконтрольны властям, существует официальная или скрытая цензура; права меньшинства ничем не защищены.

Однако эти общие моменты охватывают в основном чисто внешние признаки, не касаясь сущностных характеристик. Поэтому представляется необходимым четко обозначить существенные различия тоталитаризма и авторитаризма.

При авторитарном режиме власть не имеет "тоталитарных амбиций", жизнь общества не регламентируется и не контролируется столь изоощренно. Если гражданин не идет на прямую конфронтацию с властью, то для него существует некоторая свобода поведения.⁹ При авторитаризме гражданам разрешено все, кроме политики. Другими словами, авторитаризм допускает существование и функционирование узкой сферы гражданского общества, свободной от тотальной регламентации со стороны государства.

Уникальной особенностью тоталитаризма является культ личности вождя. Диктатор-вождь никак не зависит от правящей элиты, формирует ее сам, руководствуясь при этом определенными принципами кадровой политики, чтобы избежать заговоров и дворцовых переворотов. При авторитаризме власть может быть персонализирована или осуществляться группой лиц, в которой диктатор является "первым среди равных", но при этом не обладает ни всемогуществом, ни всевластием. При авторитарном режиме диктатор может быть смещен со своего поста в результате борьбы за власть в верхнем эшелоне политической элиты. При тоталитаризме вождь совершенно независим от нее.

Авторитаризм — это режим ограниченного плюрализма. Хотя и в урезанном виде, но в авторитарных государствах допускаются оппозиция и диссидентство. Тоталитаризм не приемлет никакой оппозиции, стремится к ее физическому уничтожению.

Авторитарные государства не насаждают единую официальную идеологию и чаще всего основаны на размытой концепции национального интереса. Диктатор не стремится оправдать свои политические решения высокими стремлениями изменить мир и достичь "светлого будущего" или рая на земле. Традиционные авторитарные государства по своему характеру "патерналистичны": царь (вождь) управляет народом как единой семьей — власть дана ему либо от Бога, либо он получил ее как спаситель народа от какой-либо катастрофы (будь то экономический кризис, голод, гражданская война, интервенция и пр.). Авторитарную форму правления можно назвать прагматической диктатурой в отличие от тоталитарной идеократической диктатуры. Тоталитарную диктатуру можно также назвать мобилизационной: для нее характерна идеологическая мобилизация всего населения на выполнение поставленных властью задач во имя высшей цели. Тоталитаризм требует активности от каждого члена общества, решительной поддержки политического режима и его идеологии, явной демонстрации всенародной любви к вождю и ненависти к его врагам, он не терпит пассивности, апатии и равнодушия. Авторитаризм в этом отношении гораздо более либерален.

Авторитарные режимы могут быть (хотя и не обязательно) репрессивными. При этом в некоторых государствах может практиковаться систематическое насилие (франкизм начального периода, гватемальская диктатура). Но в авторитарных государствах репрессии не бывают массовыми, как при тоталитаризме.

Армия (или национальная гвардия) может играть при авторитарном режиме самостоятельную роль или даже свергать диктатора. При тоталитаризме армия полностью подчинена вождю.

Наконец, авторитарный режим сохраняет некоторые элементы демократизма. Тоталитарный же исключает любые демократические проявления.

¹ Хайек Ф. А. // *Вопр. философии*. 1990. №10. С.116,117.

² Бердяев Н. А. *Истоки и смысл русского коммунизма*. М., 1990. С.12,34,46,52.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. *Соч.* Т.1. С.422; Т.2. С.89.

⁴ Фромм Э. *Бегство от свободы*. М., 1990. С.89.

⁵ См.: Михельс Р. // *Диалог*. 1990. №3. С.56.

⁶ Цит. по: Ашин Г. К. *Критика современных буржуазных концепций лидерства*. М., 1978. С.75.

⁷ Lipset S. M. *Political man: The social bases of politics*. New York, 1960. P.179.

⁸ Berger P. *The capitalist revolution: Fifty propositions about prosperity, equality and liberty*. Basic books, 1991. P.83,286.

⁹ Вятр Е. *Типология политических режимов: Лекции по политологии*. Т.1. Таллин, 1991. С.62.

Л.И. ШМЫГОВА

РОЛЬ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Эта проблема в столь конкретной формулировке еще не получила должного внимания в академических кругах и среди политиков. В современной экономической литературе в основном роль рынка ценных бумаг рассматривается во взаимосвязи финансового и экономического развития. В качестве основных составляющих финансового развития выделяются движение денежной массы, рост и аккумуляция сбережений, регулирование и движение инвестиций. Важное место в этом ряду отводится формированию институциональной структуры посредников в качестве показателя финансового развития экономики. На практике растущее несоответствие функций сбережения и инвестирования, значительный рост доли финансовых активов в реальных активах рассматриваются как необходимое условие роста экономики. Развитие финансового рынка является одним из основных условий экономического развития. Этот постулат сегодня хотя и не оспаривается, но требует теоретического осмысления. В развитии теоретической мысли здесь условно можно выделить два направления: первое — в русле традиционных подходов, кейнсианского и монетаристского, где произошло преодоление агрегированного подхода к определению финансовых активов, под которыми первоначально понимались только деньги. Движение долгосрочных финансовых инструментов (рынка капиталов) не рассматривалось как компонент финансового рынка. Второе направление сформировалось как реакция на проблемы развивающихся стран, где классические подходы к оценке роли финансового сектора в экономическом развитии оказались малопродуктивными, а методы регулирования экономики по этим схемам в условиях несовершенного, малоконкурентного рынка капиталов оказались неэффективными.

Классическая теория значительно внимание уделяла движению процентной ставки как основному индикатору финансового рынка. Неоклассики рассматривали долгосрочные изменения процентной ставки под влиянием движения инвестиций и сбережений. Кейнсианская теория предложила анализировать краткосрочные тенденции в движении процентной ставки на основе предпочтений ликвидности. Эта теория предлагала два основных канала ликвидности: деньги (включая банковские депозиты) как абсолютно ликвидные и облигации (бонды). Спрос на эти средства изменяется в зависимости от колебаний ставки процента: чем выше ставка, тем относительно ниже ее фиксированный процент по облигациям и соответственно цена облигаций. В отличие от классиков, считавших иррациональным держать деньги, так как они приносят минимальную прибыль или вообще не приносят ее, кейнсианцы считали этот акт совершенно рациональным, ибо в условиях ожидания повышения ставки процента наблюдаются потери капитала, инвестированного в облигации.

Теория рациональных ожиданий вводит в круг исследований курсовые стоимости ценных бумаг и их взаимоотношения с процентной ставкой, так как практика показала, что деньги и рынок капитала наиболее эффективно реагируют на потоки новой информации, которая, в свою очередь, влияет на процентную

ставку и курсовые цены. Как и всякая теория, теория рациональных ожиданий рассматривает идеальный случай — совершенно конкурентный рынок, одинаковый доступ всех экономических агентов к информации, незначительные информационные и транзакционные издержки и т.п. На практике же могут наблюдаться противоположные процессы: то, что выгодно для крупных и хорошо отлаженных рынков, например правительственных облигаций или акций, включенных в листинг, может оказаться неприемлемым для мелких, рискованных сегментов рынка (значительные затраты на сбор информации, иррациональные ожидания на рискованных операциях).

Ряд экономистов пытался разработать теорию финансового роста в условиях недостаточности развитого рынка капиталов, инфляционной спирали и неэффективной кредитной и фискальной политики государства. В этих условиях традиционные кейнсианские и монетаристские подходы в чистом виде не работали. Исследователи МакКиннон и Шоу¹, разрабатывая в основе своей противоположные теории финансового роста (в модели Шоу деньги нейтральны и рассматриваются только как средство платежа, у МакКиннона деньги играют активную роль), пришли к одинаковым выводам и соответственно рекомендациям в области экономической политики. Увеличение ставки по депозитам способствует росту реальных денежных запасов, постепенно усложняет финансовую структуру и может в результате способствовать экономическому росту, т.е. росту внутреннего валового продукта (ВВП) на душу населения по двум причинам: 1) улучшение качества инвестиций и 2) рост сбережений, позволяющий увеличивать объемы инвестиций. Оттолкнувшись от ряда общих условий, выделенных ими на основе анализа развивающихся стран, МакКиннон и Шоу детально разработали теорию финансовой репрессии, финансовой либерализации и углубления финансовой институциональной структуры. Установление потолочной ставки процента, жесткого валютного курса, прямых тарифов и квот, финансирование приоритетных отраслей в сочетании с инфляцией и картелизированной банковской структурой подавляют экономическое развитие, вызывают асимметричные потоки информации между экономическими агентами. Это, в свою очередь, делает сверхрисковыми какие-либо действия в указанных условиях. Финансовая либерализация на первых порах дает ощутимые преимущества по сравнению с “репрессией”, по крайней мере, стимулирует через плавающую ставку процента рост сбережений, которые впоследствии могут быть направлены на инвестирование в наиболее эффективные секторы экономики. Но эта теория, как считают сами ее создатели, не может считаться полной и совершенной без развития структуры посредников и рынка ценных бумаг. Их роль в теории сводится к двум основным функциям: эффективное распределение капитала и распределение риска ликвидности, производительности накопления между экономическими контрагентами в условиях финансовой либерализации. Она сама по себе, как подтвердила практика различных развивающихся стран, не может обеспечить эффективного выполнения этих функций.

Выделение рынка ценных бумаг для самостоятельного теоретического анализа позволило на основе классических теорий роста разработать модифицированные модели экономического развития с учетом основополагающих функций рынка ценных бумаг. Росс Левин строит модель, которая связывает финансовую систему, а именно рынок ценных бумаг, с постоянным общим ростом дохода на душу населения². Он основывается на эндогенной модели роста, в которой агенты принимают решения, определяющие постоянный уровень экономического роста, и на модели финансовой структуры, в которой финансовые контракты возникают как оптимальный результат или реакция на информационные и рискованные характеристики экономики. В модели риск ликвидности и производительности создают побудительные мотивы для формирования рынка ценных бумаг. А он, в свою очередь, влияет на экономический рост двумя способами. Первый включает эффективность фирмы и зависит от внешних эффектов в производстве “человеческого” капитала. РЦБ увеличивает эффективность фирм, ограничивая или исключая преждевременный отток капитала из фирмы, что увеличивает темп роста “человеческого” капитала и дохода на душу населения.

Второй способ, которым РЦБ может влиять на рост, — это увеличение доли ресурсов, предназначенных фирме. Увеличивая ликвидность инвестиций, сокращая производительный риск, совершенствуя эффективность деятельности фирм, РЦБ таким образом стимулирует инвестиции и, следовательно, производство “человеческого” капитала и экономического роста.

Любая из названных теорий заслуживает внимания хотя бы потому, что она пытается дать рекомендации в области экономической политики. Так, Р. Левин исследует влияние налоговой политики на потоки инвестиций. Именно от их величины в конечном счете зависит доход на душу населения и экономический рост в целом. В его модели изначально уровень сбережений фиксирован, а потому, по мнению исследователя, влияние подоходных налогов (налоги на зарплату и корпоративные налоги) на стимулирование экономического роста преувеличено. Может быть, замечает Р. Левин, это и не очень серьезный вывод, но он дает повод для дальнейшего анализа взаимоотношений РЦБ, экономического роста и политики. Кроме того, этот вывод соответствует заключению Всемирного банка о наличии положительной зависимости между эффективностью инвестиций и относительным размером финансовой системы и малой зависимостью между финансовыми рынками и уровнем сбережений.

Взаимосвязь рынка ценных бумаг и экономического роста рассматривается и в рамках теории эволюционного развития. П. Кумар и Дж. Цецекос строят свою модель, отталкиваясь от теории стадий Ростоу³. Основное концептуальное положение их теории состоит в том, что развитие финансового сектора является необходимым условием экономического роста. Хотя другие факторы (инвестирование, производственная активность, экспорт, отбор технологий и институциональное развитие) несомненно важны, но только финансовый рынок активизирует взаимоотношения между ними. Согласно теории, развитие финансового сектора и РЦБ необходимо для продвижения экономики на две последние стадии (из пяти): четвертая связана с развитием ведущих отраслей экономики и ростом спроса на инвестиции, происходящим одновременно с развитием банковского сектора и неофициального фондового рынка. В этих условиях появляется возможность улучшения положения финансовых посредников, развивается РЦБ для торговли инструментами экономических субъектов, параллельно снижается роль неофициального рынка. Пятая стадия предполагает замедление роста уже зрелого банковского сектора и резкое возрастание объемов сделок на вторичном РЦБ. Финансовые инновации в форме производных финансовых инструментов задают динамизм движению рынка ценных бумаг, а неофициальный рынок на этой стадии неизбежно отмирает. Эта теория подвергается критике по двум позициям. Во-первых, ряд экономистов считает такой подход непродуктивным, так как важно не описание, а способ (механизм) достижения экономического развития с помощью РЦБ; а во-вторых, подвергаются сомнению выводы, а именно: необходимость государственного стимулирования РЦБ, недоразвитие которого якобы связано с проблемой спроса на внутреннем рынке. На самом деле, считают они, низкий инвестиционный спрос на инструменты РЦБ в странах с “транзитной” экономикой связан, прежде всего, с политическим риском, что и определяет приоритеты в инвестировании: банковский сектор или РЦБ, вложения во внутреннюю экономику или в экономику других стран.

Как уже говорилось, все теории по этой проблеме имеют смысл в качестве основы для рекомендаций в области государственной политики, которая может способствовать реализации функций РЦБ или тормозить их. Кроме того, анализ возможностей РЦБ влиять на экономическое развитие ставит страны с “транзитной” экономикой перед выбором, какую из теоретических моделей принять за основу: англо-американскую, отличительное свойство которой значительный слой мелких акционеров и довольно жесткая система ограничений для выхода банков на РЦБ, или немецко-японскую, где основными держателями акций являются банки или крупные инвестиционные фонды. Многие отдадут предпочтение второй модели: у банков больше возможностей собирать, анализировать информацию, имеются средства для ее аккумулирования, а РЦБ может

существовать только на мощной информационной базе; у банков ниже, чем у мелких акционеров, склонность сбрасывать ценные бумаги при курсовых колебаниях. Правда, возможность более крупных потрясений на РЦБ выше при движении только крупных пакетов акций или мощных инвесторов с диверсифицированными пакетами ценных бумаг. Однако, отмечает А. Сингх, американская модель предполагает прогнозы нормы прибыли на более краткий период, в силу чего они часто завышены, а это, в свою очередь, сужает объемы потенциально возможных инвестиций (высокая ставка процента в качестве критерия отбора инвестиционных проектов сокращает их поток) и в дальнейшем может сказаться на конкурентоспособности страны⁴.

Кроме того, банки как участники рынка ценных бумаг инициируют и поощряют индустриальное развитие в большей степени, чем РЦБ с подавляющим числом мелких акционеров. Так как мелкий инвестор заинтересован только в получении дивидендов, он не может заниматься, например, долгосрочным планированием, максимизацией эффективности предприятия, акции которого у него на руках. Такое явление, конечно, не абсолютно, так как если в рамках американской модели действует стратегический инвестор конкретного акционерного общества, то можно рассчитывать на его заинтересованность в развитии и финансовой устойчивости конкретного предприятия, а также в стабильности экономики в целом.

Таким образом, эволюционная теория предлагает идеальную схему каналов воздействия рынка ценных бумаг на экономическое развитие, но на практике эти методы опосредованы общими политическими и экономическими условиями, степенью развития законодательной базы, развитостью информационной системы государства и другими факторами. По методу участия банков на РЦБ нам ближе европейская модель. Но только при общем благоприятном политическом и экономическом климате, при последовательных и продуманных реформах она приобретет свои особенности и сможет работать.

¹ См. например: S u d w e e k s B r . L . Equity market development in developing countries. New York, 1989; Policymaking in the open economy: concepts and case studies in economic performance / ed. by R. Dornbusch. Oxford, 1993.

² См.: Levine Ross. Stock markets, growth and policy. World Bank, 1990.

³ См.: K u m a r P . C . , Tsetsecos George // Business finance in less developed capital markets. Greenwood Press, 1992.

⁴ См.: Singh Ajit. The stock market and economic development: should developing countries encourage stock markets? World Bank, 1992.

Т.И. МАКАРОВА

ПРАВО НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ В СИСТЕМЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В международных соглашениях о правах человека, заключенных под эгидой Организации Объединенных Наций и вступивших в силу в 1976 г., подчеркивается, что права "проистекают из достоинства, органически присущего человеческой личности"¹. Борьба за человеческое достоинство, вероятно, восходит к самым истокам цивилизации, но концепция использования прав человека для утверждения его достоинства — явление сравнительно новое.

Современные моральные и политические традиции опираются на целый ряд теорий нравственной справедливости. Пожалуй, самая распространенная из них — это теория единственного права, которая постулирует существование объективного нравственного закона — естественного права, обязательного для всех людей и служащего критерием оценки всех видов человеческой деятельности.

Права человека по своей природе универсальны. Декларация прав человека недаром называется "всеобщей", ибо права человека — это права всех без исключения людей. Но сущность и поведение человека в известной мере формируются обществом, временем, поэтому в зависимости от естественных, культурных, политических традиций проявление присущих всему человечеству естественных прав имеет различные формы.

Универсальность прав человека сужается тем, что любой перечень таких прав, сколь бы широко мы их не трактовали, отражает определенное, исторически обусловленное мировоззрение конкретной эпохи. Так, и Всеобщая декларация прав человека есть продукт человеческой мысли второй половины XX в.

В наше время Всеобщая декларация прав человека, провозглашенная в 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН и представляющая собой минимальный перечень прав, признается практически всеми государствами мира и в политической практике имеет вес авторитетного правомочного документа.

Права человека принято подразделять на две группы: а) гражданские и политические; б) экономические, социальные и культурные². Гражданские и политические права на жизнь, гражданство, признание правосубъектности, защиту от жестокого, унижительного или бесчеловечного обращения и наказания, а также защиту от дискриминации по признаку расы, национальности, пола и религии. Сюда же входят юридические права: восстановление в правах в случае нарушения основных прав, презумпция невиновности, гарантия беспристрастного открытого судебного разбирательства с соблюдением всех требований справедливости, запрещение законов, имеющих обратную силу, защита от произвольного ареста, задержания или изгнания, произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь, а также от посягательства на репутацию личности.

Перечисленные во Всеобщей декларации гражданские свободы включают право на свободу мысли, совести и религии, свободу мнений и свободу их выражения, свободу передвижения и выбора места жительства, мирных собраний и ассоциаций. Наконец, политические права включают право на участие в управлении и периодических свободных выборах при всеобщем и равном избирательном праве.

Экономические, социальные и культурные права, зафиксированные декларацией, включают право на жизненный уровень, необходимый для поддержания

здоровья и благосостояния человека и его семьи, право на труд, отдых, досуг и социальное обеспечение, право на образование и участие в культурной жизни общества.

Такое деление достаточно условно. Все перечисленные права взаимосвязаны и неразделимы. В самом деле, разве возможно осуществление основополагающего права на жизнь без реализации права на труд, отдых, досуг, социальное обеспечение?

Признавая условность разделения прав человека на различные группы, понимая, что объективные по природе, данные человеку при рождении, эти права в своих формулировках, в том, как их понимают, являются результатом правотворчества, пусть на самом высоком международном уровне, мы отдаем себе отчет в том, что даже общепринятый перечень прав человека будет постепенно уточняться по мере того, как общее понимание основных признаков человеческого достоинства и качеств нравственной личности будет меняться в соответствии с новыми идеями и материальными условиями.

В каком же направлении возможно и реально такое правотворчество?

Концепция прав человека базируется в первую очередь на понятии индивидуальных прав, т.е. прав отдельной личности в ее взаимоотношениях с государством. Но именно осознание и принятие концепции прав человека не в качестве оторванной от жизни теории или идеи, а в качестве фактора жизни общества привели, как нам представляется, к формулированию на международно-правовом уровне группы прав, называемых коллективными, т.е. такими, которые присущи определенной социальной общности. В этом смысле трактуется, например, право народов на самоопределение — фундаментальное право, которое лежит в основе индивидуальных прав, ибо пользование индивидуальными правами только тогда будет иметь смысл, когда народ в целом свободен и может распоряжаться своей судьбой по своему усмотрению. Если же народу отказано в таком праве, то все индивидуальные права будут простой формальностью.

Диалектическая связь индивидуальных прав и коллективных, или групповых, прав обнаруживается и в неотъемлемом, с нашей точки зрения, праве человека жить в здоровой, благоприятной для жизни окружающей среде.

Не зафиксированное как самостоятельная норма в основополагающих документах по правам человека, это право закреплено в ряде международно-правовых актов по проблемам окружающей человека среды. Декларация Стокгольмской конференции 1972 г. провозглашает как один из принципов охраны окружающей среды право человека на жизнь в такой среде, «качественная сторона которой делает возможным достойный и благополучный образ жизни»³. Всемирная хартия природы 1982 г., одобренная Генеральной Ассамблеей ООН, содержит руководящие принципы поведения государств и народов по отношению к окружающей природе, которые обращены к внутригосударственным правоотношениям, к сфере реального поведения людей, индивидуального или коллективного, ориентируя таким образом на развитие внутреннего законодательства об использовании и охране природы.

Право на благоприятную окружающую среду является новеллой для конституционного законодательства Республики Беларусь. Впервые это право было закреплено в Законе «Об охране окружающей среды», принятом 26 ноября 1992 г. Ст. 2 этого закона называет среди принципов охраны окружающей среды обеспечение прав граждан на благоприятную для жизни, труда и отдыха окружающую среду⁴.

В ныне действующей Конституции Республики Беларусь это право декларируется в разделе «Личность, общество, государство». Ст. 46 провозглашает, что «каждый имеет право на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права»⁵.

Однако в нашем законодательстве это право не наполнено конкретным содержанием. Это означает, что с точки зрения теории права к нему нельзя применить общепринятое представление о субъективном праве как об охраняемом государством объеме прав и обязанностей. Не определяя содержания права граждан на благоприятную для жизни окружающую среду, Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» в то же время перечисляет гарантии этого права. Сюда включены: планирование и нормирование качества

окружающей среды, государственный контроль за состоянием окружающей среды и соблюдением природоохранного законодательства, страхование граждан, возмещение в добровольном и судебном порядке вреда, причиненного здоровью и имуществу граждан загрязнением окружающей среды и иные гарантии⁶. Сейчас есть основания говорить о том, что государственный механизм защиты экологических прав граждан находится в стадии формирования. В нашем законодательстве не разработано понятие "экологическое страхование", отсутствует механизм реализации права граждан на возмещение вреда, причиненного здоровью и имуществу неблагоприятным состоянием окружающей среды.

Представляется, что право граждан на благоприятную для жизни окружающую среду должно быть наполнено содержанием и иметь развернутый механизм государственной защиты, который закрепляется законом и может быть реализован на практике, как это сделано, например, в Законе Российской Федерации "Об охране окружающей природной среды", ст. 11 которого предоставляет гражданам право на охрану здоровья от неблагоприятного воздействия окружающей природной среды, вызванного хозяйственной или иной деятельностью, авариями, катастрофами, стихийными бедствиями⁷.

Закрепленные ст. 5 Закона Республики Беларусь "Об охране окружающей среды" права граждан отражают в основном сферу организационных отношений, в которых могут участвовать граждане с целью реализации своей социальной активности в общественном экологическом движении. Совпадение по многим позициям формулировок ст. 5, закрепляющей права граждан, и ст. 7 (экологические права общественных объединений) подтверждает мысль о том, что право на благоприятную окружающую среду интегрирует в себе черты индивидуальных и коллективных прав человека в том смысле, что носителями социальной активности в охране окружающей среды являются граждане. Интерес каждого из них в отдельности и всех вместе к собственному экологическому благополучию очевиден. Но свои права на это благополучие граждане могут реализовать только в составе общественных экологических объединений.

Представляется, что институт прав человека формируется в направлении прав коллективных как фундамента гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав индивида. Очевидным является и то, что проблемы охраны окружающей среды вошли в ряд проблем дальнейшего развития цивилизации. Именно так расставлены акценты Международной конференцией по окружающей среде и развитию, состоявшейся в 1992 г. в Рио-де-Жанейро. Декларация по окружающей среде и развитию (Декларация Рио), как гласит текст ее преамбулы, "преследует цель установления справедливого глобального партнерства путем создания новых уровней сотрудничества между государствами и людьми"⁸.

Характерно, что содержащиеся в Декларации Рио 27 принципов объединяют в одном документе проблемы прав человека, роли женщин и молодежи, местных общин, интересы угнетенных народов с проблемами международного сотрудничества государств в охране окружающей среды и регулировании природопользования.

Такая постановка не только "вписывает" требования поддержания благоприятной для жизни человека окружающей среды в систему прав человека, но и показывает, что дальнейшее развитие человечества возможно лишь при постоянном внимании к проблеме прав человека как индивида и как члена человеческого сообщества.

¹Права человека: Сборник универсальных и региональных международных документов / Сост. Л.Н.Шестаков. М., 1990. С.45.

²Существует и иная система классификации: а) элементарные права и свободы; б) гражданские права; в) политические права и свободы; г) экономические, социальные и культурные (См.: Права человека: Сборник... международных документов. С.7-8.)

³Международное право в документах. М., 1982. С.591-592.

⁴Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1993. №1. Ст. 1.

⁵Конституция Республики Беларусь. Мн., 1994.

⁶Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1993. №1. Ст. 1.

⁷Закон Российской Федерации "Об охране окружающей природной среды". М., 1992.

⁸ООН. Конференция ООН по окружающей среде и развитию. 1992. (Рио-де-Жанейро). Нью-Йорк, 1993. Т.1.

Актуальныя старонкі мінуўшчыны і сучаснасць (публікацыі і пераклады)

“НАША БЯССІЛЛЕ СТАНОВІЦЦА ВІДАВОЧНЫМ...” (па дакументах нямецкага камандавання)

Набліжаецца 55-я гадавіна з пачатку Вялікай Айчыннай вайны. Беларусь адной з першых прыняла ў 1941 г. магутны ўдар, накіраваны гітлераўскай Германіяй на Савецкі Саюз. Вораг імкнуўся ператварыць Беларусь у калонію Германіі. Гэта была наймаверная бяда, трагедыя, якая ламала лёсы людзей. Але людзі не скарыліся. Яны паўсталі на барацьбу за сваю зямлю, за незалежнасць, змагаліся супраць ліха, што прыйшло на Беларусь. Загінуў кожны чацвёрты жыхар рэспублікі. Невыпадкова рэспублікай-партызанкай называлі ў тыя гады нашу краіну. З першых дзён фашысцкай навалы большасць насельніцтва Беларусі стала на шлях барацьбы супраць акупантаў. Жорсткасць акупацыйнага рэжыму толькі ўзмацняла нянавісць да нямецка-фашысцкіх захопнікаў, супраціўленне становілася ўсё больш упартым і непрымірымым. На захопленай ворагам тэрыторыі ствараліся партызанскія атрады, падпольныя цэнтры і групы. Арганізатарамі гэтай барацьбы былі партыйныя і дзяржаўныя органы, а таксама радавыя грамадзяне рэспублікі.

Галоўныя ўдары беларускія партызаны наносілі па варажых камунікацыях, па чыгуначных магістралях.

Грандыёзнай па маштабах і эфектыўнай па выніках была “Рэйкавая вайна” — аперацыя па масаваму падрыву чыгунак з мэтай дэзарганізацыі ваенных перавозак для гітлераўскай арміі. Партызаны кантралявалі многія шашэйныя і амаль усе грунтавыя дарогі, грамілі штабы, склады і гарнізоны захопнікаў. Толькі ў 1943 г. было знішчана больш за 300 варажых гарнізонаў, 217 участкаў і валасных упраў. Значны ўрон акупантам наносілі партызанскія рэйды. Толькі ў лістападзе 1943 г. у іх удзельнічала 1800 партызан. Знішчаючы на сваім шляху гарнізоны акупантаў, яны прайшлі некалькі тысяч кіламетраў па тэрыторыі Мінскай, Пінскай, Баранавіцкай, Брэсцкай і Беластоцкай абласцей.

У ходзе барацьбы з ворагам партызанам удалося вызваліць на канец 1943 г. значную частку Беларусі — каля 60% яе тэрыторыі.

Партызаны і падпольшчыкі не здолелі б адны весці паспяховую барацьбу са шматлікім і добра ўзброеным ворагам, калі б не абпіраліся на дапамогу большасці насельніцтва Беларусі, якое ўсімі спосабамі і сіламі супраціўлялася ваенным, эканамічным і палітычным мерапрыемствам акупантаў, падтрымлівала народных мсціўцаў. Мірныя жыхары забяспечвалі партызан харчаваннем, адзеннем, абуткам, збіралі зброю і боепрыпасы, выконвалі абавязкі сувязных і разведчыкаў, а нярэдка прымалі непасрэдны ўдзел у баявых аперацыях супраць акупантаў.

За тры гады гераічнай барацьбы ў тыле ворага, з чэрвеня 1941 па ліпень 1944 г., патрыёты Беларусі нанеслі вялікі ўрон акупантам у тэхніцы і жывой сіле. Яны знішчылі амаль паўмільёна гітлераўцаў і паліцэйскіх. Значную каштоўнасць для савецкіх войскаў прадстаўляла партызанская разведка, збор інфармацыі аб размяшчэнні, перамяшчэнні і планах праціўніка.

Трэба ведаць, трэба памятаць аб гэтым асабліва сёння, калі пераглядаецца многае з мінулага з пазіцыяй новай, больш поўнай праўды. Дайшлі і да перагляду шэрагу абставін мінулай вайны. У больш трагічным свеце раскрылася праўда аб яе вытоках і вінаватых, аб стратэгіях і тактыках, аб цане перамогі і ахвярах, якіх магло быць менш.

Аднак, разумеючы ўсё гэта, нельга сыходзіць з канкрэтных гістарычных пазіцый, скажаць тое, што было, ацэньваць яго аднабакова.

На жаль, гэта наглядаецца. Скажаюцца сутнасць рэйкавай вайны, адносіны насельніцтва Беларусі да партызан, эфектыўнасць іх дзейнасці, некаторыя пад сумненне ставяць мэтазгоднасць гэтай барацьбы. Але ж нельга кідацца з аднаго боку ў другі, рабіць акцэнт толькі на памылках. Так, былі памылкі, неапраўданыя страты, у многім вінаваты Сталін.

І ўсё ж галоўнае ў тым, што быў падзвіг, была Перамога, якая паказала мужнасць і гераізм нашага народа ў барацьбе з ворагам.

Прапануемыя чытачам дакументы гітлераўцаў яскрава адлюстроўваюць становішча немцаў на Беларусі ў 1943 г. "Яны (партызаны В.К. і Р.П) усюды", — падкрэсліваецца ў адным. "Палажэнне вельмі напружанае", — гучыць у другім. "Нападзенні ажыццяўляюцца штодзённа", — гаворыцца ў трэцім. "Пад нямецкім кантролем знаходзяцца толькі некаторыя ўчасткі". Гэтыя і многія іншыя факты паказваюць, якім на самой справе было становішча, як змагаліся супраць ворага на зямлі Беларусі.

Мы не будзем падрабязна расказваць аб дакументах гітлераўцаў, што прапа-нуюцца чытачу. Тры з іх знаходзяцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь*

Могилев, 17.09.43 г.
Капитан Фидлер

Многоуважаемый господин подполковник!

Искренне благодарю Вас за Ваше письмо от 04.09.43 г.

Я очень рад, что ящик так быстро и в полной сохранности доставлен в дивизию, но больше всего я рад тому, что Вы, господин подполковник, несмотря на Вашу занятость, так быстро ответили мне.

Здесь я пока нахожусь в отделе 1а и замещаю уехавшего в отпуск начальника. Моя новая область деятельности исключительно интересная. Условия здесь значительно отличаются от условий работы нормально действующего корпуса. Борьба с партизанами не похожа на борьбу во фронтовых условиях. Они всюду и нигде, и на фронте трудно создать себе верное представление о здешних условиях. Взрывы на железных дорогах, путях сообщения, диверсионные акты на всех имеющихся предприятиях, грабежи и т.д. не сходят с повестки дня. К этому уже привыкли и не видят в этом ничего трагического. Партизаны все больше нагледят, т.к. у нас, к сожалению, нет достаточного количества охранных войск, чтобы действовать решительно. Имеющиеся силы, включая венгров, в состоянии обеспечить лишь важнейшие ж.-д. линии, дороги и населенные пункты. На широких просторах господствуют партизаны, имея собственное правитель-ство и управление. Все это нужно пережить самому, чтобы поверить в возможность такого положения. Следует удивляться, как, вопреки существующим препятствиям, мы еще довольно сносно обеспечиваем подвоз и снабжение фронта.

Чтобы дать Вам краткое представление о том, что здесь разыгрывается, прилагаю для Вашего ознакомления сводку о деятельности партизан за август месяца.

Я очень сожалею, что мне пришлось оставить дивизию как раз во время оживления боевой деятельности. Однако я с неослабевающим вниманием слежу за ежедневными сводками ЦАГ, за боями дивизии.

Могилев основательно разрушен. Он расположен на Днепре. Мне кажется, что до конца моего пребывания в России я не избавлюсь от этой реки.

Я надеюсь, что этот короткий отчет даст Вам представление о моей новой деятельности.

Прошу передать мой сердечный привет господину генералу и всем знакомым офицерам. Примите мои искренние пожелания военной удачи.

Остаюсь преданный Вам Вольфганг Фидлер.

---

*Публікацыю і аналітычны тэкст падрыхтавалі дактары гістарычных навук У.К. Коршук і Р.П. Платонаў.

Обзор

столкновений, диверсионных актов, собственных потерь и потерь противника, а также данные о трофеях и т.д.

Август 1943 г.

1. Огневые бои	663
2. Нападения на деревни	898
3. Нападения на войска	513
4. Сброшено парашютистов	177
5. Убийства бургомистров	23
6. Убийства военнослужащих (русских)	3
7. Убийства местных жителей	5
8. Взрывы и минирование:	
а) на железных дорогах	14590
б) предотвращено	5628
в) на дорогах	194
г) предотвращено	470
д) на мостах	125
е) предотвращено	—
9. повреждение линий связи	105
10. Разрушено лагерей противника и блиндажей	18
11. Диверсии на предприятиях	154
12. Приземлилось самолетов	—
13. Потери противника:	
а) убитых	711
б) перебежчиков	7
в) взято в плен	6
14. Собственные потери:	
А. Войска	
а) убито	182
б) ранено	306
в) пропало без вести	67
Б. Союзники	
а) убито	60
б) ранено	136
в) пропало без вести	19
В. Местные формирования	
а) убито	100
б) ранено	76
в) пропало без вести	128
Г. Охрана порядка	
а) убито	93
б) ранено	91
в) пропало без вести	82
15. Трофеи	
орудий	—
зенитных орудий	—
ПТ орудий	3
танков	—
самолетов	—
минометов	1
пулеметов	13
ПТР	—

Имперское управление путей сообщения, Минск
Главное управление путей сообщения на Востоке, Варшава

Донесение

о состоянии движения на 16.09.43 г., 14.00

Положение крайне напряженное. Беспрерывно увеличивающаяся деятельность бандитов во всем районе достигла ко времени, указанному в донесении, угрожающих размеров: 65 случаев нападения было до сих пор наивысшим числом. Как днем, так и ночью число таких случаев велико. Иногда количество вспомогательных поездов недостаточно. Как днем, так и ночью оборона от бандитов и защита перегонов являются крайне недостаточными и безрезультативными, так как нападения совершаются ежедневно на тех же самых перегонах. В случае, если не будут проводиться всеохватывающие мероприятия, которые приносили бы результат, то будет полностью нарушено движение на перегонах Минск–Жлобин–Гомель, Брест–Лунинец–Гомель, Жлобин–Могилев и Орша–Кричев–Унеча.

В совокупности 65 бандитских нападений (32 днем) с 63 случаями прекращения движения, из них 38 нападений на поезда, 171 случай заграждения путей, 24 случая минирования, одна воздушная атака, одно попадание мины на переводной стрелочный механизм. Благодаря этому совершенно прекратилось движение на продолжительное время:

Перегоны:

Волковыск–Барановичи	от 13 до 15 час.
Столбцы–Минск	6 час. 30 мин.
Минск–Осиповичи	14 час. 30 мин.
Осиповичи–Жлобин	12 час.
Жлобин–Гомель	14 час. 30 мин.
Молодечно–Полоцк	10 час.
Полоцк–Витебск	8 час.
Могилев–Кричев	16 час. 30 мин.
Жлобин–Могилев	14 час. 30 мин.
Кричев–Унеча	6 час.
Лида–Барановичи	12 час. 30 мин.
Барановичи–Лунинец	от 20 до 24 час.
Брест–Ковель	6 час. 30 мин.
Жабинка–Лунинец	17 час.
Лунинец–Калинковичи	22 часа
Калинковичи–Гомель	18 час.

НАРБ, ф. 4, оп. 33а, д. 33, л. 85–86.

Командование 2 армии

Выписка из приказа от 29.09.43 г.

Меры обеспечения безопасности

1. Положение в районах, занимаемых частями армии в настоящий момент, коренным образом отличается от положения в районах, занимавшихся армией ранее.

Районы, ранее занимавшиеся армией, находились полностью под контролем немецкого командования. Немецкое командование было там абсолютным хозяином положения. Под немецким командованием находились также все, без исключения, шоссе и железные дороги.

Гражданское население можно было свободно привлекать к такого рода работам, как ремонт дорог, очистка их от снега и проч. Снабжение повозочных и санных колонн молоком и другими продуктами легко осуществлялось почти повсюду. Не трудно также было найти и места для расквартирования войск.

В противоположность этому в районах, занимаемых армией в настоящее время, под немецким контролем находятся только отдельные участки. Безопас-

ной можно считать лишь дорогу Пинск–Гомель. Движение по большакам и проселочным дорогам почти совершенно исключено.

Большинство районов находится под контролем партизан. Дороги часто оказываются заминированными, а мосты сожженными или подорванными. Обходы же мостов при неблагоприятных условиях местности по большей части лишены смысла.

Бургомистры, старосты и проч., и т.п. по большей части либо перебиты, либо перешли на сторону банд. Там же, где они остались на местах, они не в состоянии выполнять свои функции из-за террора банд. Такие органы воздействия на народные массы, как "Шума" (Т), "Гела" (7) и проч., как правило, отсутствуют.

Население настроено враждебно. В большинстве случаев, где расположены многочисленные воинские части, приходится сталкиваться с актами саботажа. Имеют место взрывы, минирование дорог и т.п. О регулярной доставке продуктов питания к местам расположения частей не приходится и думать.

Лошадей, подвод и саней далеко не достаточно. Рабочую силу можно найти лишь принудительным путем. Транспортные возможности крайне ограничены специфическими условиями местности (болотистость, изобилие лесных массивов). Более 100 деревень в порядке репрессий сожжено дотла.

2. Указание воинским частям

а) Сочувственное отношение местного населения к бандам и оживление бандитской деятельности в лесной местности требует повышения бдительности. Не приходится доверять ни одному человеку.

б) Часто приходится сталкиваться с бандитскими агентами, переодетыми в немецкую форму. Необходимо усиление жандармских отрядов в целях тщательной проверки всех подозрительных одиночек, а также групп. Необходимо также усилить гарнизоны, на обязанности коих лежит охрана дорог и мостов и содержание их в исправном состоянии.

в) Необходимо строго выдерживать сроки запрещения гражданскому населению выходить на улицу (от момента наступления темноты до рассвета). Каждое гражданское лицо, обнаруженное в течение этого времени на улице, необходимо задерживать и рассматривать как военнопленного.

Население необходимо привлекать для разминирования местности.

В местах расположения войск и войсковых тылов необходимо создавать запретные зоны для гражданского населения, обозначив их соответствующими надписями или условными знаками (трафаретами). Целесообразно брать с собой на сомнительные участки отдельных представителей гражданского населения.

Занятие изолированных помещений квартир воспрещается. Печи, картофельные погреба, кровати необходимо строго проверять на наличие в них мин, взрывчатых веществ и оружия. Расквартирование частей производится только в строгом соответствии с указаниями местной комендатуры.

Тылы и различные обслуживающие учреждения необходимо тщательно охранять вооруженными отрядами. Особо важное значение имеет охрана мельниц, лесопилок и т.п., обслуживающих воинские части.

Рабочие команды из гражданского населения во время работы должны находиться под строгой охраной (конвоем). Одиночную езду необходимо воспретить. Ни шагу без оружия! Подъезды необходимо тщательно проверять при любых обстоятельствах.

Сжигание дотла населенных пунктов вредит нашим частям и способствует увеличению численности бандитских отрядов.

Гражданских лиц, добровольно борющихся с бандами и разминирующих различные участки, тем самым оказывающих большую помощь нашим войскам, необходимо щедро поощрять и награждать.

г) Особая ответственность за безопасность возлагается на командиров подразделений.

Нач.штаба армии
генерал Вартенен

Новае ў вучэбным працэсе

А.М. АЛПЕЕЎ, І.Ф. РАМАНОЎСКИ

ВЫВУЧАЕМ ГІСТОРЫЮ ГРАМАДСКІХ РУХАЎ І ПАЛІТЫЧНЫХ ПАРТЫЙ

Дзевяностыя гады ў гісторыі нашай краіны характарызуюцца працэсам бурнага ўзнікнення вялікай колькасці самых разнастайных палітычных партый, арганізацый і рухаў. Шматпартыйнасць, якая па многіх сваіх характарыстыках не мае зарубажных аналагаў, усё больш выразна становіцца атрыбутам грамадскага жыцця Рэспублікі Беларусь.

Менавіта таму кафедра сусветнай і айчынай гісторыі БДУ і кафедра гуманітарных дысцыплін гуманітарна-эканамічнага недзяржаўнага інстытута прапануюць студэнтам упершыню распрацаваны курс “Гісторыя грамадскіх рухаў і палітычных партый”. Гэты курс выключна важны ў наш час, таму што дазваляе ўстараніць так званыя “белыя плямы” айчынай гісторыі, пераадолець стэрэатып вышэйшай гістарычнай адукацыі, калі вывучалася гісторыя толькі адной партыі, яе тэорыя, палітыка і практычныя дзеянні. Між тым у дарэвалюцыйны і паслярэвалюцыйны перыяд у Расіі дзейнічала каля 100 палітычных партый, якія актыўна ўдзельнічалі ў гістарычных працэсах. Адны з іх выражалі інтарэсы самаўладства, другія патрабавалі абмежавання ўлады манарха парламентам і канстытуцыяй, трэція змагаліся за звяржэнне царызму і ўсталяванне ў Расіі дэмакратычнай рэспублікі.

У гэтым гістарычным курсе даследуюцца таксама дзейнасць розных палітычных партый на тэрыторыі Беларусі. Сярод першых партый, што дзейнічалі тут, былі Бунд, РСДРП, сацыялісты-рэвалюцыянеры. Першай з нацыянальных партый была Беларуская рэвалюцыйная грамада, якая ўзнікла ў 1902 г. У 1903 г. на яе аснове была створана Беларуская сацыялістычная грамада (БСГ). Пасля абнародавання царскага маніфеста ад 17 кастрычніка 1905 г. на Беларусі склаўся надзвычай шырокі спектр палітычных партый і арганізацый — ад рэвалюцыйных і рэвалюцыйна-дэмакратычных нацыянальнай арыентацыі да манархічных і ліберальна-буржуазных. Аднак паражэнне расійскай рэвалюцыі 1905–1907 гг. прыпыніла гэты працэс. Пасля перамогі лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. на палітычную арэну Беларусі зноў выйшлі многія партыі. Так, з 22 партый, што дзейнічалі на Беларусі ў 1917–1925 гг., 9 з’яўляліся беларускімі нацыянальнымі партыямі; 1 — памешчыцкая, 2 — ліберальна-буржуазнай арыентацыі і 6 — нацыянальна-дэмакратычнымі партыямі сацыялістычнага накірунку. Акрамя таго, тут функцыянавалі агульнарасійскія (меншавікі, эсэры, левыя эсэры), польскія і яўрэйскія нацыянальныя партыі.

Вядома, што пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. была знішчана шматпартыйная сістэма, у адпаведнасці з ленінскім праектам партыі бальшавікоў была нададзена містычная функцыя дэміурга, іерархічна арганізаванага авангарда, які вядзе за сабой не толькі клас, але і ўсё грамадства. Менавіта па гэтай прычыне доўгі час гісторыя іншых партый скажалася.

Новы курс дае магчымасць глыбокага вывучэння і навуковага пазнання гісторыі і дакументаў палітычных партый і арганізацый, аб дзейнасці якіх мала вядома або наогул невядома сучаснаму студэнту. Вывучэнне праграмных дакументаў партый у тым выглядзе, у якім яны прымаліся і ажыццяўляліся ў свой час, дазволіць студэнтам параўноўваць мэты і задачы, якія ставіла тая ці іншая

партыя, чаго дамагалася, і на аснове самастойнага пазнання рабіць свае ўласныя вывады аб характары дзейнасці палітычных партый, што выступалі як палітычная апазіцыя бальшавікам.

Важна падкрэсліць, што аналіз фарміравання ў пачатку XX ст. шматпартыйнай сістэмы і палітычнага супрацьстаяння ў грамадстве, горкіх і непапраўных узрушэнняў таго часу мае важнае не толькі навуковае, але і палітычнае значэнне, бо дае адказы на самыя вострыя пытанні сучаснасці, калі на Беларусі ідзе актыўны працэс станаўлення палітычных партый. Многія з іх даюць магчымасць даследчыкам зафіксаваць надзвычайнае падабенства і паўтаральнасць сваіх папярэднікаў. І вельмі важна, каб у гэтым працэсе не паўтараліся былыя памылкі ў іх праграмах і тактыцы. Таму аб'ектыўны аналіз мінулага, пошук правільных адказаў для будучага — дыялектыка творчага пазнання гісторыі грамадскіх рухаў і палітычных партый у Рэспубліцы Беларусь.

У новым курсе гісторыя партый і рухаў вывучаецца ў храналагічнай паслядоўнасці. Такі прыныцп дазваляе вызначыць іх месца і ролю ў гісторыі сусветнай цывілізацыі, асаблівасці сацыяльна-палітычнай структуры расійскага грамадства ў першай палове XIX – пачатку XX ст., спецыфіку яе далейшага развіцця, усвядоміць аб'ектыўныя ўмовы ўзнікнення палітычных партый і рухаў. У раздзелах гэтага курса вывучаюцца тэмы: “Грамадска-палітычныя плыні першай палавіны XIX ст.”; “Ліберальны і кансерватыўны рух 60–90-х гадоў”; “Тэорыя і практыка народніцтва”; “Грамадскія рухі ў пачатку XX ст.” Асноўны акцэнт тут робіцца на “крытычных пунктах” гісторыі, калі ўзніклі магчымасці альтэрнатыўнага развіцця, калі ход гэтага развіцця прыводзіў да кардынальных паваротаў у палітыцы. Дзецца абгрунтаванне асабога шляху Расіі ў сусветным цывілізацыйным працэсе з прычыны асаблівасцей яе геаграфічнага становішча, гістарычных традыцый і псіхалогіі насельніцтва. Паказваюцца спецыфічныя рысы эканамічнага развіцця Беларусі ў сістэме Расійскай імперыі, звязаныя перш за ўсё з колькаснай перавагай сярод рабочага класа рамеснікаў, перавагай малога і сярэдняга бізнесу, асаблівасці нацыянальна-класавай структуры грамадства, што, безумоўна, адбілася на палітычнай кансалідацыі беларускай нацыі.

У наступных раздзелах курса аналізуюцца працэсы фарміравання і дзейнасці агульнарасійскіх палітычных партый розных накірункаў: ад сацыял-дэмакратычных, рэвалюцыйна-дэмакратычных да ліберальна-буржуазных і памешчыцка-манархічных партый і арганізацый.

Дэтальна аналізуюцца дзейнасць беларускіх нацыянальна-дэмакратычных партый: БСГ, Беларускай партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў, Беларускай сацыял-дэмакратычнай партыі, сацыялістаў-федэралістаў, раскрываюцца іх праграмныя ўстаноўкі, тактыка, узаемаадносіны паміж імі, паказваецца працэс іх палітычнай эвалюцыі пасля кастрычніка 1917 г. Нягледзячы на кароткі перыяд іх дзейнасці і трагічны лёс, яны ўнеслі значны ўклад у станаўленне дэмакратычных традыцый нашай Айчыны. Цікавасць прадстаўляюць і малавядомыя старонкі гісторыі буржуазных і манархічных партый і арганізацый, што дзейнічалі на Беларусі ў 1905–1918 гг.

Разглядаюцца і праблемы палітычнага руху ў Заходняй Беларусі, паказана дзейнасць КПЗБ, а таксама клерыкальнай нацыянальнай партыі Беларуская хрысціянская дэмакратыя — Беларускае народнае аб'яднанне, якая была заснавана ў Пецярбурзе ў 1917 г. і функцыянавала на тэрыторыі Заходняй Беларусі да 1939 г.

У дадзеным курсе асвятляецца таксама нарошчванне сацыяльна-палітычных супярэчнасцей у рамках савецкай аднапартыйнай сістэмы, згортванне дэмакратыі ў грамадстве, барацьба за ўладу ўнутры бальшавіцкай партыі, ператварэнне яе ў жорстка цэнтралізаваную арганізацыю, фарміраванне таталітарнага рэжыму ў краіне, падаўленне палітычнай апазіцыі, якая дзейнічала ў рамках сацыялістычнага выбару. Гэта выразна прасочваецца на лёсе беларускіх нацыянальна-дэмакратычных партый сацыялістычнай арыентацыі, у барацьбе з так званай нацдэмаўшчынай, з “беларускімі нацыянал-фашыстамі”, “польскімі шпіёнамі”, “шкодніцка-дыверсійнымі і контррэвалюцыйнымі арганізацыямі”.

Асобны раздзел вучэбнага курса прысвечаны актуальнейшаму пытанню сучаснасці — станаўленню шматпартыйнай сістэмы на Беларусі. Падкрэсліваецца, што для большасці палітычных партый характэрнымі рысамі з'яўля-

юцца нешматлікась, аморфнасць арганізацыйнай структуры, уяўленняў аб асноўных рысах будучага грамадства, адсутнасць палітычнага вопыту, блізкасьць платформ, шырокае выкарыстанне папулісцкіх лозунгаў, неадпаведнасць іх тактычных і стратэгічных установак спадзяванням простых людзей. Таму многія з іх не карыстаюцца папулярнасцю сярод насельніцтва.

Даецца аналіз прычын слабасці палітычных партый на Беларусі. Яны звязаны перш за ўсё з асаблівасцямі менталітэту беларускага народа, гістарычнымі традыцыямі, неразвітасцю дэмакратычных традыцый, палітыкай дзяржаўных структур. Адсутнасць адваротнай сувязі паміж уладай і народам, абвастрэнне сацыяльна-эканамічнага крызісу, няздольнасць урада і парламента палепшыць сітуацыю ў краіне выклікалі палітычную апатыю, нігілізм, падзенне даверу да органаў улады і яе прадстаўнікоў, да палітыкі наогул.

У рэспубліцы, дзе адсутнічае паўнацэнная сацыяльная база для шматпартыйнасці, грамадства не структуравана і не дыферэнцыравана ў сацыяльна-палітычным плане, а значная частка насельніцтва люмпенізавана, у гэтых умовах цяжка вызначыць, каго рэальна прадстаўляюць многія партыі і іх кіраўнікі. Тым не менш працэс станаўлення шматпартыйнай сістэмы з'яўляецца важным фактарам дэмакратызацыі грамадства, паказчыкам, які ў значнай меры можа ўплываць на сацыяльна-эканамічныя змены, дасягненне палітычнай стабільнасці і кансалідацыі ў краіне. Партыі імкнуцца данесці свае мэты да шырокіх колаў насельніцтва, згуртаваць яго вакол сябе.

У вучэбным курсе аналізуецца ўздзеянне на стан грамадства і палітычную сітуацыю, якая склалася цяпер на Беларусі, закона "Аб палітычных партыях", прынятага 5 кастрычніка 1994 г. Вярхоўным Саветам. Яго прыняцце дазволіла:

- даць дакладнае прававое тлумачэнне паняцця "палітычная партыя" (паводле гэтага дакумента, "палітычнай партыяй з'яўляецца незалежнае, утворанае на аснове індывідуальнага добраахвотнага членства аб'яднанне грамадзян, якое дзейнічае ў рамках Канстытуцыі і законаў Рэспублікі Беларусь, садзейнічае выяўленню і выказванню палітычнай волі грамадзян і ўдзельнічае ў выбарах"¹);

- вызначыць месца палітычных партый у палітычнай сістэме Беларусі, іх правы і ўмовы дзейнасці;

- зафіксаваць прынцыпы ўзаемаадносін партый з органамі дзяржаўнай улады;

- узаконіць фінансавыя і матэрыяльныя крыніцы дзейнасці партыйных структур;

- абазначыць асноўныя аспекты ўдзелу партый у выбарчых кампаніях, у дзейнасці прадстаўнічых і заканадаўчых органаў;

- рэгламентаваць працэдуры ліквідацыі палітычнай партыі.

Можна спадзявацца, што ў выніку дзеяння закона "Аб палітычных партыях" якасна зменяцца многія працэсы ў беларускім шматпартыйным асяроддзі: пачнецца інтэнсіўны працэс умацавання арганізацыйных асноў партый шляхам зліцця ідэйна-роднасных фарміраванняў; аб'яднанне іх намаганняў дзеля сумеснага вырашэння задач і ўстанаўлення палітычнай стабільнасці на Беларусі.

Натуральна, што зразумець гісторыю палітычных партый без разгляду проціборства людзей і ідэй, непазбежнага сутыкнення палітычных пазіцый розных сацыяльных груп, жорсткай барацьбы проста немагчыма. Таму ў нашым курсе шмат увагі ўдзяляецца гістарычным асобам: лідэрам палітычных партый, кіраўнікам дзяржаўных органаў і грамадска-палітычных арганізацый, а таксама тым, хто на доўга быў выкрэслены з айчынай гісторыі.

Паглыбленаму вывучэнню дадзенага курса садзейнічае серыя новых вучэбных дапаможнікаў: "3 гісторыі палітычных партый" (Мн., 1993); "Імена в истории" (Мн., 1993); "Праграмныя дакументы палітычных партый" (Мн., 1994); "Палітычныя партыі Беларусі" (Мн., 1994); "Праграмныя дакументы сучасных палітычных партый Беларусі. — Выпуск першы" (Мн., 1995). Рэгулярна знаёміць чытачоў з праграмамі палітычных партый Рэспублікі Беларусь часопіс "Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта" (серыя 3). Уважлівае вывучэнне гэтых матэрыялаў дапаможа студэнтам асэнсаваць альтэрнатыўнасць і супярэчнасць гістарычнага развіцця, разабрацца ў складаных перапляценнях ідэалогіі і палітыкі партый. Творчае пазнанне іх гісторыі, вопыту і ўрокаў з'яўляецца галоўнай задачай новага курса.

¹ Аб палітычных партыях: Закон Рэспублікі Беларусь // Звязда. 1994. 28 кастр.

Сорокин А. Н. Эксперимент: Человек и Земля. Мн.: Наука і тэхніка. 1994. 96 с.

Эта монография освещает непростые проблемы аграрной истории советского общества. Она состоит из трех разделов: "Молох коллективизации", "Ступени поднятия целины", "Демократия в колхозах?"

Уже из анализа содержания правовых основ аграрной политики советской власти, практики их реализации видно, что автор подводит читателя к мысли о необходимости ведения отсчета жертв советского террора с 1917 г. Характеристика 20-х гг. в повествовании А.Н. Сорокина — это время неполного отказа властей предрешающих от содеянного и наработанного в годы "первого штурма" (в том числе от сознательной эксплуатации всех человеческих пороков, избирательного отношения к социально-классовым группам общества). Здесь есть над чем задуматься тем сегодняшним "новаторам" исторической науки, кто настойчиво и напористо пытается идеализировать то время. Результативность и издержки аграрного курса партии исследуются автором через характеристику тенденций дифференциации деревни, развития в ней смешанной экономики, упорного стремления крестьянства к самостоятельному хозяйствованию, все более жесткого регулирования процессов государством с помощью земельной, финансово-кредитной и налоговой политики.

Но основной сюжет нового раздела — реализация "курса на коллективизацию", принятого XV съездом ВКП(б). Обработанный в этой связи материал не обходит, кажется, ни одного сколько-нибудь важного вопроса проблемы. Причем здесь особенно ощущается способность автора выступать первопроходцем. Прежде всего это касается анализа общественно-политической обстановки в стране накануне и в ходе сплошной коллективизации, выявления темпов и сроков, движущих сил коллективизации, положения дел в сельскохозяйственной экономике, в том числе в личных подсобных хозяйствах.

Оригинален и убедителен материал о широкомасштабных репрессиях режима против крестьянства. Совершенно справедлив вывод автора о том, что насилие в деревне совершалось на вполне законных основаниях (в рамках действовавшего тогда законодательства) не только полномочными представителями органов власти, рабочим активом, но и односельчанами. В этой компании активно участвовала интеллигенция, которая "к штыку приравняла перо" и

невольнo вовлекала крестьянство в мясорубку революционных преобразований.

Трудно не согласиться с автором и в том, что коллективизаторский эксперимент по ряду существенных признаков напоминал гражданскую войну (в частности, неадекватность позитивных достижений людским и материальным потерям или несвобода в организации и распределении результатов труда).

Второй раздел — не продолжение первого, но с ним органически связан. Прежде всего через сквозную сюжетно-тематическую линию. Стремясь помочь читателю освободиться от исторических "белых пятен", А.Н. Сорокин снабжает его аргументированным фактическим материалом. В частности, убедительно анализируется динамика развития системы совхозов, эффективность ее производства или ведущая роль совхозов как государственной формы собственности. "Если говорить в целом о месте совхозов в аграрной политике, то надо сказать, что при всех издержках работники совхозов внесли конкретный вклад в решение социально-экономических проблем страны теми методами, которые были в распоряжении нашего народного хозяйства", — к такому выводу приходит автор, вглядываясь в характер развития совхозов в длительной ретроспективе.

В третьем разделе исследователь стремится дать принципиальную оценку развитию демократических основ колхозного строя в 50–60-е гг. На наш взгляд, ему удалось правдиво и объективно воссоздать атмосферу, в которой приходилось жить и работать крестьянам-колхозникам. Предпринятая в первое послесталинское десятилетие перестройка командно-приказной системы управления колхозами актуальна и для современного периода реформ (как в плане осознания значения фактора последовательности реализации выработанных мер, так и характера ослабления централизованных начал в хозяйственной жизни трудовых коллективов, повышения их инициативы в решении общегосударственных дел).

Рецензируемая монография привлекательна не только тем, что в ней по-новому раскрыта общая логика советской аграрной политики в тесной связи с механизмом репрессивной политики, но и предлагается непосредственный выход на современные социально-экономические и политические процессы. Дается также прогноз развития деревни ближайшего будущего. При этом автору видится ускоренное решение продовольственной проблемы в свободном и равноправном развитии различных форм хозяйствования. И здесь он исходит из принципа сосуществования различ-

ных форм собственности, реформирования экономических отношений внутри сложившихся структур.

Остается добавить, что эта интересная и, безусловно, нужная работа пришла к читателю под влиянием прочитанного А.Н. Сорокиным на историческом факультете БГУ спецкурса "Аграрная политика в Белоруссии: от Декрета до Кодекса о земле (1917–1990 гг.)".

**В.К. Коршук,
Ю.Л. Казаков**

Філасофія: Вучэбны дапаможнік / Л.Р. Краўчанка, М.І. Мартынаў, Р.І. Бліхарж і інш.; пад агульн. рэд. праф. А.С. Цернавога. Мн.: НКФ "Эксперспектыва", 1996. 383 с.

У апошнія гады ў многіх краінах СНД выдадзена некалькі падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў па філасофіі. Але па-ранейшаму вельмі мала дапаможнікаў на беларускай мове. Гэты недахоп у некаторай меры скароціць кніга, што рэцэнзуецца. Даволі вялікі для такога выдання аб'ём (24 друк. арк.) дазваляе асвятліць усе асноўныя філасофскія праблемы. Выкладанне матэрыялу і пабудова працы вызначаюцца дастатковай паслядоўнасцю і лагічнасцю.

Адразу звяртае на сябе ўвагу кароткая прадмова-адава да чытача. Тут аўтары фармулююць свой падыход да выкладання філасофіі, звяртаюцца да розуму чытача, настройваючы яго на разуменне вартасці свайго прадмета. У сувязі з гэтым растлумачваюцца як светапогляднае значэнне філасофіі ў фарміраванні актыўнай жыццёвай пазіцыі, так і яе метадалагічная роля ў развіцці культуры мыслення. Каб філасофія ператварылася ў аснову светапогляду, яе вывучэнне не павінна мець нічога агульнага з зазубрываннем асобных палажэнняў, а, наадварот, павінна падштурхоўваць да самастойнага роздуму і ўзважанага крытычнага аналізу актуальных падзей.

Аўтары не з'яўляюцца паборнікамі радыкальнага перагляду як зместу курса філасофіі, так і характару яе выкладання. Яны імкнучца зберагчы разумны баланс традыцый і навацый. У прыватнасці, гэта тычыцца адносінаў да марксісцкай філасофіі, як і інтэрпрэтацый айчынай гісторыі ў цэлым. Такая канструктыўна-крытычная пазіцыя мае на ўвазе і канкрэтна-гістарычны погляд на з'явы мінуўшчыны (у тым ліку і духоўныя) і паважлівыя адносіны да іх. Такі падыход найбольш поўна выкрываецца ў аповядзе пра сацыяльную філасофію, але значна слабей, калі размова ідзе аб вытоках марксісцкай філасофіі. У цэлым жа першы раздзел кнігі адзначаецца грунтоўнасцю гісторыка-філасофскага аналізу.

Патрэбна адзначыць таксама пяты раздзел — адзін з найвялікшых па аб'ёму, у якім на высокім тэарэтычным узроўні разглядаюцца не толькі традыцыйныя, але і такія сучасныя праблемы сацыяльнай філасофіі, як культура і цывілізацыя, цэнасныя адносіны, фармацыйны і цывілізацыйны падыходы да аналізу развіцця грамадства, актуальныя глабальныя праблемы сучаснага чалавецтва. На жаль, праблемы чалавека ў гэтым раздзеле асветлены надта бегла, хоць па логіцы ім павінна быць адведзена дастойнае месца не толькі ў раздзеле, а і ва ўсім дапаможніку. Але, відаць, у гэтым і праявілася

задума аўтараў — у выкладанні курса рухацца ад традыцыйных пытанняў аб сутнасці сусвету (матэрыя, свядомасць), дыялектыкі (яе законаў і катэгорыяў), пазнання і яго формаў да чалавека. Такі пункт гледжання мае права на існаванне, але таксама можа і аспрэчвацца.

Выкладанне формаў навуковага пазнання ў дапаможніку вядзецца традыцыйна, з пазіцый, якія ўжо трывала ўсталяліся, хаця і дастаткова карэктна. Але тут відавочна не хапае свежасці. У прыватнасці, зусім не выражаны адносіны аўтараў да актуальнай сёння праблемы парапсіхалагічных феноменаў. Яна не закранаецца нават у крытычным ключы. Выклікае здзіўленне таксама тое, што пры разглядзе формаў навуковага пазнання не толькі не дадзена іх агульная характарыстыка, але нават месца не знайшлося для такой з іх, як *праблема!* Неапраўдана мала месца адведзена і асвятленню такой важнай філасофскай тэмы, як *метады і формы* навуковага пазнання. А яны ж адыгрываюць першаступенную ролю ў раскрыцці інструментальнай, метадалагічнай функцыі філасофіі. На фоне грунтоўнага разгляду сучаснай заходняй філасофіі ў залішне беглым аглядзе падаецца гісторыя рускай філасофіі. Гэтак жа аглядна і фрагментарна выкладаецца філасофская думка Беларусі.

Аднак, нягледзячы на адзначаныя недахопы, работа ў цэлым вылучаецца вытрыманай строінасцю і змястоўнасцю. Яна, несумненна, будзе карыснай студэнтам і знойдзе сваё месца сярод вучэбных дапаможнікаў падобнага тыпу.

А.І. Оцінаў

Spółeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej (Białoruś Zachodnia i Litwa Wschodnia) w latach 1939–1941. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 1995. 406 s.

Дадзены зборнік артыкулаў падрыхтаваны Інстытутам палітычных даследаванняў Польскай Акадэміі навук на падставе матэрыялаў канферэнцыі, якая праходзіла ў Варшаве ў лістападзе 1993 г. У ім прадстаўлены працы як польскіх гісторыкаў, так і даследчыкаў з Беларусі, Літвы. Глыбіня і грунтоўнасць вывучэння розных аспектаў азначанай тэмы дазваляе лічыць кнігу салідным навуковым выданнем.

Не сакрэт, што ў 1939–1941 гг. рэзка абвастрыліся беларуска-польскія ўзаемаадносіны. Прычын для гэтага было дастаткова. Як падкрэсліваюць аўтары многіх артыкулаў, вытокі недабразычлівасці трэба шукаць яшчэ ў міжваенным перыядзе, калі Заходняя Беларусь (разам з Віленшчынай) уваходзіла ў склад Польшчы. Даследчык з Беларусі Аляксей Літвін акцэнтаваў увагу на афіцыйнай польскай палітыцы 1918–1939 гг. адносна праблем краю. Яго калега Аляксандр Вабішчэвіч прасачыў гэта на прыкладзе адносін да беларускай адукацыі. Напярэдадні верасня 1939 г. беларуская нацыянальная школа (за выключэннем самаадукацыі) фактычна не існавала. Пытанні дэмаграфіі і грамадска-палітычных адносін у Заходняй Беларусі ў 20–30-я гады сакранулі польскія гісторыкі Пётр Эберхардт і Збігнеў Запароўскі.

Доўгі час вераснёўскія падзеі 1939 г. адна-

значна трактаваліся як акупацыя — некаторымі польскімі вучонымі, заходнімі даследчыкамі; як вызваленчы паход — савецкай гістарыяграфіяй. Матэрыялы зборніка даюць магчымасць больш уважліва паставіцца да ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР, усталявання там савецкай улады, першых пераўтварэнняў. Іх аўтарамі з'яўляюцца гісторыкі Польшчы Чэслаў Гжэляк (для вывучэння ваенных дзеянняў паміж польскімі і савецкімі войскамі ў верасні 1939 г. упершыню выкарыстаў архіўныя дакументы Чырвонай Арміі), Станіслаў Ячыньскі (аб лагерах НКВС на тэрыторыі Беларусі для польскіх ваеннапалонных), Міхал Гнатоўскі, Тадэвуш Гаштольд, Марэк Вежбіцкі, Яўген Мірановіч (аб стаўленні беларусаў Беласточчыны да савецкай улады ў перадваенныя гады — 1939–1941), літоўскі навуковец Гінтаўтас Вілкіяліс (аб лёсе польскіх салдат, якія былі інтэрніраваны ў Літву).

Закранутыя даволі трагічныя старонкі мінуўшчыны — арышты і дэпартацыі насельніцтва заходніх абласцей Беларусі ў той час. Аналіз раней закрытых архіўных дакументаў дазволіў Аляксандру Хацкевічу зрабіць выснову, што з кастрычніка 1939 па 20 чэрвеня 1941 г. у заходніх абласцях Беларусі было рэпрэсіравана больш за 125 тыс. чалавек (з іх больш 120 тыс. чалавек высланы ў Сібір, Казахстан і іншыя месцы). На даволі цікавыя дакументы спасылаецца і Якаў Паўлаў, які разглядае механізм рэпрэсіі супраць польскіх асаднікаў.

Дыскусійнымі з'яўляюцца пытанні аб вырашэнні лёсу Вільні ў 1939 г., аб адносінах улад і грамадства Літвы да палякаў на Віленшчыне ў 1939–1941 гг., аб дзеяннях літоўскай паліцыі бяспекі (Саўгумы) супраць польскага падпольнага руху супраціўлення на Віленшчыне, аб стаўленні палякаў да савецкіх, літоўскіх улад (Мікола Іваноў, Алгіс Каспяровічус, Яраслаў Валканоўскі, Лонгін Тамашэўскі, Пётр Нівінскі). Мікола Іваноў падкрэслівае, што перадача Вільні Літве ў 1939 г. была праяўленнем гістарычнай справядлівасці, але форма яе ажыццяўлення ўшчэнт знішчыла сутнасць гэтага кроку. На яго думку, уключэнне Вільні ў склад Літвы было вынікам злачыннай дамоўленасці паміж сталінскім СССР і нацыскай Германіяй, якія пайшлі на гэта, зыходзячы са сваіх імперскіх інтарэсаў.

У многіх аўтараў прагледжваецца думка аб

тым, што менавіта ў тыя гады пачалося інтэнсіўнае складванне польскага руху супраціўлення. Ды і вытокі Арміі Краёвай, дзейнасць якой на тэрыторыі Беларусі яшчэ і цяпер мае неадназначную ацэнку, трэба шукаць як у перыядзе 1939–1941 г., так і ў міжваенным часе.

Адметна тое, што даследчыкі пачалі пазбаўляцца ад аднабаковага бачання праблем, ад ідэалагічных установак. Аднак многія польскія аўтары, аб чым сведчыць дадзеная кніга, працягваюць называць заходнебеларускія землі “паўночна-усходнімі крэсамі II Рэчы Паспалітай”. Іх беларускія калегі працягваюць выкарыстоўваць назву “Заходняя Беларусь”. Большасць польскіх аўтараў усталяванне савецкай улады ў краі ў 1939–1941 гг. лічыць пашырэннем “савецкай акупацыі”.

Варта адзначыць, што ўз'яднанне Заходняй Беларусі з БССР было аб'ектыўным працэсам. Раз'яднання амаль на два дзесяцігоддзі асобныя часткі народа імкнуліся да супольнага жыцця адзіным этнічным арганізмам. І гэтую ісціну нельга абвергнуць. Іншая справа, што вырашалася гэта ў кантэксце геапалітычных пагадненняў паміж СССР і Германіяй, паміж двума таталітарнымі рэжымамі — сталінскім і нацысцкім. Вось аб'ектыўнае схематычнае асэнсаванне той падзеі з улікам усіх фактараў. На жаль, у кнізе на гэта не звяртаецца асобай увагі.

Акрамя адзначанага, у зборніку разглядаюцца адносіны савецкай улады да каталіцкай царквы (Таццяна Процька), да пытанняў культуры, асветы (Аксана Пятроўская, Сяргей Яцкевіч) і інш.

Кніга насычана багатым фактаграфічным матэрыялам. Аўтары выкарыстоўвалі разнастайныя крыніцы — польскія, беларускія, літоўскія архіўныя дакументы (многія з іх уведзены ў навуковы абарот упершыню), успаміны, матэрыялы прэсы і г.д.

Гэтае выданне, несумненна, уносіць пэўны ўклад у распрацоўку пытанняў, звязаных з беларуска-польска-літоўскімі ўзаемаадносінамі. Спадзяемся, што гэтая кніга, як сказана ў прадмове да яе, будзе служыць лепшаму ўзаемапазнанню і ўзаемаразуменню суседніх народаў.

А.М. Вабішчэвіч

Нашы юбіляры

АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОЛОВКО

Исполнилось 70 лет доктору юридических наук, профессору кафедры конституционного права, Заслуженному юристу Республики Беларусь Анатолию Александровичу Головко.

А.А. Головко родился в семье военнослужащего в г. Алексеевка Белгородской области. В 16 лет ушел добровольцем на фронт. Был четырежды ранен, вернулся домой инвалидом 2-й группы. Однако мужество, стремление к активной жизни помогли ему превозмочь болезнь, окончить Харьковский юридический институт, аспирантуру и успешно защитить кандидатскую диссертацию.

В 1954 г. А.А. Головко поступает на работу в Институт философии и права АН Беларуси. С 1959 г. он преподает на юридическом факультете БГУ. С 1965 по 1992 г. возглавлял кафедру конституционного права. В этот период защитил докторскую диссертацию.

А.А. Головко внес весомый вклад в конституционно-правовую науку. Им опубликовано более 300 печатных работ: монографии и брошюры, учебные пособия и научные комментарии, статьи, рецензии. Особое место среди них занимают работы о роли местных Советов депутатов в руководстве сельскохозяйственным производством, а также о проблемах демократии: "Конституция подлинного народного власти" (1979), "Человек, личность, гражданин" (1982).

Высокую оценку юристов-правоведов стран СНГ получило учебное пособие "Советское строительство" (1979), одним из авторов и редактором которого является А.А. Головко. Пока это единственное в республике вузовское учебное пособие по государственно-правовому профилю.

Большое внимание уделяет А.А. Головко подготовке молодых научных кадров. Им подготовлено 30 кандидатов наук, в том числе восемь иностранных граждан.

Много сил и энергии затратил А.А. Головко для установления и упрочения научных связей между кафедрой конституционного права БГУ и учеными-юристами Иенского университета, Академии государственно-правовых наук Бабельсберга (Германия), Люблянского (Югославия) и Софийского (Болгария) университетов, а также с кафедрой государственного права Вильнюсского университета, с учеными-юристами Киевского университета и Харьковского юридического института. Анатолия Александровича регулярно приглашают читать лекции студентам вузов ближнего зарубежья: Харьковского юридического института, Киевского, Томского, Таджикского, Алтайского, Туркменского университетов, а также таких европейских вузов, как Софийский, Иенский, Люблянский университеты.

А.А. Головко выступал с лекциями перед гражданами Дании, США, Японии, Швеции, Австрии, Германии и других стран. В 1977 г. он возглавлял делегацию Республики Беларусь на конференции ООН по территориальному урегулированию.

Будучи одним из активнейших пропагандистов теории государства и права, Анатолий Александрович постоянно выступает перед практическими работниками государственного аппарата Беларуси. Под его непосредственным руководством и активным участием кафедра ежегодно проводила научно-практические конференции с работниками местных Советов республики.

Как педагог А.А. Головко видит главное в своей воспитательной, учебной и научной деятельности в том, чтобы пробудить в молодом человеке интерес к творческому мышлению, помочь избрать активную жизненную позицию. Его лекции отличаются научной глубиной, свежестью мысли, непринужденно живой формой изложения.

Добросовестным трудом, отзывчивостью и принципиальностью он снискал большой авторитет на факультете и в университете.

За боевые и трудовые заслуги А.А. Головко награжден тремя орденами, восемнадцатью медалями, Почетными грамотами Верховного Совета БССР, Минвуза и различных ведомств республики. Ему присвоено почетное звание "Заслуженный юрист Республики Беларусь".

Свое семидесятилетие Анатолий Александрович Головко встретил полным жизненной и творческой энергии. Пожелаем же ему и в дальнейшем оптимизма, творческих успехов в работе, счастья.

А.Н. Крамник

УКАЗАЛЬНИК

**артыкулаў, апублікаваных у “Весніку Беларускага дзяржаўнага
універсітэта”, серыя 3 (гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія,
эканоміка, права) у 1995 г.**

НАШЫ ЛАЎРЭАТЫ

Юхо І.А. Развіццё навукі гісторыі дзяржавы і права Беларусі ў Беларускім дзяржаўным
універсітэце 1 3

ГІСТОРЫЯ

Васільева А.М. Да пытання аб узнікненні беларускага каталіцкага руху 2 10
Гарбачова В.В. Нацыянальна-вызваленчы рух на Беларусі ў канцы XVIII–першай трэці
XIX ст. 2 3
Еўтухоў І.А. Вобраз Рыма ў познеантычным менталітэце (па творах Прудэнцыя і Нама-
цыяна) 2 16
Літвіноўскі І.А. У вытокаў электрыфікацыі народнай гаспадаркі Беларусі 1 10
Лученкова Е.С. Подготовка кадров потребительской кооперации Беларуси в 20-е гг. 2 14
Малюгин О.И. Первые британские мученики 1 12
Никитин М.Г. К вопросу о добровольности присоединения белорусской шляхты к Тарго-
вицкой конфедерации (1792 г.) 1 15
Раманоўскі І.Ф., Жаркоў М.Г. Барацьба народных мас Беларусі супраць самадзяржаўя ў
рэвалюцыі 1905–1907 гг. 2 6
Тогулева А.Д. Беларуская сацыялістычная грамада ў 1917–1918 гг. 1 7
Тогулева А.Д. Беларуская Сацыялістычная Грамада ў перыяд першай рускай рэвалюцыі
1905–1907 гг. 3 68
Шутова О.М. Основы психологической детерминированности исторического процесса
(историографический обзор) 2 20

ФІЛАСОФІЯ

Аванесян Р.Г. Идея гармонии как социокультурный императив взаимодействия человека и
природы 3 15
Анохина В.В. Экологическое сознание: к проблеме определения понятия 3 4
Бартон В.И. Решение парадокса теории множеств (“антиномии Рассела”) средствами
традиционной логики 3 39
Белобродский Д.Г. Авторитаризм как форма политического режима 3 52
Гаршкавоз В. Дз., Лойка А.І. Дынаміка цывілізацыйных працэсаў: рацыяналізацыя грамад-
ства і духоўнасць 2 26
Горных А.А. Проблема текста: психоаналитические аспекты 1 28
Дудко Е.А. Развитие компьютерных технологий и информатизация общества 3 60
Ждановский А.П., Можейко М.А. Массовое экосознание в постчернобыльский период и
проблема разработки социально-экологической стратегии Беларуси 3 16
Кисель Н.К., Касперович Г.И. Антропный космологический принцип как фактор становле-
ния единой науки о человеке 3 43
Круглова Г.А. Политика и экология 3 10
Кузнецова Л.Ф. Человек и природа в научной картине мира 3 22
Медведева И.А. Влияние эволюции детерминистских схем на динамику стиля научного
мышления (на материале истории биологии) 3 35
Мизякина С.Н. Критика классического идеала рациональности в философии Льва Шесто-
ва 1 22
Михеева И.Б. Исторические перипетии дихотомии “мнение — знание” 3 28
Пекарский Ф.В. Философия языка Велимира Хлебникова 1 25
Ровдо В.В. Проблемы становления локальной демократии в странах Центральной и Вос-
точной Европы 3 64
Румянцева Т.Г. Фридрих Ницше и его философия жизни 2 34
Савенко А.Ю. Эволюция феномена отчуждения 3 56
Фурс В.В. Понятие Дискурса в “Археологии знания” Мишеля Фуко 1 19
Фурс В.Н. Модель коммуникативной рациональности в философии конца XX в. 2 30
Хомич Е.В. Русская культурная традиция в аспекте современной экологической пробле-
матики 3 31
Яскевич Я.С. Риск как философия поступка субъекта власти 3 48

ПАЛІТАЛОГІЯ, САЦЫЯЛОГІЯ

Абловацкая Н.В. Теоретические предпосылки социального конфликта в условиях совре-
менной Беларуси 1 35
Белобродская Я.А. Мыслители древности о проблемах войны, мира и армии 2 42
Елсукова Н.А., Кечина Е.А. Методологический анализ социального мониторинга 1 37

<i>Ковалевиц В.В.</i> Политология феминизма.....	2 49
<i>Лаптенюк С.Д.</i> Молодая семья в преддверии XXI в.....	2 46
<i>Мельников А.П.</i> Проблемы политологии в работе Аристотеля "Политика".....	1 32
<i>Мельников А.П.</i> Вопросы политологии в трудах Макса Вебера (1858–1920).....	2 39

ЭКАНОМІКА

Беркова О.В. Товары длительного пользования и микроэкономическое поведение потребителя.....	2 59
<i>Бусько В.М.</i> Крытыка фашыскай эканамічнай палітыкі і ідэалогіі вучонымі Беларусі (1922–1929 п.).....	2 66
<i>Голубев С.Г., Тычино В.М.</i> Народные предприятия на Беларуси: быть или не быть?.....	2 56
<i>Каштанова Е.Г.</i> Неоклассический подход к исследованию налоговых систем.....	2 53
<i>Клюня В.Л., Ян Лис.</i> Экономические проблемы преобразования сельского хозяйства Польши в условиях рынка.....	1 46
<i>Ковалев А.В.</i> Соотношение промышленных и сельскохозяйственных цен как условие равновесия экономической системы нэпа.....	1 43
<i>Научитель М.В., Сорвилов Б.В.</i> Современные проблемы становления теории перехода к рыночной экономике.....	12 63
<i>Петровская Л.М.</i> Тенденции экономического роста.....	1 40
<i>Цеханович Т.Ф., Стефанович И.В.</i> Инвестиционные решения.....	3 72

ПРАВА

<i>Ключников Ю.А.</i> Предмет правового регулирования на стадии предварительного следствия.....	2 73
<i>Мартинювич И.И.</i> А.Ф. Кони как педагог и гуманист.....	1 49
<i>Третьякова И.П.</i> Владение как самостоятельный институт права и как одно из правомочий права собственности.....	1 51
<i>Усс В.С.</i> К вопросу о принципах права Республики Беларусь.....	2 77
<i>Хомич В.М.</i> Испытательно-профилактические меры воздействия уголовной ответственности (постановка проблемы).....	3 75
<i>Шавцова А.В.</i> История развития теории государственного суверенитета.....	2 70
<i>Цемелева И.Н.</i> Понятие и правовая природа договора банковского счета.....	1 56

НОВАЕ Ў ВУЧЭБНЫМ ПРАЦЭСЕ

<i>Карако П.С.</i> Категории <i>целое и часть</i> в курсе философии (содержательные и методологические стороны изложения).....	1 59
<i>Кулеш Л.М.</i> Вывучаем гісторыю сусветнай цывілізацыі.....	2 80

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ І СУЧАСНАСЦЬ
(публікацыі і пераклады)

Друпі ўсебеларускі кангрэс.....	1 63
<i>Лаудан Л.</i> Прогресс или рациональность? Перспективы нормативного натурализма.....	3 80
Прававая гарантыя дзейнасці палітычных партый у Рэспубліцы Беларусь.....	1 69
Программа Белорусской Гуманитарной Партии.....	2 83

ХРОНІКА

<i>Грязнова Л.Н.</i> Международный семинар в Вюрцбурге.....	2 90
<i>Яскевич Я.С., Коршук В.К.</i> Проблемы социальной динамики в посттоталитарных обществах.....	2 89

РЭЦЭНЗІІ

<i>Гусев Ю.А., Васильев В.А., Позняков В.В.</i> Социально-гуманитарное познание и императивы современной культуры.....	2 92
<i>Круглов А.А.</i> Основы религиоведения.....	2 93
<i>Сакалоў М.К.</i> Праграмныя дакументы палітычных партый.....	1 76
<i>Седельник В.В.</i> Н.В. Сильченко. Закон: Проблемы этимологии, социологии и логики.....	1 77

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Уладзімір Канстанцінавіч Коршук.....	3 78
Уладзімір Нічыпаравіч Сідарцоў.....	3 79